

Петрова А.Б. (Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского), 2025

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА
И ИХ ИНФРАСТРУКТУРА**

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)**

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Научный журнал

№ 3 (20) / 2025

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА И ИХ ИНФРАСТРУКТУРА

Издается с 2020 г.

Выходит 4 раза в год

**Составитель номера –
д-р соц. наук А.Ю. Казакова**

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

SOCIAL NOVELTIES AND SOCIAL SCIENCES

Scholarly journal
№ 3 (20) / 2025

INTELLECTUAL SPACES OF THE CITY AND THEIR INFRASTRUCTURE

Published since 2020
Issued quarterly

Issue editor –
A.Yu. Kazakova (DrS Soc. Sci.)

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Редакция

Главный редактор: О.В. Большакова – д-р ист. наук

Заместитель главного редактора: М.А. Положихина – канд. геогр. наук

Ответственный секретарь: И.А. Чувычкина, PhD

Редакционная коллегия: Борисоглебская Л.Н. – д-р экон. наук, канд. техн. наук (Орел, Россия);
Быков А.А. – д-р экон. наук (Беларусь); Гребеникова Е.Г. – д-р филос. наук (Москва, Россия);
Долгов А.Ю. – канд. социол. наук (Москва, Россия); Казакова А.Ю. – д-р социол. наук
(Москва, Россия); Коровникова Н.А. – канд. полит. наук (Москва, Россия); Манучарян М.Г. –
канд. экон. наук (Армения); Мелешикина Е.Ю. – д-р полит. наук (Москва, Россия); Николаева
У.Г. – д-р экон. наук (Москва, Россия); Погосян Г.А. – д-р социол. наук, академик НАН
РА (Армения); Смирнов С.Н. – д-р экон. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет: Кузнецов А.В. – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (Москва, Россия); Ефременко
Д.В. – д-р полит. наук (Москва, Россия); Акбердинова В.И. – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук
(Екатеринбург, Россия); Алферова Е.В. – канд. юрид. наук (Москва, Россия); Батцэнгэл
Хуухээ – д-р экон. наук (Монголия); Бровко Н.А. – д-р экон. наук (Кыргызстан); Додонов В.Ю. –
д-р экон. наук (Казахстан); Карапетян А.В. – д-р экон. наук (Москва, Россия); Лоскутова И.М. –
д-р социол. наук (Москва, Россия); Макашева Н.А. – д-р экон. наук (Москва, Россия); Мыслiveц
Н.Л. – канд. социол. наук (Беларусь); Петров В.Н. – д-р социол. наук (Краснодар,
Россия); Покровский Н.Е. – д-р социол. наук, канд. филос. наук (Москва, Россия); Прокапа-
ло О.М. – д-р экон. наук (Хабаровск, Россия); Файзуллоев М.К. – д-р экон. наук (Таджики-
стан); Чепель С.В. – д-р экон. наук (Узбекистан); Чжсан Шухуа – PhD (Китай)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в перечень ВАК по специальностям 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика и 5.4.4.
Социальная структура, социальные процессы и институты.

ISSN 2712–7826

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.00

© ИНИОН РАН, 2025

Founder:
Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

Editorials

Editor-in-Chief:
Olga Bolshakova, DrS. (Hist. Sci.)

Deputy editor-in-chief:
Maria Polozhikhina, PhD (Geogr. Sci.)

Executive secretary:
Inna Chuvychkina, PhD

Editorial board: *Borisoglebskaya L.N.*, DrS Econ., PhD Tech. Sci. (Orel, Russia); *Bykov A.A.*, DrS Econ. Sci. (Belarus); *Grebenshchikova E.G.*, DrS Philos. Sci. (Moscow, Russia); *Dolgov A.Yu.*, PhD Soc. Sci. (Moscow, Russia); *Kazakova A.Yu.*, DrS Soc. Sci. (Moscow, Russia); *Korovnikova N.A.*, PhD Polit. Sci. (Moscow, Russia); *Manucharyan M.G.*, PhD Econ. Sci. (Armenia); *Meleshkina E.Yu.*, DrS Polit. Sci. (Moscow, Russia); *Nikolaeva U.G.*, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia); *Pogosyan G.A.*, Academician of the Armenian National Academy of Sciences, DrS Soc. Sci. (Armenia); *Smirnov S.N.*, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia)

Advisory board: *Kuznetsov A.V.*, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia); *Efremenko D.V.*, DrS Polit. Sci. (Moscow, Russia); *Akberdina V.I.*, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DrS Econ. Sci. (Yekaterinburg, Russia); *Alferova E.V.*, PhD Law Sci. (Moscow, Russia); *Battsengel Huuhhee*, DrS Econ. Sci. (Mongolia); *Brovko N.A.*, DrS Econ. Sci. (Kyrgyzstan); *Dodonov V.Yu.*, DrS Econ. Sci. (Kazakhstan); *Kashepov A.V.*, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia); *Loskutova I.M.*, DrS Soc. Sci. (Moscow, Russia); *Makasheva N.A.*, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia); *Myshlivets N.L.*, PhD Soc. Sci. (Belarus); *Petrov V.N.*, DrS Soc. Sci. (Krasnodar, Russia); *Pokrovsky N.E.*, DrS Soc. Sci., PhD (Moscow, Russia); *Prokapalo O.M.*, DrS Econ. Sci. (Khabarovsk, Russia); *Fayzulloev M.K.*, DrS Econ. Sci. (Tajikistan); *Chepel S.V.*, DrS Econ. Sci. (Uzbekistan); *Zhang Shuhua*, PhD (China)

The journal is included in the Russian Science Citation Index.
It is included in the list of Higher Attestation Commission for specialties 5.2.3. Regional and sectoral economics and 5.4.4. Social structure, social processes and institutions.

ISSN 2712–7826

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.00

© INION RAN, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер 10

ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

<i>Положихина Мария Анатольевна</i>	
Интеллектуальная городская среда: направления и перспективы развития	15
<i>Середа Александр Анатольевич</i>	
Организационно-экономический механизм развития городской интеллектуальной среды	34
<i>Литвинцев Денис Борисович</i>	
Не технологиями едиными: прекрасность умных городов в современном мире	53
<i>Гареева Ирина Анатольевна, Гарнага Анастасия Филипповна, Туркулец Светлана Евгеньевна, Слесарев Александр Валерьевич</i>	
Маргинальные зоны в контексте развития цифрового города	63

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

<i>Мелешикина Елена Юрьевна</i>	
Город как инструмент: политический режим и успех «умной нации» Сингапура	78
<i>Орлова Елена Валентиновна, Переселкова Зинаида Юрьевна, Щеглова Мария Игоревна</i>	
Интеллектуальный потенциал города как фактор положительной идентичности населения на примере г. Оренбурга	94
<i>Прокофьева Алёна Викторовна, Лядова Анисья Александровна</i>	
Профессиональная идентичность основателей и директоров автотранспортных музеев как залог сохранения промышленного наследия Урала	109
<i>Крузе Юлия Львовна</i>	
Интеллектуальная среда и игровой формат в урбанистической практике (на примере игры «инвесторы наследия»)	131
<i>Павлова Оксана Алексеевна</i>	
Математический потенциал городской среды для интеллектуального развития личности	145

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

<i>Хурамишина Айгюль Зуфаровна, Талибова Фарида Тагировна, Рустамова Гульшат Махмудовна</i>	
Демографические характеристики «умного города» Иннополиса	160
<i>Гапич Александр Эрикович, Шаповалов Алексей Викторович</i>	
Интеллектуальные траектории и политические ориентиры молодежи Северного Кавказа: цифровой дискурс и социальные практики	172

<i>Ишикнеева Фарида Фалесовна, Горская Ксения Георгиевна</i>	
Потенциал креативных пространств города в конкуренции за талантливую молодежь (на примере Казани)	187
<i>Галкин Константин Александрович</i>	
Обращения пожилых горожан за первичной медико-санитарной помощью в контексте искусственности городской среды (на примере Санкт-Петербурга)	198

CONTENTS

Introducing the issue	10
-----------------------------	----

THE SPACE OF DISCOURSE

<i>Polozhikhina M.A.</i>	
Intelligent urban environment: directions and prospects of development	15
<i>Sereda A.A.</i>	
Organisational and economic mechanism for the development of urban intellectual environment	34
<i>Litvintsev D.B.</i>	
Not by technology alone: the precarity of smart cities in the modern world	53
<i>Gareeva I.A., Garnaga A.F., Turkulets S.E., Slesarev A.V.</i>	
Marginal zones in the context of digital city development	63

POINT OF VIEW

<i>Meleshkina E.Yu.</i>	
The city as a tool: the political regime and the success of Singapore's "smart nation"	78
<i>Orlova E.V., Pereselkova Z.Yu., Shcheglova M.I.</i>	
The intellectual potential of a city as a factor of positive population identity: the case of Orenburg.....	94
<i>Prokofieva A.V., Lyadova A.A.</i>	
Professional identity of directors and the founders of motor transport museums as a key to the preservation of the industrial heritage of the Ural	109
<i>Kruse Yu.L.</i>	
Intellectual environment and game format in urban practice (using the example of the game "Heritage Investors")	131
<i>Pavlova O.A.</i>	
Mathematical potential of urban environment for personal intellectual development	145

HUMAN FACTOR

<i>Khuramshina A.Z., Talibova F.T., Rustamova G.M.</i>	
Demographic characteristics of the Innopolis "smart city"	160
<i>Gapich A.E., Shapovalov A.V.</i>	
Intellectual trajectories and political orientations of the youth of the North Caucasus: digital discourse and social practices	172
<i>Ishkineeva F.F., Gorskaya K.G.</i>	
The potential of creative city spaces in the competition for talented youth (on the example of Kazan)	187

<i>Galkin K.A.</i>	
Appeals of elderly for primary health care in the context of the artificiality of the urban environment (on the example of St.-Petersburg)	198

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Целью настоящего номера является погружение анализа городской динамики в контекст концепций общества знания и родственных концепций, рассматривающих процессы «интеллектуализации» современного общества и города как одного из подуровней социетальной системы. Город анализируется как институциональная среда формирования, накопления, использования и трансляции знания. Основное внимание сосредоточено не на традиционных неравенствах между городом и селом, между городами с разными статусами по месту в системе административно-территориального деления или иным основаниям, а на преимущественно управляемых процессах концентрации знаний и их носителей в пределах заранее выбранных территорий, для которых избрана одна из моделей «интеллектуального» развития, включая создание поддерживающей инфраструктуры. Основным вектором этого развития является повышение уровня и качества жизни населения, опосредованное концентрацией на относительно небольшой, четко идентифицируемой, ограниченной территории научноемких производств, институтов генерации знания, образования и науки, интеллектуалов и представителей «креативного класса», а также меритократическим управлением. Поэтому заинтересованными, вовлеченными в процессы интеллектуализации городской среды сторонами являются не только представители научной, инженерной, академической, художественной или предпринимательской сред, но и все население, а также муниципальные / региональные власти и сити-менеджеры.

Несмотря на то, что «российское общество твердо настроено на интеллектуальный тип развития и соответствующий этому вариант модернизации»¹, единого представления не только о способах реализации такого развития, но и о его эталоне еще нет. Нет четкого разграничения таких вариантов «интеллектуального» города, как академгородок, наукоград, университетский город, город-музей, креативный город, умный город и другие, а определений для каждой модификации существует множество. Часто (ввиду очевидной моды) «интеллектуальная» городская среда рассматривается как абсолютный эквивалент понятия «умный город». Вместе с тем «интеллектуальность» городской среды не сводится к цифровым ресурсам и технологиям (как минимум «интеллектуальная» среда должна включать еще и тех, кто создает эти ресурсы и технологии), хотя большинство авторов, опубликованных в данном выпуске статей, так или иначе упоминают моде-

¹ Андреев А.Л. Интеллектуальные среды: концептуальная перспектива глазами социолога // Вестник Российской академии наук. – 2015. – Т. 85, № 4. – С. 326.

ли «умных городов» или останавливаются более подробно на их соотношении с иными концепциями устойчивого развития, дискутируют о позитивных и негативных эффектах «смартизации» городов или их отдельных территорий. В оценке этих эффектов, гипотетических и реальных, также нет единства: и в медиапространстве, и в научном дискурсе алармистские, конспирологические образы грядущего цифрового рабства сосуществуют с технократическим восторгом. Не только базовая, но и цифровая инфраструктура способны как облегчать, так и усложнять жизнь горожан, характеризоваться разными доступностью и качеством, скрадывать существующие неравенства и порождать новые. Вопрос об их взаимовлиянии пока остается вне поля зрения отечественной урбанистики, социологии и экономики города, хотя А.Л. Андреев подчеркивает необходимость комплексного подхода к развитию интеллектуальной среды, которая зависит не столько от вложений в талантливых индивидов, сколько от институциональных условий формирования и применения таланта: «Речь должна идти о переходе от политики поддержки отдельных (предположительно талантливых) индивидуальностей к политике целенаправленного социального конструирования или, точнее, выращивания креативных интеллектуальных сред»¹.

В соответствии со сказанным выше, перед участниками секции «Городские интеллектуальные пространства и их инфраструктура» Международной научной конференции ИНИОН РАН «Город и повседневность» (8–9 апреля 2025 г.), по материалам которой составлен данный тематический номер, в информационном письме был поставлен ряд вопросов, в целом укладывающихся в три тематических блока: о концепциях, моделях, генезисе и типологии «интеллектуальных» городов; о «механике» интеллектуализации городских пространств (ресурсы, технологии, инфраструктурная обеспеченность – общая и нацеленная на производство знаний, – управленические практики и их институциональные рамки и пр.); о социальном составе «интеллектуальных» городов и отдельных «интеллектуальных» внутригородских пространств с учетом их роли в инновационных процессах.

Эти три тематических блока отражает композиция настоящего номера. Рубрика «Пространство дискурса» включает в себя четыре обзорные статьи, определяющие теоретико-методологическую рамку исследований интеллектуализации городских пространств, обоснования в городах особых «интеллектуальных» ареалов, позитивных и негативных эффектов этих процессов. В рубрике «Точка зрения», опираясь преимущественно на вторичные источники данных или используя полевой опыт, авторы пяти работ предпринимают попытки оценить существующие предпосылки, уровни развития интеллектуальных пространств, представляют кейс-стади конкретных приемов и техник повышения интеллектуального потенциала городского пространства. Наконец, рубрика «Человеческий фактор» представляет итоги четырех эмпирических исследований социально-

¹ Андреев А.Л. Указ. соч. – С. 325.

демографических аспектов формирования и восприятия городских интеллектуальных пространств.

Номер открывает обзор *М.А. Положихиной*, в котором автор рассматривает четыре основных инструмента формирования городской интеллектуальной среды: создание технопарков и университетских кампусов, формирование креативных пространств и внедрение технологий «умного города». Систематизируя существующие подходы, М.А. Положихина обозначает их проблемные точки и противоречивость в попытках практической реализации. Поднятую тему развивает *А.А. Середа*, предпринимая глубокий теоретический анализ сущности городской интеллектуальной среды и давая ей авторское определение. Для объяснения процесса ее формирования и дифференциации городов по уровню инновационно-интеллектуального потенциала автор заимствует из общей теории систем А.А. Богданова понятие «ингрессия». В итоге формируется целостная концепция «ингрессии носителей знания в городскую среду» как главного стимула интеллектуализации городов, управляемой рядом организационно-экономических факторов. Против доминирования технократического подхода в городском управлении, делающем ставку на цифровизацию всех поддерживающих систем городского жизнеобеспечения (ИКТ, IoT, ИИ), направлен третий материал рубрики «**Пространство дискурса**» за авторством *Д.Б. Литвинцева*. Основными аналитическими инструментами в данном случае выступают прекарность, эпистемическое насилие, институциональный газлайтинг, с помощью которых исследователь изучает функции и дисфункции умных городов по всему миру, приходя к выводу, что неизбежным спутником «смартизации» выступает расширение социальной эксклюзии и рост неравенства. Противоположный взгляд на «смартизацию» города представляет коллектив социологов в составе *И.А. Гареевой, А.Ф. Гарнаги, С.Е. Туркулец, А.В. Слесарева*. Давно и продуктивно занимаясь исследованием проблем территориальной маргинальности, соавторы видят в смартизации ранее сформировавшихся в городе депрессивных районов с дурной репутацией путь к их ревитализации посредством трех основных цифровых технологий: мониторинг состояния со стягиванием Big data, умные сенсоры и создание цифровых двойников.

Второй раздел журнала – «**Точка зрения**» – открывается статьей *Е.Ю. Мелешкиной*, которая прослеживает на эталонном с точки зрения динамики цифрового развития примере Сингапура связь между политическим режимом и успешностью внедрения смарт-технологий. Автор приходит к неожиданному выводу, что характерные для Сингапура черты авторитарного правления, тормозящие темпы экономического роста, вопреки общепринятыму мнению об обязательности демократии как предпосылки формирования «умного города», не мешают успешной реализации данного проекта. Можно предположить, что наибольшей значимостью в этом процессе обладает состояние не политической, а социокультурной сферы. Об этом позволяет говорить ревизия функционирования в локальном масштабе (на примере рядового российского областного центра – го-

рода Оренбурга) институтов генерации знаний, от которых производно формирование «интеллектуального потенциала города». Его, в свою очередь, можно считать предпосылкой позитивной городской идентичности и, соответственно, условием благоприятной демографической ситуации, как показывают в своей статье *Е.В. Орлова, З.Ю. Переселкова, М.И. Щеглова*. Качественное исследование очень узкой социально-профессиональной экспертной группы (вовлеченные, общественно активные, преданные своей профессиональной сфере работники, руководители, ветераны автотранспортной отрасли на Урале), предпринятое *А.В. Прокофьевой и А.А. Лядовой*, доказывает способность вносить вклад в повышение интеллектуального потенциала города не только тех, кого традиционно относят к представителям меритократии и креативного класса, но и самых обычных людей из разных социальных слоев при условии их высокой вовлеченности в процесс, лояльности к городу / градообразующему предприятию, и доминирования профессиональной идентичности в структуре личности. Еще одним фактором, по-видимому, является раннее профессиональное ориентирование, поскольку из проведенных с основателями и директорами автотранспортных музеев интервью следует, что у большинства информантов интерес к автопрому проснулся в раннем подростковом возрасте. Последнее позволяет рассматривать различия жителей в способности участвовать в формировании городской интеллектуальной среды с точки зрения соотношения спонтанных и специально организованных компонентов социализации, которые предоставлены в двух последних статьях рубрики. *Ю.Л. Крузе* делится внедренческим опытом целенаправленного развития культурно-географической эрудиции у разных возрастных и образовательных групп игровыми средствами. Разработанная ею игра «Инвесторы наследия» нацелена на формирование локальной и национально-государственной идентичности личности за счет закрепления в культурном активе игроков сведений о широчайшем наборе уникальных отличительных элементов материального и нематериального культурного наследия отдельных населенных мест и регионов России. *О.А. Павлова* видит огромный дидактический и когнитивно-развивающий потенциал в математических артефактах, пронизывающих все городское пространство, – от естественно складывающейся планировочной структуры и градостроительных решений до специально внедряемых малых архитектурных форм, знакомящих с математическими понятиями (часы и календари, числовые системы, «золотое сечение» и т.д.).

Если авторы предыдущего раздела рассматривают интеллектуализацию города как процесс приращения тех или иных учреждений, институций, технических решений, материальных объектов в их соположении и взаимодействии с человеком-творцом и человеком-потребителем, то авторы рубрики **«Человеческий фактор»** сосредоточены на жителях как носителях интеллекта, агентах инноваций и субъектах, по-своему реагирующих на внедрение инновационных практик в зависимости от тех или иных социальных факторов восприятия.

На примере одного из образцовых «умных городов» России – города-спутника Казани Иннополиса – *А.З. Хурамшина, Ф.Т. Талибова и Г.М. Рустамова* анализируют характерные для данного типа городов демографические процессы, акцентируя внимание на репродуктивном потенциале. Они приходят к выводу, что отчетливая дружественность города к талантливой, карьерно-ориентированной и выраженно мужской молодежи, сопровождающаяся множественными миграционными потоками, служит препятствием для воспроизведения и требует более продуманной, согласованной с общей муниципальной и региональной, демографической политики. Ставропольские социологи *А.Э. Гапич и А.В. Шаповалов*, опираясь на собственное определение «интеллектуальных траекторий», исследуют формирование молодежью Северного Кавказа (с охватом всех семи субъектов СКФО) цифрового дискурса, который рассматривается ими как основной источник и средство социализации современной молодежи. В этом дискурсе активно конструируется понимание молодежью социальной справедливости, политических позиций и комфортной городской среды. Соавторы приходят к выводу, что именно активное участие в формировании цифрового контента в сетевых коммуникациях сегодня служит показателем интеллектуальной и политической зрелости молодежи. Результатами онлайнопроса студенческой молодежи делятся *Ф.Ф. Ишкинеева и К.Г. Горская*. Сосредоточившись на проблеме привлекательности креативных пространств для казанских студентов, авторы отмечают фрагментарность существующих практик вовлечения молодежных стартапов в реальную экономическую жизнь города и дефицит социальных лифтов. Одновременно креативность городской среды служит фактором закрепления молодежи в своем регионе. Последняя статья рубрики, написанная *К.А. Галкиным*, обращается к самоощущению пожилых людей, обремененных проблемами со здоровьем, в меняющемся, инновационном, высокотехнологичном городском пространстве. В отличие от молодежи, на запросы которой в первую очередь ориентировано насыщение городских служб и территорий цифровыми технологиями, пожилые люди, как показывают проведенные санкт-петербургским социологом интервью, чаще воспринимают «умную» городскую среду как искусственную, не соответствующую их потребностям (особенно в новых районах города).

Тематика статей не исчерпывает многообразия процессов интеллектуализации городского пространства, а авторы – географы, экономисты, политологи, социологи, культурологи и педагоги – видят эти процессы очень по-разному. Тем не менее в номере прослеживается некоторое единство подходов и оценок динамики современных интеллектуальных городских пространств, что делает его полезным как для теоретиков современного общества знаний, так и для практиков его управляемых изменений.

А.Ю. Казакова

ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

УДК 332.1+711.4

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Положихина Мария Анатольевна

Кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); polozhihina2@mail.ru

Аннотация. В истории человеческой цивилизации города играли и продолжают играть роль центров инноваций и драйверов социально-экономического прогресса. При этом траектория развития самих городов может быть очень разной – от расцвета до полного забвения. Реализация потенциала городов и возможности ведения в них инновационной деятельности во многом определяются состоянием городской среды, прежде всего интеллектуальной. В свою очередь, на нее сильно влияют побочные эффекты от усилий, которые предпринимаются для решения задач, непосредственно не связанных с ее развитием. В работе рассматривается воздействие на интеллектуальную среду городов таких современных инициатив, как создание технопарков и университетских кампусов, формирование креативных пространств и внедрение технологий «умного города». По мнению автора, их результативность в плане использования инновационного потенциала городов могла бы быть выше, если бы государственная политика акцентировалась не на отдельных компонентах, а на взаимосвязях и учитывала коммуникационную составляющую городской интеллектуальной среды.

Ключевые слова: городская среда; технопарк; креативное пространство; университетский кампус; технологии умного города.

Для цитирования: Положихина М.А. Интеллектуальная городская среда: направления и перспективы развития // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 15–33.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.01

Рукопись поступила 04.08.2025.

Принята к печати 08.08.2025.

Введение

Прообразы современных городов появились на заре человеческой цивилизации – 10–12 тыс. лет до н.э. – и очень долго оставались «островками другой жизни» среди преобладающих сельских поселений. Резко ускорившаяся в XX в. урбанизация привела к тому, что в настоящее время горожане составляют большую часть социума. Но и в далеком прошлом, и тем более сейчас состояние городов и процессы, протекающие в них, определяют скорость и направление общественного прогресса. Подчеркивая «парадоксальность и противоречивость города, поражение <...> всяческими социальными недугами, неуправляемый рост, своенравное поведение», отечественный географ-урбанист Г.М. Лаппо отмечал, что именно в городах возникают новые идеи и практики, которые обеспечивают обществу прогрессивное развитие [Лаппо, 1997, с. 3, 11, 14, 17].

Стягивая ресурсы и стимулируя социально-экономическое и технологическое развитие [Семячков, 2021, с. 475], города обеспечивают высокую территориальную концентрацию и неоднородность инновационной деятельности: «то, что покупают и используют во всем мире, создается в очень ограниченном числе локаций. <...> В первой десятке [ведущих инновационных] городов живет менее 3% населения планеты, и там же подаются 40% всех патентных заявок в мире¹...; почти 40% от 2,5 тыс. компаний с наибольшими затратами на НИОКР расположены в этих десяти городах; такая же закономерность характерна для 60% всех компаний-“единорогов” и 35% высоко цитируемых ученых. В креативных индустриях неравномерность еще выше: первая десятка городов будет местом расположения более 55% признанных в мире модных брендов, 65% компаний – производителей высокорейтинговых фильмов, 70% художников – лидеров аукционных продаж» [Куценко, 2022]. Побочным эффектом становится обострение разнообразных экологических, градостроительных, управлеченческих, экономических и социальных противоречий.

Сложные аспекты функционирования городов и их социальная значимость обусловливают высокий общественный и научный интерес к этим вопросам. Еще одним стимулом служат практические потребности по регулированию и управлению жизнью городов в целях обеспечения их устойчивого социально-экономического развития. Тем более, что далеко не все города демонстрируют успешную траекторию и способность нивелировать негативные явления.

Г.М. Лаппоставил эффективность роли городов как локомотивов развития в зависимости от научно обоснованной муниципальной политики [Лаппо, 2019, с. 3]. Однако сформировать ее

¹ Учитываются патентные заявки, поданные по процедуре РСТ (Patent Cooperation Treaty или международный Договор о патентной кооперации, подписанный в Вашингтоне 19 июня 1970 г. Последние изменения в него были внесены в 2001 г.).

весьма непросто из-за разнообразия городов, сочетания типичных и уникальных черт в каждом из них. С одной стороны, это расширяет спектр управленческих решений при выборе пути развития города, с другой – ограничивает возможности копирования конкретных успешных практик. К тому же осмысление последних обычно запаздывает. В связи с чем разрабатываемые стратегии (программы, проекты и планы) развития городов нередко представляют собой социально-экономические эксперименты, далеко не всегда полностью осознанные, а получившиеся результаты часто оказываются не совсем тем, на что рассчитывали.

Все это создает видимость стихийности развития городов. Хотя реальной причиной служит недостаток знаний о совместном воздействии различных механизмов, факторов и условий на состояние городов и их динамику. Кроме того, регулярно возникают новые обстоятельства, которые следует оценивать и учитывать. Несмотря на огромный накопленный объем информации о городах, необходимо продолжать изучать возможности и направления их развития.

Особенно это важно для России в современных сложнейших геополитических условиях. Решение главных национальных проблем – активизация инновационной деятельности, преодоление межрегиональных дисбалансов и депрессивности отдельных территорий – связано именно с развитием городов. В практической плоскости оно трансформируется в задачу эффективного использования их инновационного потенциала.

В свою очередь, реализация инновационного потенциала городов и возможности ведения в них инновационной деятельности во многом определяются состоянием городской среды, прежде всего, интеллектуальной. Целью настоящей работы является систематизация подходов к ее развитию. Обсуждение конструктивных базовых принципов, отвечающих современным вызовам, а также особенностей их применения в конкретных условиях весьма актуально и имеет научно-практическое значение.

Теоретические основы систематизации

Междисциплинарность городских исследований и бум урбанистики [Тургель, 2014, с. 74] в XX в. сформировали огромный поток научной литературы и разнообразие подходов разных научно-практических дисциплин. Социология и экономика города, градостроительство и архитектура нередко базируются на диаметрально противоположных теоретических основаниях, сопровождаются неточностью и множественностью определений. Путаницу добавляет несовпадение используемой отечественной и зарубежной терминологии, временное «наслаждение» концепций и «мода» на отдельные из них. В связи с этим представляется необходимым обозначить общие концептуальные позиции, наиболее продуктивные, с точки зрения автора, для последующих научно-практических конструкций.

Все многообразие подходов можно разделить на оптимистическую парадигму, восходящую к Ш.Л. Монтескье, и восходящий к Ж.Ж. Руссо пессимистический антиурбанизм [Агахиринова, 2019, с. 178]. В рамках позитивной парадигмы авторитетна позиция Д. Джекобс (1969) о городе как источнике экономического роста, которая подкрепляется эмпирически выявленными положительными корреляциями между темпами экономического роста и долей городского населения, производительностью труда и размером города [Минаева, 2010, с. 5]. Отмечается, «что при удвоении размера города увеличение производительности труда в развитых странах составляет от 3 до 8%». В странах более низкого уровня экономического развития отдача от урбанизации в виде роста продуктивности факторов производства может быть еще больше [Коломак, 2015, с. 60].

В качестве реакции на сопровождающее урбанизацию нарастание социально-экологических проблем (в том числе отчуждение человека в городе, безликость массового стандартного жилья, загрязнение окружающей среды и т.д.) в сообществе архитекторов и градостроителей в 1960–1980-х годах сформировался так называемый «средовой подход». В его рамках город рассматривается как большой и сложно устроенный организм. По аналогии с понятием «природная среда» возникло представление о «городской среде» [Формирование комфортной городской среды, 2022, с. 6–7]. В дальнейшем оно получило широкое распространение в научном дискурсе – при размытости данного термина и различном его понимании представителями разных дисциплин и направлений.

В настоящее время городская среда трактуется как совокупность материальных, социокультурных и экономических условий жизнедеятельности городского населения. Инновационность города, по мнению А.С. Ахиезера¹, предопределена многообразием протекающих в нем культурных контактов, что и делает города способными накапливать творческий потенциал и приобщать к нему личность (цит. по: [Лаппо, 1997, с. 127]).

Сформированная усилиями многих субъектов (жителей города, архитекторов и градостроителей, представителей органов власти и управления и т.д.), городская среда и сама непосредственно на них воздействует. «Многочисленные исследования поведения людей в общественных пространствах городов подтверждают гипотезу Я. Гейла² о прямой зависимости количества видов активности, их интенсивности / длительности от качества физической [городской] среды. В свою очередь, имеет место и последующий возвратный положительный эффект: «спровоцированная» пространственно-архитектурными решениями активность городской жизни <...> оказывает непосредственное влияние на последующее восприятие среды как дружелюбной, гостеприимной, комфортной для пребывания» [Нотман, 2021, с. 106].

¹ Отечественный социальный философ и культуролог, доктор философских наук (1929–2007, Москва). В последние годы жизни был ведущим научным сотрудником Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (с 1991 г. работал в Центре демографии и экологии человека).

² Датский архитектор, урбанист и специалист по городскому дизайну (1936 г. р., Копенгаген).

Закономерно, что функционирование и изменение такого искусственного образования, как город, всегда старались регулировать, пытаясь направлять его рост в желательную (с точки зрения субъекта управления) сторону и нивелировать негативные эффекты. В то же время траектории развития разных городов весьма отличаются: помимо успешных существует много депрессивных, умирающих и просто заброшенных. Стремление обеспечить устойчивую позитивную динамику городов и представления о влиянии городской среды на поведение и самочувствие жителей заставили повысить внимание к вопросам ее развития.

Другим основанием стала зародившаяся в конце XIX в. и получившая всеобщее признание с 1970-х годов теория инноваций (их возникновения и распространения) и инновационного потенциала¹ как «возможности и способности по генерации новых идей, созданию технологий, инновационных продуктов, нововведений» [Семячков, 2021, с. 475]. Инновации в настоящее время считаются основной движущей силой экономического и социального прогресса. Соответственно, формирование, использование и наращивание инновационного потенциала городов рассматривается в качестве приоритетного направления их развития, которое обеспечивается двумя способами. Первый – концентрация ресурсов, включая человеческий капитал. Второй – создание благоприятных условий для жизни и творческой самореализации людей. В качестве источников его формирования названы «модернизация среды функционирования экономических объектов; финансирование инновационных проектов и программ; разработка специальных механизмов реализации инновационных проектов и программ, которые основываются на партнерстве государства, бизнеса и общества» [Соколова, Варакина, 2016, с. 2].

Таким образом, одной из объективных особенностей городской среды можно считать ее ориентированность на интеллектуальную и инновационную деятельность. Данный постулат, распространенный среди урбанистов, мало учитывается представителями других научно-практических направлений. Хотя на состояние городской среды сильно влияют побочные эффекты от усилий, которые предпринимаются для решения задач, непосредственно не связанных с ее развитием. Так, повышение уровня интеллектуальности городской среды (интеллектуализация) в значительной степени определяется мерами по стимулированию инновационной деятельности, совершенствованию системы образования и т.д. Однако непонимание или недоучет существующих взаимосвязей во многом снижает эффективность управленческих решений и их результативность. Об этом свидетельствуют примеры современного воздействия (преимущественно косвенного) на интеллектуальную среду городов, попытка систематизировать которые представлена ниже.

¹ «Впервые понятие инновационного потенциала было использовано К. Фримэном – английским экономистом, одним из известнейших исследователем экономических циклов. В своем труде “Экономическая теория промышленных инноваций” (1974) К. Фримэн определил инновационный потенциал как все возможные ресурсы предприятия, которые можно использовать для инновационных процессов» [Беляева, Серебрякова, Адраховская, 2021, с. 277].

Направления развития интеллектуальной городской среды

Предварительно следует отметить, что разное положение российских городов в административной иерархии значительно сказывается на финансовых возможностях органов управления, имеющих муниципальный, региональный или федеральный статус. Кроме того, существует проблема согласования решений, принимаемых отраслевыми и территориальными органами управления. Тем не менее можно выделить несколько широких и достаточно универсальных инициатив, доступных для городов любого размера и административного подчинения. К ним относятся следующие.

Создание и поддержание технопарков. Специалисты отмечают отсутствие единого определения и классификации технопарков из-за межстрановых различий в терминологии [Ульянычев, 2018, с. 116]. Многообразие названий – инновационный центр, научный / университетско-исследовательский / научно-исследовательский / исследовательский и технологический парк, бизнес-инкубатор, кластер высоких технологий, высокотехнологичная долина и пр., – помимо разных переводов зарубежных терминов обусловлено применяемыми маркетинговыми стратегиями и журналистскими метафорами для привлечения внимания к отдельным проектам.

Одно из авторитетных определений (2002 г.) характеризует цели технопарка как достижение «благосостояния местного сообщества посредством продвижения инновационной культуры, а также состязательности инновационного бизнеса и научных организаций» [Ульянычев, 2018, с. 116]. А.А. Андросова выделяет три модели технопарков:

1. Американская (США, Великобритания) характеризуется опорой на вузы и мощной государственной поддержкой;
2. Японская (Япония, Тайвань, Гонконг, Южная Корея) реализуется в специально построенных для коммерческого внедрения результатов исследований городах-технополисах, финансируемых на региональном уровне;
3. Смешанная (Франция, Бельгия, другие европейские страны) формируется усилиями университетов, банков, частных фирм, ориентированных на решение региональных проблем [Андросова, 2019].

Эталонным технопарком считается Кремниевая долина в США¹. «Ключевым моментом» ее развития стала идея «сдавать землю [принадлежащую Стэнфордскому университету] в долговременную аренду для использования в качестве офисного парка», возникшая и реализованная в

¹ Долина Санта-Клара в штате Калифорния, к юго-востоку от Сан-Франциско (участок, протяженностью 1,6 км вдоль побережья одноименного залива). Своей известностью она «обязана производству полупроводников и электронной техники. Долина, бывшая некогда сельскохозяйственным районом (до 1950-х годов славилась сливовыми садами), ныне застроена городами, которые протянулись цепочкой от залива Сан-Франциско до г. Сан-Хосе. Ядром роста оказался Стэнфордский университет в Пало-Альто, где с 1940-х годов велись исследования в области электроники. Первый крупный завод ЭВМ был открыт в 1956 г. фирмой IBM в г. Сан-Хосе» [Леонова, 2011, с. 38]. Название «Кремниевая долина» предложил журналист Д. Хефлер в 1971 г.

1950-х годах. С одной стороны, это «позволяло выпускникам Стэнфорда найти работу в непосредственной близости от альма-матер». С другой стороны, «компании получали высококвалифицированных специалистов» [Леонова, 2011, с. 39]. Главным же стимулом служило стабильное финансирование исследований со стороны государства (прежде всего, военных и космических ведомств), а затем – растущий приток частного венчурного капитала. В результате Кремниевая долина превратилась в крупнейший центр высоких технологий. Сейчас здесь расположено множество компаний, занимающихся исследованиями и разработками в сфере ИКТ: от ведущих мировых корпораций до мелких стартапов. Экосистема Кремниевой долины включает ряд известных университетов и тысячи специалистов, а ее название стало нарицательным (подробнее см.: [Абдулбарова, 2022]).

Повторить успех Кремниевой долины пытались в других странах мира. Удачным примером творческого заимствования зарубежного опыта можно считать формирование высокотехнологичного района «освоения науки и техники» Чжунгуаньцунь в Китае (Пекин) и агломерации Бангалор¹ в Индии (см. подробнее: [Леонова, 2011, с. 41–42]).

В России к реализации идеи технопарка обращалась неоднократно. Первой попыткой можно считать создание в 1965 г. наукограда Зеленоград (Московская область) как реакцию на успех американской Кремниевой долины. Однако она «не сработала» по ряду причин (подробнее см. [Ревзин, 2020, с. 37, 38]).

Второй этап начался, когда «в 1990 г. Правительство РСФСР приняло разработанную Министерством экономики программу «Технопарки России», рассчитанную на пять лет. Цель ее в том, чтобы резко повысить отдачу от тех разработок научно-технических вузов, которые накопились за советский период. Правительство выделило целевое финансирование вузам на создание технопарков, но настолько незначительное, что это не дало результаты» [Сумская, 2007, с. 22], за исключением единичных случаев (в Томске, Зеленограде, Москве). В 1993 г. на фоне стремительного распада наукоградов на вооружение была взята концепция их превращения в технополисы, не получившая практического воплощения из-за финансовых и управленческих проблем [Сумская, 2007, с. 22].

Третий этап, инициированный визитом В.В. Путина в Индию с посещением г. Бангалор в декабре 2004 г., возвел разрозненные попытки создания российских технопарков на уровень национальной политики. В 2007 г. программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» стимулировала развитие ряда территорий в результате создания благоприятных условий для размещения отечественных и международных производств. За период 2007–2011 гг. инфраструктура технопарков получила почти 20 млрд руб. финансовых вливаний из раз-

¹ Столица штата Карнатака, третий по численности населения и второй по уровню грамотности город страны, со множеством высших образовательных учреждений и научно-исследовательских институтов, который называют «индийской Кремниевой долиной».

личных источников. С 2010 по 2014 г. количество технопарков в РФ росло, достигнув 16 единиц [Технопарки России, 2025]. В дальнейшем процесс ускорился. В основном отечественные технопарки строятся по смешанной модели, но есть и попытки заимствования японского опыта. Примерами служит создание технополисов Сколково в Московской области (с 2010 г.) и Иннополиса в Республике Татарстан (с 2015 г.)¹. Максимальное за прошедший период количество технопарков в стране насчитывалось в 2020 г. (183), к 2024 г. оно уменьшилось до 129 (в 46 регионах). Треть из них сосредоточена в Москве и Московской области – 31 (24%) и 14 (около 11%) соответственно [Технопарки России – 2024, 2024, с. 10–12].

Важной вехой стало принятие в 2015 г. ГОСТа², утвердившего официальное понимание технопарков: «управляемый управляющей компанией комплекс объектов коммунальной, транспортной и технологической инфраструктуры, обеспечивающий полный цикл услуг по размещению и развитию инновационных компаний, являющихся резидентами технопарка» [Ульянычев, 2018, с. 116]. Количественно доминируют в России индустриальные технопарки, а высокотехнологичных технопарков менее 20% (всего 24 из 129 в 2023 г.) [Технопарки России – 2024, 2024, с. 10–12]. Однако в состав промышленных парков тоже могут входить учебные комплексы и подразделения, выполняющие прикладные НИОКР (помимо выставочных центров и представительств инновационных компаний).

Резиденты технопарков получают определенные преимущества за счет предоставляемых преференций (как местного, так и федерального уровня) и синергетического эффекта от концентрации компаний в одном месте. Например, в 2010 г. основную долю выручки всех технопарков обеспечили два казанских и один новосибирский [Технопарки России, 2025]. В 2014 г. суммарная выручка резидентов всех технопарков превысила 138 млрд руб., а в 2023 г. достигла почти 550 млрд руб. [Технопарки России – 2024, 2024, с. 14]. Вместе с тем по состоянию на 2018–2019 гг. отмечалось, что источниками почти всего дохода были «аренда и базовые услуги, а уровень предоставления профессиональных и специальных услуг крайне низок» [Технопарки России, 2025].

Государство оказывает разнообразную поддержку созданию и функционированию технопарков: налоговые льготы, целевые финансовые транши, бюджетные и внебюджетные инвестиции в строительство. Увеличение количества технопарков и предоставление им преференций выступает в России прежде всего инструментом поддержки малого и среднего бизнеса, т.е. предпринимательской деятельности. В свою очередь, сопутствующее создание новых рабочих мест на этих площадках или привлечение трудовых кадров (особенно высокой квалификации) активизирует

¹ Вопрос, насколько обоснованным было их создание, а также полученные результаты, остаются предметом острых дискуссий, особенно на фоне неоднозначной ситуации в существующих наукоградах – проектах советской эпохи с градообразующим научно-производственным комплексом (подробнее см.: [Ревзин, 2020]). После того, как в ходе реформ 1990-х годов особые условия их жизнедеятельности исчезли, возникла проблема адаптации наукоградов к новым обстоятельствам и эффективного использования их интеллектуального потенциала. И она до сих пор не решена.

² В который впоследствии вносились изменения. Последняя редакция относится к 2021 г.

использование инновационных практик. Тем самым создание и функционирование технопарков способствует повышению уровня инновационности и интеллектуальности городской среды.

Формирование креативных пространств началось с практик перевода промышленности на окраины Нью-Йорка во время Великой депрессии и сдачи внаем пустующих производственных зданий, которые оказались привлекательными для богемы: сначала в качестве лофтов, далее участков между ними, которые стали заполняться музеями, выставками и культурными центрами. Достигнув пика своей популярности в 1950-е годы, они сохраняют востребованность у звезд шоубизнеса, представителей художественного мира и сегодня, производя самый востребованный товар – «новые смыслы», ориентированные на неординарного потребителя [Стеклова, Рагужина, 2013].

В России с 1990-х годов вопрос использования заброшенных территорий ликвидированных предприятий стоит достаточно остро. В начале нового тысячелетия в стране приступили к воплощению данной концепции креативных пространств, прежде всего в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Самаре. «Сегодня есть понимание, что наследие промышленности – неотъемлемая часть национального достояния и средовой ресурс социальной эволюции. <...> Однако сопоставимые и не менее обнадеживающие резервы провинции блокируются торговлей» [Стеклова, Рагужина, 2013], т.е. доминированием торгового капитала в отечественном частном бизнесе.

В настоящее время во многих странах (включая Россию) получил распространение более широкий подход к развитию креативных пространств. Он подразумевает разнообразную поддержку творческих видов деятельности не только в бывших промышленных зонах. В связи с чем правильнее говорить о расширении сегмента городского социально-экономического комплекса, связанного с креативными индустриями: «в сентябре 2021 г., объявленного ООН Международным годом креативной экономики в целях устойчивого развития, в России была утверждена “Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года”. Несмотря на название документа, описанные в нем механизмы поддержки предлагается в равной степени относить и к мегаполисам, и к другим городам, и даже к негородским территориям» [Креативная специализация российских городов, 2022].

Высокую оценку значения креативных производств в постиндустриальном обществе и жизни современного города (включая вклад в экономику) следует признать заслуженной. Одновременно наблюдается дробление креативной деятельности (разделение на множество мелких сегментов) и возникновение кросс-индустрий, в которых сочетаются творческая и производственная составляющие. Однако размытость теоретической базы пока не дает возможности разграничения креативной, производственной и интеллектуальной городских сред.

Тем не менее особенно перспективной «креативная» модель представляется для развития городов в качестве туристических центров. Успешными примерами могут служить Венеция в Италии, Канны во Франции, Сочи и Мытищи в России. Очевидно, что в этом случае «городская политика должна объединять в единую культурную, промышленную и экологическую» повестку [Юхина, 2021, с. 240].

Вместе с тем инновации способствуют повышению уровня креативности и интеллектуальности любого города. Канадский исследователь Н. Брэдфорд (N. Bradford) систематизировал их виды, выделив инновации в управлении, гражданские инновации, экономические, социальные, художественные и культурные инновации» [Юхина, 2021, с. 240]. Мысль о способности креативного потенциала места стимулировать интеллектуальные способности человека сегодня стала общепризнанной.

Развитие университетских кампусов. Университетские кампусы имеют американо-западно-европейское происхождение, а их особое положение и роль связаны с локализацией части высших учебных заведений в крупных городах Европы и США.

Как отмечают специалисты, возвышению возникших на основе соборных школ (т.е. при соборах или епископских кафедрах) университетов в крупных городах Европы способствовал «переход к контролю за их деятельностью от церковной к светской власти» [Тургель, Бугров, Ойхер, 2023, с. 95–96]. При разрастании университетов в городах формировались «районы с особой структурой: факультетами, общежитиями, библиотеками, научными лабораториями, институтами и т.д.» [Шатило, 2021, с. 24], получившие впоследствии название «кампусы»¹. Считается, что «кампусом <...> впервые назвали территорию Принстонского университета» (США) в 1774 г. «Это сопровождалось полной экономической, правовой и территориальной независимостью университетов, которая и сформировала кампус как пространственно-планировочный феномен. <...> В качестве примера практически идеальной модели воплощения архитектурно-пространственной организации можно привести кампус Техасского университета в Остине² и кампус Венского экономического университета» [Кулешова, 2021, с. 74, 75].

Длительное время университетские кампусы создавались и функционировали по принципу «город в городе». При этом они получили широкое распространение в разных странах и регионах мира. Хотя в России ситуация развивалась по-другому из-за специфики национальной системы высшего образования и резких изменений в ее организации.

Во-первых, в Российской империи высшие учебные заведения создавались и размещались не в малых и средних (как часто в Европе и США), а исключительно в крупных городах³. Во-вторых,

¹ От лат. «campus», т.е. «поле», «лагерь».

² Столица штата Техас (США), около 1,0 млн жителей.

³ Поэтому отдельных университетских городов в стране не возникло. Подробнее см.: [Тургель, Бугров, Ойхер, 2023; Шатило, 2021].

автономии у них было существенно меньше по сравнению с европейскими и американскими вузами. В-третьих, вместо кампусов возникли общежития-пансионы. Например, бурса¹ – общежитие при духовном образовательном учреждении, впервые созданное при Киевско-братском училище (позже – Киевской духовной академии) в XVIII в. В XIX в., как пишут специалисты, студенческий жилищный вопрос решала аренда или проживание в дортуарах учебных корпусов; общежития как отдельные университетские постройки появились на рубеже XIX и XX веков [Попов, 2025].

После Великой Октябрьской революции система высшего образования в России была реформирована в сторону резкого повышения ее эгалитарности, чему способствовали новые правила приема, создание рабочих факультетов, отмена платы за обучение, стипендиальная поддержка, массовое строительство студенческих общежитий и появление типовых проектов, начиная с 1930-х годов [Горлов, 2015]. С одной стороны, «все здание общежития представляло собой коммунальную квартиру. С другой стороны, студент в общежитии волей-неволей превращался в самостоятельный человека» [Горлов, 2015, с. 182].

Студенческие общежития в СССР решали, прежде всего, жилищный вопрос иногородних учащихся вуза. Одновременно обеспечивалось культурно-бытовое обслуживание студентов. Ярким примером комплексного подхода к организации процесса образования служит высотное задание МГУ им. Ломоносова на Воробьевых горах в Москве (1953), из которого студенты могли вообще не выходить. Помимо учебных и жилых помещений (общежитий для учащихся и преподавателей), здесь предусмотрена возможность оказания широкого набора культурно-бытовых услуг (от прачечной и столовых до кинотеатра, бассейна, почты, музея и т.д.).

Однако многофункциональные комплексы были единичны, поскольку строительство одиночных общежитий давало больше возможностей для маневра [Горлов, 2015, с. 180]. Хотя создавались и студенческие городки, «представляющие собой концентрацию общежитий в целостные квартальные застройки», что имело «немало положительных сторон: улучшение административно-хозяйственного обслуживания; компактность планировки жилых корпусов; возможность очередности строительства; организация культурно-бытового обслуживания. Проблема состояла в том, что ... выделить значительные [земельные] участки в условиях сложившейся городской застройки не всегда было возможным» [Горлов, 2015, с. 180]. Тем не менее такие студгородки создавались (например, в Москве – для студентов современного РУДН им. П. Лумумбы или в Долгопрудном Московской области – для студентов МФТИ и т.д.).

В конце XX – начале XXI в. в западных странах, в результате переосмыслиния миссии университета, начался переход от «городского университета» («urban university») к «университету в

¹ Возникли во Франции (лат. *bursa* – «карман, кошелек») и представляли собой своеобразные пансионы, в которых студентам предоставлялась общая квартира с полным содержанием (оплачиваемая большей частью на средства меценатов, а впоследствии и за плату). Причем жившие тут студенты находились под строгим надзором: не смели выходить без разрешения, должны были одеваться согласно предписаниям и т.п.

городском обществе» («university in urban society») [Коровникова, 2023, с. 70]. Соответственно, изменилась роль университетских кампусов и повысилось их значение. «Традиционный закрытый университетский двор, служивший местом общения и проведения досуга, постепенно теряет свою роль. Вместо него возникают открытые парки и сады, доступные для всего университетского сообщества. Со временем такое общественное и коммуникационное пространство распространяется на всю территорию кампуса» [Попов, 2025]. Сегодня кампусы моделируют исходя не только из жилищных, образовательных и научных функций, но и «третьей миссии университета», а также бизнес-составляющей [Университетские кампусы и город..., 2021, с. 28].

В результате распространения идей третьей (социальной) миссии университетов отношение к бывшим студгородкам и институтским общежитиям в России изменилось (и их тоже стали называть кампусами). Стремление повысить конкурентоспособность отечественного образования на мировом рынке и результативность использования инновационного потенциала вузов способствовало более высокой оценке их возможностей: «В 2021 г. В. Путин поручил правительству создать в различных регионах страны сеть современных кампусов мирового уровня в рамках нацпроекта¹. До 2036 г. <...> планируется возвести сеть из 40 таких городков, которые станут не только образовательными, но и технологическими и культурными центрами регионов» [Попов, 2025]. «Проект создания студенческих кампусов сегодня является одним из важнейших для научно-технологического развития России, для привлечения талантливой молодежи в регионы, а также для обеспечения технологического суверенитета страны. <...> Кампусы должны стать открытыми не только для учащихся и преподавателей вузов, но и для жителей населенных пунктов, в которых они строятся» [Шутов, 2024]. К числу таких кампусов относится, например, «Кантиана» на базе Балтийского ФУ в Калининграде, кампусы на базе Новосибирского ГУ, Уральского ФУ (Екатеринбург) и Орловского ГУ, кампусы мирового уровня в Челябинске и Самаре, межвузовский студенческий кампус Евразийского научно-образовательного центра в Уфе, новый кампус МГТУ им. Н.Э. Баумана и т.д.

Современную инициативу создания в России сети кампусов мирового уровня нельзя считать совершенно новой или оригинальной. Как уже отмечалось, студгородки в стране не редкость. Позитивным моментом является декларация «интеграции разных типов кампусов в городское пространство, а также требования к городам, которые планируют позиционировать не только на российском, но и на мировом рынке образовательных услуг» [Университетские кампусы и город..., 2021, с. 44]. Хотя уже в этой идее заложено противоречие: на что ориентироваться при создании кампусов: на городскую (т.е. локальную) проблематику или глобальный рынок образовательных услуг?

¹ «Молодежь и дети».

Только положительно можно оценить и стремление улучшить культурно-бытовые условия проживания студентов. Безусловно, они в этом нуждаются, но «цена вопроса» – 40 новых кампусов и 800 отремонтированных общежитий на всю страну до 2036 г., согласно нацпроекту, – не маловато ли? По состоянию на 2024 г. в России насчитывалось 3022 общежития, причем «две трети этого фонда построены больше 50 лет назад и к сегодняшнему дню заметно обветшали, а средств на его ремонт у вузов нет» [Гузаирова, 2024]. Если за десять лет планируется отремонтировать только около 30% имеющегося фонда общежитий, то что будет с остальным?

Возникают и другие вопросы. Как следует из открытой информации, создаются «кампусы мирового уровня» по уникальным проектам. Насколько это оправданно в современных условиях – и не лучше ли разработать линейку типовых проектов? Наконец, не приведет ли их создание к повышению уровня концентрации и к сокращению образовательного пространства в стране, а также усилению региональных диспропорций?

Даже в теоретическом плане рассматриваемый национальный проект выглядит достаточно спорным. А ведь многое зависит и от его реализации. В России есть и негативный опыт создания студенческих городков. Примером служит комплекс общежитий СПбГУ в Петергофе (Ленинградская область), построенный в 1970-х годах и в настоящее время являющийся депрессивной территорией. Теперь его собираются бросить, чтобы построить новый университетский кампус в Пушкине [Казаков, 2019]. Более того, появились попытки «трансформации» направления проекта, в частности, предложение о создании «научных кампусов, базирующихся на ведущих научных организациях и их технологических партнерах»¹.

Учитывая специфику университетских кампусов как социально-экономических образований, представляется, что ожидания от национального проекта «Создание сети кампусов мирового уровня» могут быть сильно завышенными в плане стимулирования научно-образовательной и инновационной деятельности. Существуют опасения, что здравая идея по улучшению условий получения высшего образования в России превратится в очередную кратковременную кампанию. Вместе с тем расширение участия студентов и профессорско-преподавательского состава вузов в решении проблем городов, в которых они расположены, безусловно, будет способствовать совершенствованию городской среды и повышению уровня ее интеллектуальности.

Распространение технологий «умного города». Это название набора цифровых технологий служит примером того, как метафора (перевод английского «smart city») стала распространенным понятием, определение которого с начала 2000-х годов не раз уточнялось и изменялось. «Концепт умного города изначально описывал способы использования ИТ-инфраструктуры для создания виртуального пространства реального города. <...> На следующем этапе умный город преимуще-

¹ Такое предложение прозвучало на стратегической сессии в Черноголовке (Московская область) в июле 2025 г. С одной стороны, оно свидетельствует об очередной попытке «вписать» существующие наукограды в государственную научно-техническую политику. С другой стороны, что места им пока в ней не находится.

ственно ассоциировался с усилением роли цифровых технологий в повышении эффективности городского хозяйства. Наконец, сегодня все чаще принято говорить об умном устойчивом городе (smart sustainable city, SSC) <...>, в котором информационно-коммуникационные технологии и другие инструменты, с одной стороны, используются для повышения качества жизни, эффективности функционирования города и предоставления городских услуг, а также для укрепления конкурентоспособности, а с другой – удовлетворяют потребности настоящего и будущего поколений, не оказывая негативного влияния на экономический, социальный и экологический компоненты города» [Приоритетные направления внедрения..., 2018, с. 7].

По мере того, как с 2010-х годов¹ рос и приобретал глобальную инвестиционную привлекательность соответствующий специализированный рынок «передовых технологий для повышения эффективности функционирования городской экосистемы» началась «активная институционализация концепции умных городов (появление профильных стандартов, возникновение национальных и международных ассоциаций и рейтингов, все большее распространение термина в общественно-политическом дискурсе и т.д.)» [Приоритетные направления внедрения..., 2018, с. 8, 23].

Потребность в оценке рынка соответствующих цифровых технологий в глобальном масштабе привела к появлению разнообразных рейтингов «умных городов» мира. Один из них составляет с 2019 г. швейцарский Международный институт управленческого развития (IMD Business School) совместно с Сингапурским университетом технологий и дизайна. Так, в обнародованный в сентябре 2020 г. рейтинг входило 109 городов. К «десятке» лидеров были отнесены Сингапур, Хельсинки, Цюрих, Окленд, Осло, Копенгаген, Женева, Тайбэй, Амстердам и Нью-Йорк. Москва заняла 56-ю позицию, Санкт-Петербург – 73-ю [Умный город: развитие в России, 2024]. В 2025 г. в данный рейтинг входило уже 146 городов (российские города не учитывались). Лидерами стали Цюрих, Осло, Женева, Дубай, Абу-Даби, Лондон, Копенгаген, Канберра, Сингапур и Лозанна [IMD Smart City..., 2025].

Рейтинги позволяют не только оценить ситуацию с внедрением цифровых технологий в том или ином городе, но и выявить тенденции, на основе которых можно прогнозировать спрос на различные технические решения. Так, согласно выводам аналогичного южнокорейского исследования 2024 г., «европейские и азиатские города продолжают лидировать в рейтингах. Они выделяются тем, что отдают приоритет технологиям, которые отвечают местным потребностям, будь то городская мобильность, цифровая доступность или экологичность» [Smart City..., 2024]. Североамериканские города, напротив, опустились в рейтингах «из-за проблем, связанных с инфраструктурой и общественной безопасностью» [Smart City..., 2024]. Подчеркивается, что «города, показы-

¹ Признанию в мировом масштабе и ускорению процессу придал вышедший в 2016 г. доклад ООН «Цифровые дивиденды».

вающие хорошие результаты, поддерживают инициативы, направленные на повышение общего качества жизни населения. Они сосредоточены на увеличении площади зеленых насаждений, расширении возможностей для проведения культурных мероприятий и осуществления социальных связей. В большинстве городов эти усилия сочетаются с инновационными стратегиями по привлечению и удержанию талантов, избирательному стимулированию инвестиций и решению проблем, связанных с географическим неравенством и инклюзивностью» [Smart City..., 2024]. В последнее время повышенное внимание привлекает жилищный вопрос, т.е. доступность и качество жилья в городах [IMD Smart City Index, 2025].

Россия, следуя глобальному тренду, активно поддерживает реализацию концепции умного города государственными мерами. С 2018 г. в стране осуществлялся проект «Умный город», входивший в состав национального проекта «Жилье и городская среда» национальной программы «Цифровая экономика» (2018–2024). Подводя итоги его выполнения, Минстрой России отмечал рост цифровой зрелости российских городов [Минстрой подвел итоги программы..., 2025]. К достижениям профильное министерство отнесло:

- разработку стандартов и методики оценки цифровой зрелости городов;
- создание Центра компетенций «Умный город» для методической поддержки муниципалитетов;
- создание банка успешных цифровых решений для ЖКХ и т.д.

В 2019–2022 г. Минстроем России совместно с МГУ им. Ломоносова была разработана и утверждена методика расчета Индекса цифровизации городского хозяйства или «IQ городов»¹ – «интегральная оценка хода эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации» [Приказ Минстроя РФ от 28.09.2023 № 6967/пр..., 2023]. В 2023 г. исследованием были охвачены 283 города страны. Лидерами цифровой трансформации городского хозяйства среди крупнейших городов стали Москва, Санкт-Петербург и Казань; среди крупных – Тюмень, Владивосток и Севастополь; больших – Южно-Сахалинск, Нижнекамск и Реутов; административных центров – Чернушинский городской округ (Пермский край), Кольцово и Дубна [Результаты расчета..., 2024]. «За период действия проекта IQ городов вырос в 1,5 раза, достигнув в 2023 г. среднего балла 61 из 120 (что на 55% больше, чем в базовом 2018 г.) [Минстрой подвел итоги программы..., 2025].

¹ Принятая методика расчета Индекса «IQ городов» предполагает деление городов на пять групп по численности населения по аналогии расчета Индекса качества городской среды: крупнейшие города (от 1 млн человек), крупные города (от 250 тыс. человек до 1 млн), большие города (100–250 тыс. человек), средние (50–100 тыс. человек) и малые (менее 50 тыс. человек). В 2023 г. IQ городов рассчитывался по 15 направлениям (государственное и муниципальное управление, развитие городской среды и ЖКХ, энергетика, строительство, безопасность, геоинформационные технологии, здравоохранение, молодежная политика, культура, наука и высшая школа, образование, транспорт, спорт, предпринимательство, экология) и содержал 37 показателей [Приказ Минстроя РФ от 28.09.2023 № 696/пр ..., 2023].

С 2025 г. вопросы внедрения технологий «умного города» входят в национальный проект «Инфраструктура для жизни» и рассредоточены по нескольким направлениям, в том числе «Формирование комфортной городской среды», «Модернизация коммунальной инфраструктуры», «Развитие инфраструктуры в населенных пунктах», «Новый ритм строительства» и т.д.

Ускоренное внедрение цифровых технологий в разные отрасли городского хозяйства вынуждает жителей приобретать и использовать новые компетенции. В результате происходит как увеличение человеческого капитала, так и повышение уровня интеллектуальности городской среды. В связи с тем, что данные меры затрагивают не отдельные компоненты городской среды или группы населения, а всех городских жителей, они представляются наиболее широкими по охвату и универсальными по сравнению с другими действиями, рассмотренными выше.

Заключение

Справедливо отмеченные Г.М. Лаппо сложность и разнообразие городов «по выполняемым функциям, составу населения, особенностям планировки» [Лаппо, 2019, с. 4] по мере их интеллектуализации только возрастают. При этом любой город – это искусственные образования и результат человеческой деятельности. Однако из-за разнородного воздействия различных акторов его развитие становится (или представляется) стихийным и хаотичным.

Сложность процессов, разворачивающихся в городах, требует при управлении ими осмысленного и осторожного следования каким-либо теоретическим концепциям. Ведь на состояние городской среды оказывают влияние не только прямые управленческие действия. Меры, предпринимаемые для решения вопросов, непосредственно не связанных с городской территорией, так или иначе имеют побочные эффекты. Причем из-за ограниченных финансовых ресурсов большинства городских администраций они нередко оказываются много сильнее первых.

Пример интеллектуальной городской среды наглядно это демонстрирует. На ее развитии отражаются существующие взгляды на человеческий капитал и систему образования, инновационный процесс и место науки в обществе, роль креативных индустрий и историческое наследие территорий. Выбор между концентрацией или деконцентрацией инновационной деятельности, элитарности высшего образования (воспроизведение элит) или его эгалитарности и массовости (подъем общего уровня образования населения) и другие подобные решения определяют динамику отдельных компонентов городской среды и, тем самым, уровень ее интеллектуальности.

Значительно затрудняет адекватную реакцию на современные проблемы городов смешение разных теоретических концепций и подходов, а главное, быстрая смена в России приоритетов государственной политики (сегодня модно одно, завтра – другое), тогда как развитие городов и городской среды – это инерционный процесс. Результаты действий, предпринимаемых в настоящем по реконструкции или трансформации городской среды, в полной мере проявятся в будущем и бу-

дут значимы в течение длительного периода времени. «Метания» от реализации одного проекта к другому приводят к тому, что получить от них отдачу, как и реально оценить позитивные и негативные стороны, не успевают. Наконец, нужно не просто создавать, но и обеспечивать стабильное функционирование компонентов городской среды (в том числе интеллектуальной) и связей между ними. Это не должно быть краткосрочной кампанией, поэтому требует определенного постоянства стратегического курса государственной политики и согласованности разных ее направлений.

Пока при осуществлении различных инициатив национального масштаба часто не учитывают (или просто не понимают) того, как они скажутся на разных городах и городской среде. Обзор направлений, влияющих на интеллектуальную городскую среду, свидетельствует, что акцент делается на отдельные ее компоненты (объекты сферы образования, инновационного производства, культуры), а не на их взаимосвязи. Но то, что соответствует отраслевому принципу управления, не подходит проектному. Кроме того, явно недооценивается коммуникационная составляющая интеллектуальной городской среды, чье значение в эпоху цифровых технологий резко возросло.

Не следует также забывать о необходимости свободы творчества для развития интеллектуальной среды городов. В этом отношении весьма показателен вывод, сделанный по поводу успешности в советский период новосибирского наукограда (Академгородка): «советские ученые для того, чтобы их оградили от борцов с продажными девками империализма, готовы были сами бежать в тайгу, в бараки, чтобы заняться там генетикой и кибернетикой» [Ревзин, 2020, с. 36, 37].

Решение современных вопросов развития интеллектуальной городской среды предполагает привлечение широкого круга специалистов, продолжение изучения ситуаций и практик в разных городах (кейсов), а также их обсуждение в ходе дискуссий представителей разных научно-практических направлений.

Список литературы

1. Абдулбарова Ю. Silicon Valley: история создания и успеха Кремниевой долины // linDEAL. – 2022. – URL: <https://lindeal.com/business/silicon-valley-istoriya-sozdaniya-i-uspekha> (дата обращения 18.06.2025).
2. Агаширинова В.Ю. Урбанизация как сложное комплексное явление // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 8 (42). – С. 178–191.
3. Андросова А.А. Исследование современных тенденций развития технопарков и технополисов в мире // Вектор экономики. – 2019. – № 3. – URL: <https://vectoreconomy.ru/images/publications/2019/3/innovationmanagement/Androsova.pdf> (дата обращения 18.06.2025).
4. Беляева Г.В., Серебрякова Н.А., Адраховская Л.Л. Генезис теоретических концепций исследования инновационного потенциала // Вестник ВГУИТ. – 2021. – Т. 83, № 3. – С. 276–280.
5. Горлов В.Н. Советские студенческие общежития – акцент на коллективность // Вестник МГОУ. Серия История и политические науки. – 2015. – № 5. – С. 176–182.
6. Гузайрова А. «Плакала каждый день». Студенты больше не хотят жить в общагах и массово снимают квартиры. Какие трудности их ожидают? // Lenta.ru. Экономика. – 2024. – 19.08. – URL: <https://lenta.ru/articles/2024/08/19/arenda-students> (дата обращения 25.07.2025).
7. Казаков И. Общаги в Петродворце снести, бузотерам дать квартиры // Фонтанка. ru. Город. Общество. – 2019. – 11.10. – URL: <https://www.fontanka.ru/2019/10/11/106/?ysclid=mdvj68yd8r744114013> (дата обращения 25.07.2025).
8. Коломак Е.А. Ресурс урбанизации в России // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 59–74.
9. Коровникова Н.А. Образовательный потенциал современного города // Экономические и социальные проблемы России. – 2023. – № 3. – С. 60–78.

10. Креативная специализация российских городов. Научный дайджест. Спецвыпуск / НИУ ВШЭ. Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала. – Москва, 2022. – 42 с.
11. Кулешова Г.И. Университет и город. Очерк эволюции связи университетской институции с городской средой. Ч. 1. Мировой опыт // Academia. Архитектура и строительство. – 2021. – № 4. – С. 70–79.
12. Куценко Е. Ориентир на таланты: как инновационные города меняют стратегию развития // РБК. Тренды. – 2022. – 07.10. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/633e9a1c9a79475df09f423c> (дата обращения 10.06.2025).
13. Лаппо Г.М. География городов. – Москва: Гуманит. изд. центр «Владос», 1997. – 480 с.
14. Лаппо Г.М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия РАН. Серия географическая. – 2019. – № 4. – С. 3–23.
15. Леонова Т. Мировой опыт создания инноградов: истории успеха и выводы для России // Вестник ИЭ РАН. – 2011. – № 3. – С. 37–49.
16. Минаева И.В. Город в территориальном пространстве: обзор зарубежных исследований // Вопросы территориального развития. – 2010. – Вып. 3 (33). – С. 1–12.
17. Минстрой подвел итоги программы «Умный город»: какие результаты достигнуты? // Сметана. – 2025. – 24.02. – URL: <https://smeta-na.ru/novosti/minstroj-podvel-itogi-programmy-umnyj-gorod-kakie-rezultaty-dostignuty/> (дата обращения 21.06.2025).
18. Нотман О.В. Городская среда как междисциплинарное понятие // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 12. – С. 104–107.
19. Попов А. Прообраз современного университета – это монастырское подворье // Коммерсант. Наука. – 2025. – 30.04. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7690795> (дата обращения 20.06.2025).
20. Приказ Минстроя РФ от 28.09.2023 № 6967/пр «Об организации исполнения ведомственного проекта Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации по цифровизации городского хозяйства «Умный город» и признании утратившими силу некоторых актов Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации» // Минстрой РФ. – 2023. – URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/6b8/m0gouhaen1lgnatm6m4lruvvvejb4zy/prikaz-696pr.pdf> (дата обращения 21.06.2025).
21. Приоритетные направления внедрения технологий умного города в российских городах. Экспертно-аналитический доклад / Центр стратегических разработок. – Москва, 2018. – 174 с.
22. Ревзин Г.И. Наукограды в России: вопросы генезиса // Labyrinth. Теории и практики культуры. – 2020. – № 4. – С. 23–42.
23. Результаты расчета Индекса IQ городов за 2023 г. // Минстрой РФ. – 2024. – 02.09. – URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/373609/> (дата обращения 30.05.2025).
24. Семячков К.А. Инновационный потенциал умного города // Журнал экономической теории. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 474–484.
25. Соколова С.А., Варакина С.А. Формирование и реализация инновационного потенциала крупного города в условиях кризиса // Интернет-журнал «Науковедение». – 2016. – Т. 8, № 2. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/54EVN216.pdf> (дата обращения 02.07.2025).
26. Стеклова И.А., Рагужина О.И. Креативные пространства как надежда провинции // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-prostranstva-kak-nadezhda-provintsii> (дата обращения 07.07.2025).
27. Сумская Т.В. Функционирование технополисов и технопарков за рубежом и уроки для России // Вестник НГУ. Серия Социально-экономические науки. – 2007. – Т. 7, вып. 1. – С. 14–24.
28. Технопарки России // TAdviser. – 2025. – 10.07. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Технопарки_России (дата обращения 16.07.2025).
29. Технопарки России – 2024: ежегодный бизнес-навигатор / Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России. – Москва: АКИТ РФ, 2024. – 100 с.
30. Тургель И.Д. [рец.] // Муниципалитет: экономика и управление. – 2014. – № 2 (7). – С. 74–75. – Рецензия на книгу В.Я. Любовного «Города России: альтернативы развития и управления». – Москва: ЭКОН-ИНФОРМ, 2013. – 614 с.
31. Тургель И.Д., Бугров К.Д., Ойхер А.Д. Университетские города России: ожидания vs реальность // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 5. – С. 89–111.
32. Ульянычев М.А. Понятие и социально-экономическая сущность технопарков // Вестник науки и образования. – 2018. – № 15 (51), ч. 1. – С. 115–118.
33. Умный город: развитие в России // TAdviser. – 2024. – 13.12. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Умный_город:_развитие_в_России (дата обращения 30.05.2025).
34. Университетские кампусы и город: кооперация ради конкурентоспособности / ВЭБ РФ, НО Фонд «Центр стратегических разработок». – Москва, 2021. – 67 с.
35. Формирование комфортной городской среды: учебно-методическое пособие / О.И. Адамов, М.И. Афонина, А.Е. Коробейникова, С.В. Привезенцева; Министерство науки и высшего образования РФ, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, кафедра градостроительства. – Москва: Издательство МИСИ – МГСУ, 2022. – 32 с.
36. Шатило Д.П. Университетские города в Европе: понятие, специфика развития, планировочные структуры // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 23–39.
37. Шутов А. Точка притяжения для студентов. Как в России создают образовательные кампусы мирового уровня // Lenta.ru. Экономика. – 2024. – 02.07. – URL: <https://lenta.ru/articles/2024/07/02/tochka/> (дата обращения 20.06.2025).

38. Юхина А.А. Концепции и подходы к пониманию «креативного города» // Научные исследования и разработки. – 2021. – № 10. – С. 235–241.
39. IMD Smart City Index 2025. The housing affordability challenge: A growing concern // IMD. – 2025. – URL: https://imd.widen.net/s/psdrsvpbk7/imd_smart_city_2025_report (дата обращения 21.06.2025).
40. Smart City Index 2024: How cities are shaping the future of urban life // TPBO. – 2024. – 18.09. – URL: <https://placebrandobserver.com/smart-city-index-2024-summary/> (дата обращения 21.06.2025).

INTELLECTUAL URBAN ENVIRONMENT: DIRECTIONS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Polozhikhina M.A.

PhD (Geogr. Sci.), Senior Researcher at the Economics Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); polozhikhina2@mail.ru

Abstract. In the history of human civilization, cities have played and continue to play the role of centers of innovation and drivers of socio-economic progress. At the same time, the trajectory of the development of the city itself can be very different, from its heyday to complete oblivion. The realization of the potential of cities and the possibilities of conducting innovative activities in them are largely determined by the state of the urban environment, primarily intellectual. In turn, it is strongly influenced by the traffic jam effects of efforts that are being made to solve problems that are not directly related to its development. The review examines the impact on the intellectual environment of cities of such modern initiatives as the creation of technoparks and university campuses, the formation of creative spaces and the introduction of smart city technologies. According to the author, their effectiveness in terms of using the innovative potential of cities could be higher if government policy focused not on individual components, but on interconnections, and considered the communication component of the urban intellectual environment.

Keywords: urban environment; technopark; creative space; university campus; smart city technologies.

For citation: Polozhikhina M.A. Intellectual urban environment: directions and prospects of development // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – № 3. – P. 15–33.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

Doi: 10.31249/snsn/2025.03.01

УДК 332.12:332.14

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Середа Александр Анатольевич

Доктор экономических наук, научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия);

sereda@bk.ru

Аннотация. На современном этапе общественного развития инновации и интеллектуальный труд представляют собой ключевые факторы, обеспечивающие суверенитет и конкурентоспособность национальной экономики. Возможности и перспективы расширенного производства инновационной продукции, работ и услуг на городском уровне во многом определяются интеллектуальной средой, существование которой невозможно без носителей знаний. Представленные материалы отражают концептуальные подходы к интеллектуальной среде городов и ее развитию, а также организационно-экономический механизм ингрессии носителей знаний в отечественную городскую среду.

Ключевые слова: интеллектуальная среда; городская среда; носители знаний; ингрессия; организационно-экономический механизм.

Для цитирования: Середа А.А. Организационно-экономический механизм развития городской интеллектуальной среды // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 34–52.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.02

Рукопись поступила 02.07.2025.

Принята к печати 04.08.2025.

Введение

В современных условиях тема формирования и развития городской интеллектуальной среды приобретает особую актуальность.

Во-первых, структурные трансформации мирового ВВП в сторону увеличения его научности определяют изменение спроса на рынке факторов производства. Среди последних все большее значение приобретает труд и особенно труд интеллектуальный. Во-вторых, объективная реальность отечественного рынка труда (как и любого другого) заключается в ограниченной численности носителей знаний, т.е. индивидуумов, способных благодаря своим интеллектуальным и профессиональным качествам участвовать в процессах производства интеллектуальной продукции, работ и услуг. В-третьих, в перспективе конкуренция за носителей знаний в России и в других странах мира будет обостряться (как из-за роста спроса, так и демографических проблем). В связи с этим необходимо создание условий для увеличения количества носителей знаний в стране (в том числе путем привлечения извне) и для повышения результативности их интеллектуальной деятельности.

Данная задача во многом решается за счет развития городской интеллектуальной среды. Следует подчеркнуть, что в настоящее время от этого в значительной степени зависит устойчивость и благосостояние российских городов, а также субъектов Российской Федерации, на территории которых они находятся, так как инновационный потенциал формируется, прежде всего, в городах. В свою очередь, рост интеллектуального и инновационного потенциалов субъектов Федерации определяет конкурентоспособность отечественной экономики в глобальном масштабе, что особенно важно в условиях беспрецедентного санкционного давления и необходимости обеспечения национального суверенитета.

Несмотря на достаточно глубокую теоретико-методологическую проработанность темы интеллектуальной среды и все большую популярность термина при формировании стратегий и долгосрочных планов развития городов, в современной науке так и не сформировалось понятие «городская интеллектуальная среда». Это обуславливает необходимость обобщения концептуальных подходов к ее определению, структуре и условиям формирования. Особый интерес представляет организационно-экономический механизм ингрессии носителей знания в городскую среду. Изучение этого вопроса позволяет формулировать рекомендации по совершенствованию государственной научно-технической политики и городского управления, что составляет практическую ценность подобных исследований.

Понятия и определения

Изучению формирования, функционирования и развития интеллектуальной среды на разных административно-территориальных уровнях значительное внимание уделяли и зарубежные, и отечественные ученые, которые рассматривали данное понятие в рамках различных общественных дисциплин и теоретико-методологических подходов (в том числе А. Аузан, Г.С. Батищев, С.А. Беляков, В.И. Вернадский, Л.С. Выготский, Е.А. Вишленкова, Г.А. Глинчкова, Г.Г. Дилигенский, Э.В. Ильенков, Ю.М. Лотман, Л.А. Фадеева, Р. Berger, N. Luhmann, L. Fleck, P. Worsley, P. Bourdieu и др.).

На наш взгляд, из современных исследователей наиболее полно сущность интеллектуальной среды отразила А.Г. Глинчкова, которая полагала, что «интеллектуальная среда – это сообщество людей, нацеленное на создание интеллектуально-творческого продукта и связанное определенным коммуникативным полем» [Глинчкова, 2023, с. 150]. При этом «интеллектуальная среда включает в себя и институциональный компонент: учебные заведения разного уровня (дошкольные учреждения, школы, университеты); научные учреждения (академии, научно-исследовательские институты); научно-информационные учреждения (журналы, порталы, информационные каналы, телевидение, радио, библиотеки); административно-управленческие институты (министерства, ведомства, комиссии); художественно-творческие институты (театры, музеи, музыкальные объединения, концертные залы, художественные галереи, кино, эстрада); финансово-коммерческие организации, рекламные, продюсерские центры; религиозные организации» [Глинчкова, 2023, с. 150].

Вместе с тем в современной науке отсутствует определение понятия «городская интеллектуальная среда», хотя похожие словосочетания («интеллектуальный город», «умный город», «интеллектуальная система управления городом» и т.п.) широко используются в медиапространстве и при формировании стратегий развития. Однако относятся эти словосочетания скорее к системам автоматизации и управления отдельными сферами городской жизни, практически не затрагивая производство интеллектуальных продуктов. Это делает необходимым сформулировать авторское определение понятия «городская интеллектуальная среда».

Городская интеллектуальная среда, по нашему мнению, представляет собой институционально-коммуникативную подсистему городского общественного пространства, в рамках которой осуществляется производство, обмен, распределение и потребление интеллектуальных продуктов (услуг). В свою очередь, к интеллектуальным продуктам (работам, услугам) следует отнести те из них, которые производятся преимущественно с использованием интеллектуальных и творческих способностей индивидуумов. На основании этого всю совокупность интеллектуальных продуктов (услуг) можно разделить на две большие группы: интеллектуально-инновационные (научные, образовательные, опытно-конструкторские и т.п.) и интеллектуально-творческие (искусство, творчество и т.п.). В дальнейшем городскую интеллектуальную среду будем рассматривать только в части производства первой группы данных продуктов, а именно интеллектуально-инновационных.

Структуру интеллектуальной среды современного города составляет совокупность следующих элементов:

- учреждения культуры и искусства;
- образовательные учреждения всех уровней обучения;
- научно-исследовательские учреждения;
- информационные учреждения;
- управленческо-административные учреждения соответствующего профиля;
- неформальные и цифровые (виртуальные) сообщества интеллектуальной направленности;
- другие обслуживающие производство, обмен, распределение и потребление интеллектуальных продуктов (услуг) организации.

Важно понимать, что не во всех городах наличествуют все вышеперечисленные институциональные единицы интеллектуальной среды. Кроме того, ее эффективное функционирование невозможно без единственной коммуникативной составляющей. Ученые и деятели искусства не могут в полной степени реализовывать свой научный и творческий потенциал без налаженной системы формальных и неформальных коммуникаций, причем данные коммуникации должны иметь и горизонтальный, и вертикальный характер.

При этом каждый житель города в той или иной мере является участником процессов производства, обмена, распределения или потребления интеллектуальных продуктов, работ или услуг. Поэтому, на наш взгляд, справедливо полагать, что большинство жителей городов вовлечены в его интеллектуальную среду. Однако функциональная роль и степень вовлеченности разных индивидуумов в городскую интеллектуальную среду неоднородны. И если способность к интеллектуальному труду определяется личностными качествами, то ее реализация происходит (или не происходит) в рамках интеллектуальной среды и институционально-коммуникативного взаимодействия элементов последней.

В связи с этим необходимо конкретизировать понятие «носитель знания» и его роль в городской интеллектуальной среде. В настоящее время рассмотрению сущности понятий «данные», «информация», «знания» и «интеллект» посвящено большое количество научных трудов отечественных и зарубежных исследователей (в том числе Э.Г. Азимов, Н. Винер, А.М. Новиков, Д.А. Новиков, О.Н. Новокшанов, В.А. Палицын, В.С. Степин, R.A. Burkhard, Ch. Zins, и др.). Опираясь на эти труды, полагаем, что знания представляют собой результат мыслительной деятельности субъектов познания по усвоению и переработке информации, в результате которой она приобретает интеллектуальную форму в виде представлений, понятий, суждений и теорий (гипотез, концепций). Соответственно, носитель знаний представляет собой субъекта интеллектуальной деятельности, который характеризуется наличием объема знаний, делающего его способным к производству интеллектуальной продукции (работ, услуг).

Главная проблема городской интеллектуальной среды заключается в постоянном противоречии между растущими потребностями социума в интеллектуальных продуктах и услугах, с одной стороны, и ограниченной численностью носителей знаний – с другой. Данное противоречие обусловлено следующим факторами:

- объективной диспропорцией между индивидуумами, осуществляющими интеллектуальную деятельность или готовыми к интеллектуальному труду, и предлагающими другие виды деятельности;
- конкуренцией между интеллектуальными средами различных территорий и уровней за привлечение носителей знания;
- ломпенизацией части носителей знаний из-за потери мотивации к интеллектуальной деятельности (в силу разных социально-экономических и других причин);
- недостатками государственной политики на национальном, региональном и муниципальном уровнях в сфере воспроизводства носителей знаний.

В свою очередь, потребность в расширенном производстве интеллектуальной продукции предполагает постоянный поиск форм и методов увеличения количества носителей знаний, а также активизации их деятельности.

Условия и факторы развития городской интеллектуальной среды

Расширенное производство интеллектуальных товаров и услуг для удовлетворения все возрастающих потребностей социума возможно только при соблюдении конкретных условий, в том числе следующих.

Обеспеченность носителями знаний является главным условием функционирования городской интеллектуальной среды, поскольку только носители знаний могут создавать интеллектуальные продукты. Городская интеллектуальная среда может обеспечиваться носителями знаний за счет внутренних источников. Это предполагает наличие в административно-территориальных границах города достаточного количества носителей знаний, которые родились и (или) живут на этой территории, и способны по своим интеллектуально-профессиональным качествам участвовать в производстве интеллектуальной продукции, работ (услуг). При этом численность носителей знаний не уменьшается. Однако на практике такая ситуация наблюдается исключительно редко даже в экономически и инновационно развитых странах, поскольку дефицит носителей знаний приобрел хронический и тотальный характер. Одним из направлений его преодоления является ингрессия, представляющая собой процесс образования связи между носителями знаний и институтами городской интеллектуальной среды, которая позволяет вовлечь новых индивидуумов в производство интеллектуальной продукции, работ и услуг.

Социальная автономность или определенная локализация интеллектуальной среды по отношению к другим социальным пространствам города. Исторически интеллектуальная среда фор-

мировалась в тех социокультурных пространствах, в которых складывались наиболее благоприятные условия для интеллектуальной и творческой деятельности (средневековые монастыри, кружки меценатов и сообщества единомышленников, научные организации и т.п.). Поэтому, с одной стороны, в границах города необходимо выделение и обустройство некоторой территории для функционирования и развития интеллектуальной среды. С другой стороны, не должно быть препятствий для активного взаимодействия с другими социальными пространствами города, превращающих ее в «эксклюзивный анклав для избранных». Кроме того, необходимо учитывать, что развивающийся в настоящее время процесс цифровой трансформации социума преобразует цифровые (виртуальные) сообщества в одну из форм интеллектуальной среды и придает им все больший вес на локальном уровне.

Адекватная ингрессионность. Приток новых носителей знаний в целом увеличивает масштабы производства интеллектуальных продуктов. Разнообразие мнений, научных и творческих подходов, смешение и взаимопроникновение наук, культур и национальных традиций также активизирует деятельность носителей знания (при условии предотвращения уничтожения одной интеллектуальной среды другой через механизм аннигиляции). Однако превышение уровнем ингрессионности городской интеллектуальной среды допустимых (критических) значений ведет к переизбытку носителей знаний, девальвации значимости их труда, снижению его привлекательности и, как следствие, сокращению производства интеллектуальных продуктов. Низкий уровень ингрессионности городской интеллектуальной среды, в свою очередь, усугубляет дефицит носителей знаний. Таким образом, необходим некоторый баланс между предложением интеллектуального труда (включая приток носителей знаний извне) и его использованием (спросом).

Наличие и эффективность связей между разными иерархическими уровнями интеллектуальной среды. Глобализация и распространение цифровых информационных технологий ведут к снижению территориальной концентрации интеллектуальной деятельности: можно жить в маленьком городке и даже в сельской местности – и работать в международной или транснациональной компании. Хотя, следует признать, это длительный и неоднозначный процесс, пока не очень масштабный. Более эффективным в настоящее время представляется участие отдельных элементов (институциональных составляющих) городской интеллектуальной среды в различных программах, конкурсах и проектах, особенно реализуемых на более высоком административном уровне (региональном, национальном и международном). Приобретение нового опыта, знаний и компетенций в этом случае, безусловно, способствуют повышению интеллектуального уровня городской среды.

Факторы, влияющие на развитие интеллектуальной среды в России на локальном (городском) уровне, условно можно разделить на две группы – оказывающие преимущественно положительное или отрицательное влияние.

К первой группе следует отнести, во-первых, относительно длительное (с конца 1950-х годов) и стабильное преобладание городского населения в структуре населения страны (в 1982 г. – 71%, в 2024 г. – 75% от общей численности населения) [Доля городского..., 2025], что является общей характеристикой экономически и инновационно развитых стран. В нашей стране активная фаза урбанизации проходила в период 1930–1980 гг., что объясняет факт относительной молодости многих российских городов. Большое количество (свыше тысячи) различных городов открывает широкие возможности для развития интеллектуальной среды, одновременно требуя для этого существенных материальных и финансовых ресурсов.

Во-вторых, несмотря на негативные явления, имевшие место в ходе либеральных реформ 1990-х годов, Российская Федерация сохранила значительный научно-технический и интеллектуальный потенциал. Это выражается, в первую очередь, в большом количестве организаций, выполняющих научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), разных форм собственности, ведомственной принадлежности и направлений деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Динамика количества организаций, выполняющих научные исследования и разработки, в России, ед.*

Виды организаций	Годы					
	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Всего организаций, в том числе:	4099	3566	3492	4175	4175	4125
Научно-исследовательские организации	2686	2115	1840	1708	1633	1560
Конструкторские организации	318	489	362	322	239	236
Проектные и проектно-изыскательские организации	85	61	36	29	12	17
Опытные заводы	33	30	47	61	35	30
Образовательные организации высшего образования	390	406	517	1040	969	990
Организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения	284	231	238	371	441	491
Прочие	303	234	452	644	846	801

* Источник: [Число организаций..., 2025].

Как следует из данных таблице 1, общее количество организаций, выполняющих в стране НИОКР, сначала сокращалось (почти на 15% к 2010 г. по сравнению с 2000 г.), а затем увеличилось (на 19% к 2015 г. по сравнению с 2010 г.). В целом за 14 лет (с 2009 по 2023 г.) прирост составил 0,6%. Практически все эти организации расположены в городах, что позволяет констатировать наличие внушительного материального базиса для развития городской интеллектуальной среды в России.

В-третьих, сохранился интерес выпускников отечественных вузов к продолжению послевузовского образования, несмотря на невысокий престиж научной деятельности в обществе и ее хроническое недофинансирование со стороны государства и частных инвесторов.

Масштабы послевузовского образования в России, человек^{*}

Год	Тип научной подготовки	Численность на конец отчетного года	Прием в аспирантуру в отчетном году	Выпуск в отчетном году	
				Всего	Из него с защитой диссертации
2010	Аспирантура	157 437	54 558	33 763	9611
	Докторантурा	4418	1650	1259	336
2015	Аспирантура	109 936	31 647	25 826	4651
	Докторантурा	2007	419	1386	181
2020	Аспирантура	87 751	27 710	13 957	1245
	Докторантурा	979	351	339	63
2023	Аспирантура	121 555	40 056	14 146	1584
	Докторантурा	893	367	285	63
2024	Аспирантура	125 947	35 661	15 879	1673
	Докторантурा	899	334	271	54

*Составлено автором по: [Основные показатели..., 2025].

Следует, однако, отметить, что количество обучающихся в аспирантуре и докторантуре за период с 2010 по 2024 г. сократилось почти на 22% (с 161,8 тыс. человек до 126,8 тыс. соответственно). Особенно сильно уменьшилась численность обучающихся в докторантуре – почти в 5 раз за указанный период (табл. 2). Кроме того, не все обучающиеся в аспирантуре и докторантуре действительно нацелены на конечный результат своих научных исследований и, как следствие, завершают обучение без защиты кандидатских и докторских диссертаций. Наиболее тревожной представляется ситуация с выпускниками российской докторантуры. В 2024 г. только 54 человека (или 20% закончивших) успешно защитили докторские диссертации. Это ничтожно мало по сравнению с общей численностью докторов наук в стране (22 626 человек). При таких темпах (0,24% за год) для полного обновления «докторского» состава отечественных специалистов потребуется примерно 500 лет. Данные обстоятельства требуют безотлагательных мер по реформированию системы подготовки научных кадров высшей квалификации со стороны государства.

В-четвертых, *активное развитие НИОКР в военной сфере*. Международные санкции резко обострили проблему технологического суверенитета России, а проведение СВО потребовало совершенствования отечественного военно-промышленного комплекса, в том числе в техническом отношении. Последующий трансфер инноваций в гражданскую сферу приведет к расширению применения новых технологий вне рамок ВПК. Например, к использованию роботов для эвакуации пострадавших во время и после чрезвычайных ситуаций, применению систем искусственного интеллекта и технологий машинного обучения в различных отраслях промышленности, беспилотных летательных аппаратов – при мониторинге и проведении отдельных видов агрономических мероприятий в сельском хозяйстве, разработке мобильных медицинских систем для использования на удаленных территориях РФ и т.д.

Говоря о негативных факторах развития интеллектуальной среды в городах России, следует, прежде всего, отметить недостаточный уровень финансирования науки из средств федерального бюджета как в абсолютном, так и относительном выражении (табл. 3).

Таблица 3

Масштабы финансирования науки из средств федерального бюджета в России*

Виды расходов на науку	Годы					
	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Расходы на гражданскую науку из средств федерального бюджета, млн руб.	17 396	76 909	237 644	439 393	549 602	691 758
в том числе:						
на фундаментальные исследования	8219	32 025	82 172	120 204	203 247	244 313
на прикладные научные исследования	9177	44 884	155 472	319 189	346 355	447 445
Отношение расходов на гражданскую науку из средств федерального бюджета к расходам федерального бюджета, %	1,69	2,19	2,35	2,81	2,41	2,76
Отношение расходов на гражданскую науку из средств федерального бюджета к ВВП, %	0,24	0,36	0,51	0,53	0,51	0,40

*Составлено по: [Финансирование науки..., 2025].

Таблица 3 наглядно иллюстрирует стагнацию государственного финансирования гражданских научных исследований в период с 2000 по 2023 г. Причем абсолютное увеличение данных бюджетных расходов с 17,4 млрд руб. в 2000 г. до 691,8 млрд руб. в 2023 г. (т.е. практически в 40 раз) не меняет их низкий удельный вес (2,76% к расходам федерального бюджета и 0,4% к величине ВВП в 2023 г.).

Во-вторых, неуклонное снижение численности лиц с учеными степенями, которое приобрело общенациональный характер (табл. 4).

Таблица 4

Динамика численности исследователей, имеющих ученую степень, по федеральным округам России, человек*

Федеральный округ	Численность исследователей, имеющих ученую степень:							
	Кандидата наук				Доктора наук			
	2010	2015	2020	2023	2010	2015	2020	2023
Центральный	45 082	43 055	38 733	36 222	16 031	15 505	13 549	12 451
в т. ч. Москва	34 234	31 847	28 489	26 991	13 139	12 677	10 891	10 169
Северо-Западный	10 242	10 495	9 063	8 450	3 296	3 274	2 774	2 564
в т. ч. Санкт-Петербург	8 460	8 108	7 196	6 700	2 825	2 693	2 328	2 155
Южный	2 485	4 310	3 272	3 136	660	1 182	883	833
Северо-Кавказский	1 357	2 509	2 013	1 866	520	746	550	527
Приволжский	6 164	7 220	7 200	6 638	1 713	2 047	2 025	1 803
Уральский	2 711	3 910	3 478	3 329	880	1 205	1 034	964
Сибирский	7 344	8 191	7 729	7 401	2 812	3 007	2 773	2 647
Дальневосточный	2 940	3 797	3 161	2 933	877	1 080	885	837
Российская Федерация	78 325	83 487	74 649	69 975	26 789	28 046	24 473	22 626

* Составлено по: [Численность исследователей..., 2025].

Как видно из данных таблицы 4, снижение общей численности кандидатов и докторов наук в РФ с 2010 по 2023 г. составило 11% и 10% соответственно. Указанная тенденция особенно ярко проявляется в крупнейших российских мегаполисах – Москве и Санкт-Петербурге, в которых численность кандидатов наук с 2010 по 2023 г. уменьшилась на 17%, а численность докторов наук за аналогичный период снизилась на 23%. Такая ситуация выглядит парадоксальной и требует дополнительного изучения. Ведь интеллектуальную среду этих городов можно считать наиболее развитой в России, поскольку они обладают самыми большими в стране возможностями как по подготовке собственных (местных) носителей знаний, так и по ингрессии внешних (отечественных и зарубежных) кадров.

В-третьих, низкий уровень валовой добавленной стоимости креативной экономики в структуре национального ВВП.

Рис. 1. Динамика доли валовой добавленной стоимости креативной экономики в ВВП России, %

Источник: [Валовая добавленная..., 2025].

Креативная экономика представляет собой капитализацию товаров и услуг, созданных в рамках соответствующих видов деятельности. Согласно официально утвержденному перечню, к креативным (творческим) индустриям относятся: народные художественные промыслы и ремесла, арт-индустрия (включая исполнительские искусства, кино, телевизионные программы и фильмы, музыку), культурное наследие, отдых и развлечения, мода и дизайн, ювелирное дело, книжное дело, программное обеспечение, реклама и пиар, архитектура и урбанистика, гастрономия [Приказ Министерства экономического развития РФ от 23.04.2025 № 266..., 2025].

Как видно по рисунку 1, удельный вес добавленной стоимости креативной экономики в России неуклонно растет (с 2,8% в 2017 г. до 4,1% в 2024 г.), что безусловно, является положительной тенденцией. Кроме этого «Единым планом по достижению национальных целей развития РФ до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Правительством РФ поставлена задача увеличения доли креативных индустрий до 6% к 2030 г.» [Вклад креативной..., 2025]. На наш взгляд, запланированное значение данного показателя является недостаточным для экономики РФ в целом и особенно для

регионов несырьевой специализации. К числу территорий с большим потенциалом для развития креативных индустрий относится, например, Ивановская, Ярославская, Костромская и Калужская области, Республика Марий Эл, Республика Крым и т.д., которые не обладают развитой региональной промышленной базой сырьевой направленности, но имеют значительный творческий и коммерческий потенциалы развития и капитализации креативного бизнеса.

Преодоление негативных факторов развития интеллектуальной городской среды в России требует устойчивого прироста носителей знаний и их целенаправленной ингрессии. Для обеспечения этого могут быть использованы различные методы прямого и косвенного воздействия. К группе методов прямого действия относится организационно-экономическое стимулирование носителей знаний к реализации своего интеллектуального потенциала. Группа методов косвенного воздействия направлена на развитие институциональных элементов городской интеллектуальной среды и формирование эффективной системы коммуникаций между ними. Во избежание структурных диспропорций в развитии городской интеллектуальной среды обе группы методов должны применяться согласованно. Достичь этого возможно в рамках единого организационно-экономического механизма.

Организационно-экономический механизм ингрессии носителей знаний в городскую интеллектуальную среду

Организационно-экономический механизм привлечения носителей знаний в городскую интеллектуальную среду с целью обеспечения расширенного производства интеллектуальной продукции, работ (услуг) представляет собой совокупность организационных и экономических методов.

Организационные методы включают следующее.

Нормативно-правовое регулирование ингрессии носителей знаний, осуществляемое государственными органами законодательной и исполнительной власти. Оно подразделяется на регулирование иммиграции высококвалифицированной рабочей силы и на управление ее межрегиональными перетоками.

В настоящее время Россия может предложить иностранным носителям знаний «визу высококвалифицированных специалистов» (так называемая «виза ВКС»), которая по своей привлекательности уступает аналогичным визам в других странах, таким как Global Talent Visa (Австралия, Великобритания), Top Talent Pass Scheme (Гонконг), Special Individual Qualifications (Дания), Виза R (Китай), Residence Pass-Talent (Малайзия), Talent (Arts, Culture, Sports) Work Visa (Новая Зеландия), Golden Visa (ОАЭ), Виза O-1 (США), Виза Smart T (Таиланд), Виза Passepport Talent (Франция) и др.¹ На наш взгляд, для активизации иммиграции в Россию высококвалифицированных

¹ Главное преимущество перечисленных виз заключается в возможности длительного легального проживания и высокооплачиваемой работы в интеллектуальной среде страны выдачи, правовой возможности оформления ПМЖ и получения гражданства при условии продолжения своей научно-исследовательской или высококвалифицированной работы в течение пяти лет и более (в зависимости от страны).

специалистов должен быть создан комплекс правил нормативно-правового характера, начиная от выдачи особой категории виз талантливым претендентам и заканчивая нормативными актами, регламентирующими их поддержку на всех этапах адаптации вплоть до момента получения гражданства РФ и последующей комфортной жизни в стране.

Нормативно-правовое регулирование ингрессии носителей знаний внутри страны предполагает наличие законодательных актов, которые регламентировали бы процесс притока новых (только подготовленных) носителей знаний в интеллектуальную среду городов, а также их перемещение из одного города в другой. В современной России не предусмотрено государственного распределения окончивших вуз студентов, которое существовало в советское время. Однако в условиях дефицита трудовых ресурсов дискуссии по этому вопросу расширяются (см., например: [Казакова, 2025]). Пока же задача привлечения новых носителей знаний решается на уровне конкретных организаций и учреждений.

Информационно-консультационная поддержка ингрессии должна, на наш взгляд, включать в себя создание единой информационной базы, которая содержала бы все необходимые сведения. В настоящее время в России эта информация рассредоточена по отдельным сегментам и структурам (МИД, Минобрнауки, РАН, ведущие вузы, научно-исследовательские учреждения, фонды и т.п.), что тормозит ингрессию носителей знаний в интеллектуальную среду городов.

Институционализация положения носителей знаний в городской интеллектуальной среде является, на наш взгляд, одной из ключевых проблем их успешной ингрессии. Каждый носитель знания может реализовать свои интеллектуальные способности либо как «вольный художник», либо как работник какого-то института интеллектуальной среды (вуз, научное учреждение, инновационный фонд и т.п.). В РФ преобладает официальное (согласно Трудовому кодексу) трудоустройство работников интеллектуального труда в соответствующих профильных организациях, причем количество рабочих мест в них ограничено. Положительным примером развития системы рекрутинга высококвалифицированных специалистов может служить единая онлайн-система вакансий научных работников «ученые-исследователи.рф», которая дает носителям знаний реальный шанс трудоустроиться в разных организациях и городах. Однако намного больше вакансий, особенно в региональных научно-исследовательских и образовательных учреждениях, остаются недоступными для внешних носителей знаний, затрудняя их ингрессию в городскую интеллектуальную среду. Кроме того, размещение вакансий на популярных рекрутинговых онлайн-ресурсах зачастую преследует цель не привлечь новых носителей знаний, а легализовать процесс трудоустройства уже работающих сотрудников.

Коммуникационное обеспечение ингрессии носителей знаний в городскую интеллектуальную среду представляет собой создание эффективной коммуникационной среды, которая способствовала бы как процессу ингрессии, так и плодотворной деятельности носителей знаний.

В России не раз предпринимались попытки формирования целостной коммуникативной инфраструктуры, которая помогала бы носителям знаний на всех этапах интеллектуальной деятельности. Во времена СССР была создана Государственная система научно-технической информации (ГСНТИ) и сеть специализированных институтов (ВИНИТИ, ИНИОН и др.). После раз渲ла СССР они были разрушены, а появляющиеся новые системы не доводились до стадии стабильной эксплуатации (пожалуй, за исключением РИНЦ¹). Понимание важности устойчиво функционирующей и эффективной коммуникационной инфраструктуры на национальном уровне подтверждает попытка создания Единого российского электронного пространства знаний. Хотя (по состоянию на июнь 2025 г.) оно так и не функционировало в силу ряда причин, ключевыми из которых являются, по нашему мнению, различная ведомственная принадлежность и разобщенность информационных баз.

Как следует из представленного материала, организационные методы привлечения носителей знаний в городскую интеллектуальную среду в России далеко не совершенны и могут быть значительно улучшены. Соответственно, это составляет определенный и достаточно значительный резерв развития интеллектуальной среды российских городов.

В свою очередь, экономические методы стимулирования деятельности носителей знаний и их ингрессии в городскую интеллектуальную среду включают в себя следующее.

Финансовая поддержка научных исследований в разрезе существующих институтов посредством их бюджетного финансирования и привлечения средств бизнеса. Понимая недостаточность выделяемых на науку средств, Президент РФ Путин подписал в мае 2024 г. указ, согласно которому планируется довести внутренние затраты на исследования и разработки до 2% от ВВП к 2030 г. [Путин подтвердил..., 2025]. Кроме того, применяется система целевых программ (например, программа «Приоритет 2030») и грантовая поддержка (через систему российских инновационных фондов и целевых грантов).

Следует отметить, что увеличение финансирования научных и инновационных проектов, как правило, приводит к росту объемов производства интеллектуальной продукции, но обычно не предусматривает финансовую поддержку ингрессии носителей знаний. Таким образом, это направление относится к косвенным методам воздействия на нее.

Увеличение заработной платы работникам бюджетных организаций культуры, науки и образования «в целях сохранения кадрового потенциала, повышения престижности и привлекательности профессий» в соответствии с майским указом Президента РФ 2012 г. [Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597]. Следует отметить, что результаты исполнения данного указа Президента РФ

¹ Российский индекс научного цитирования – информационно-аналитическая система национального масштаба, включающая в себя около 12 млн научных публикаций из более чем 6000 научных изданий. Она является основным инструментом анализа результативности интеллектуальной деятельности отечественных носителей знаний на основе мониторинга их публикационной активности.

вызывает противоречивую реакцию как у носителей знаний, так и у менеджмента организаций культуры, науки и образования и даже представителей органов исполнительной власти. Носители знаний, в большинстве своем, разочарованы динамикой роста своих доходов, которая сопровождается увеличением педагогической и научной нагрузки, уменьшением количества ставок и другими организационными «манипуляциями» на местах. Менеджмент организаций науки, культуры и образования сетует на хроническое недофинансирование, что делает невозможным реальное выполнение поручений президента РФ в данной области. Органы исполнительной власти, как правило, «усердно» рапортуют об успешном исполнении указаний президента на основе некорректной статистики (особенно расчете средних заработных плат не по медианной, а по среднеарифметической «траектории»). Однако несмотря на все негативные моменты, реализация данного указа ускорила темпы роста доходов носителей знаний в России. Кроме того, на законодательном уровне было закреплено требование по превышению величины их доходов среднерегиональных значений.

Государственная финансовая поддержка привлечения ведущих иностранных ученых в РФ с целью создания под их руководством научных коллективов и проведения перспективных научных исследований по приоритетным для страны направлениям. Основным способом в данном случае является финансирование так называемых «мегагрантов» [Постановление Правительства..., 2010], результативность которых наглядно иллюстрирует следующая инфографика (рис. 2).

Рис. 2. Результаты привлечения носителей знаний в РФ в рамках мегагрантов

Источник: [О программе. Инфографика..., 2024].

Достигнутые количественные результаты по ингрессии иностранных ученых в национальную интеллектуальную среду являются, на наш взгляд, более чем скромными. За прошедшее с 2010 г. время было привлечено около 300 ученых для создания интеллектуальной продукции в РФ, т.е. в среднем около 12 ученых в год. В июне 2025 г. на совещании под председательством Президента РФ М. Мишустина было отмечено, что в рамках реализации утвержденной Правительством Концепции международного научно-технического сотрудничества Россия будет приглашать лучших зарубежных ученых и выделять на научное сотрудничество ежегодно около 40 млрд руб. [Дмитрий Чернышенко..., 2025], что несколько больше прежних объемов финансирования. Однако возможность большого притока в страну иностранных специалистов вызывает заметный скептицизм.

Как представляется, экономических стимулов по привлечению иностранных носителей знаний в интеллектуальную среду российских городов на федеральном уровне недостаточно, что делает актуальной задачу по их расширению. На наш взгляд, для этого наиболее подходит модель «Тысяча молодых талантов», разработанная в Китае и запущенная в 2011 г. За 10 лет ее применения в страну было привлечено около 7000 исследователей. В дальнейшем она была трансформирована в программу «High-End Foreign Expert Recruitment Plan» («Привлечение высококлассных иностранных экспертов») [High-end..., 2023]. Аналогичная программа может быть создана под общим методическим руководством Минобрнауки и РАН и включать следующие направления: единовременная финансовая поддержка исследователей при переезде в Россию; текущее централизованное экономическое стимулирование при условии долгосрочной продуктивной интеллектуальной работы в стране; финальные централизованные выплаты исследователям, получившим российское гражданство и оставшимся в РФ.

Государственная финансовая поддержка молодых ученых с целью прекращения «утечки умов» и закрепления молодых кадров в отраслях, производящих интеллектуальную продукцию (услуги). Суть данного метода заключается в создании комфортных условий жизни для молодых перспективных специалистов за счет льготного финансирования покупки жилья, финансовой поддержки молодых семей, помощи в получении комплекса качественных социальных и других услуг.

Поддержка отечественных молодых ученых является одним из приоритетов государственной научно-технической политики на ближайшие десятилетия. И реальные шаги в этом направлении уже делаются. В частности, в настоящее время «в целях улучшения жилищных условий молодой ученый может получить социальную выплату на приобретение жилья (далее – социальная выплата), удостоверяемую государственным жилищным сертификатом, в рамках реализации государственной программы РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» [Государственные жилищные сертификаты, 2025]. Кроме того, «в Госдуме предложили внести поправки к программам льготной ипотеки и предоставить

менеджерам, педагогам и ученым ставку 5% годовых. Депутаты считают, что эта мера снизит отток специалистов за рубеж и уменьшит дефицит кадров в социально важных сферах. В России уже действуют льготная ипотека со ставкой 6% для IT-специалистов и особые условия для жителей малых городов» [Черникова, 2025].

Децентрализованное экономическое стимулирование ингрессии носителей знаний составляет оплата их текущей интеллектуальной деятельности в рамках существующей институциональной структуры. Согласно Трудовому кодексу РФ, размер оплаты труда, включая выплаты компенсационного и стимулирующего характера, фиксируется в трудовом договоре с работником. С 2012 г. в государственных и муниципальных учреждениях образования, здравоохранения, культуры и науки России в целях совершенствования оплаты труда работников стали внедряться так называемые «эффективные контракты». Их особенностью является наличие базовой (фиксированной) части (оклада) и дополнительной переменной, основанной на оценке полученных результатов. Одновременно в договоре должны быть четко прописаны критерии (показатели) эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат. Многообразие видов интеллектуальной деятельности и сложность оценки ее результатов затрудняют создание унифицированной системы эффективных контрактов. Поэтому работа по их совершенствованию в соответствующих отраслях продолжается. При этом организации создают свои локальные модели (нормативные акты) заработной платы для работников интеллектуального труда на основе имеющихся базовых параметров и собственных финансовых возможностей.

Экономическим методом активизации ингрессии носителей знаний в городскую интеллектуальную среду является также *формирование эффективного рынка интеллектуальной продукции*. Реализация объектов интеллектуальной собственности представляет собой стабильный внебюджетный источник финансовых ресурсов для развития городской интеллектуальной среды. К сожалению, современная динамика количества поданных сведений об использовании объектов интеллектуальной собственности в Российской Федерации не позволяет говорить о значительных коммерческих успехах в данном направлении (рис. 3).

Представляется, что необходима разработка комплекса согласованных мер по стимулированию коммерциализации объектов интеллектуальной собственности путем совершенствования инфраструктуры их реализации и бюджетно-налогового регулирования на федеральном и локальном (городском) уровнях.

Заключение

В настоящее время мейнстримом государственной политики в России является обеспечение перехода от традиционной сырьевой хозяйственной модели к эффективной инновационной экономике. Особое место в этом занимает развитие интеллектуальной среды российских городов.

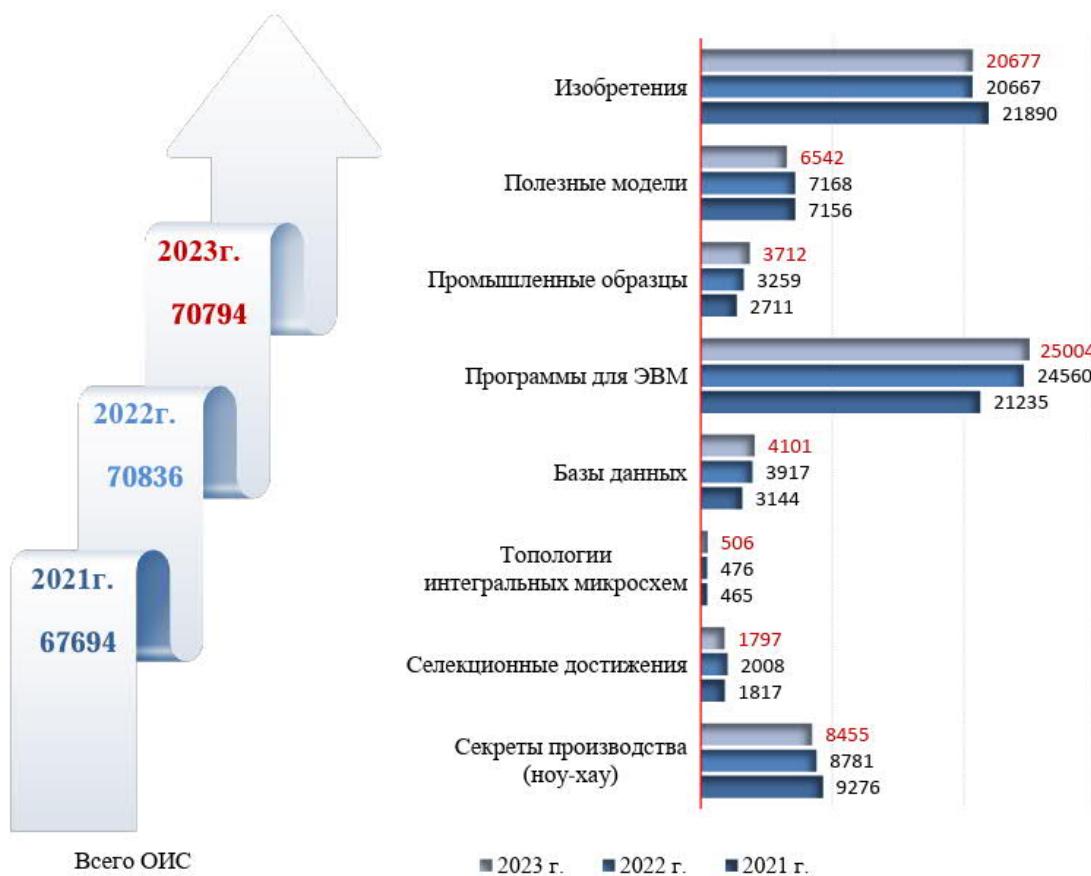

Рис. 3. Количество поданных сведений об использовании объектов интеллектуальной собственности в Российской Федерации

Источник: [Аналитические исследования..., 2023].

Интеллектуальная среда является особым, специфическим пространством города, с одной стороны, и важнейшим показателем, характеризующим его инновационность – с другой. Современные характеристики интеллектуальной среды городов России показывают, что в долгосрочной перспективе определяющим для них будет дефицит носителей знаний. Одним из способов его преодоления выступает ингрессия: образование связи между новыми, в том числе внешними носителями знаний и институтами городской интеллектуальной среды, которое позволяет трансформировать способность индивидуумов к умственному труду в процесс расширенного производства интеллектуальной продукции, работ и услуг.

Эффективность ингрессии зависит от того, сможет ли государство сформировать для этого организационно-экономический механизм на основе оптимального сочетания различных организационных и экономических методов. Причем, на наш взгляд, потенциал организационных методов ингрессии носителей знаний в России еще значителен. Перспективными направлениями представляется развитие информационно-консультационной поддержки и улучшение способов институционализации (рекрутинга) носителей знаний в городскую интеллектуальную среду.

В свою очередь, ингрессия будет лишь в том случае устойчивой по количеству и высокой по качеству, когда организационные и экономические методы будут соответствовать потребностям носителей знаний и их мотивам заниматься интеллектуальной деятельностью. Кроме того, большего внимание заслуживает развитие коммуникационной составляющей городской интеллектуальной среды.

Список литературы

1. Аналитические исследования сферы ИС 2023: использование результатов интеллектуальной деятельности в регионах РФ / Ульяшина С.Ю., Александрова А.В., Молодкин А.В., Бабикова О.И. – Москва: Федеральный институт промышленной собственности, 2024. – 62 с.
2. Валовая добавленная стоимость креативной экономики по ОКВЭД-2 // Росстат. Официальная статистика. Национальные счета. – 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения 06.06.2025).
3. Вклад креативной экономики в ВВП в 2024 году составил 7,5 трлн рублей // Минэкономразвития РФ. Департамент развития социальной сферы и сектора некоммерческих организаций. Новости. – 2025. – 12.03. – URL: https://economy.gov.ru/material/news/vklad_kreativnoy_ekonomiki_v_vvp_v_2024_godu_sostavil_75_trln_rublej.html (дата обращения 27.05.2025).
4. Глинчикова А.Г. Интеллектуальная среда как объект исследования: факторы развития и точки уязвимости // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – № 5 (16). – С. 146–166.
5. Государственные жилищные сертификаты // Минобрнауки России. Деятельность. Жилищная политика. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/jhpolitika/gzsg/> (дата обращения 07.07.2025).
6. Дмитрий Чернышенко: на мегагранты привлекли около 300 крупных ученых из-за рубежа // Megagrants. Медиа. Новости. – 2025. – 02.06. – URL: <https://megagrant.ru/media/news/dmitriy-chernyshenko-na-megagrants-privlekli-okolo-300-krupnykh-uchenykh-iz-za-rubezha/> (дата обращения 22.05.2025).
7. Доля городского населения в общей численности населения на 1 января // Росстат. Официальная статистика. Демография. – 2024. – URL: <https://showdata.rosstat.gov.ru/report/278932/> (дата обращения 11.06.2025).
8. Казакова А.Ю. Возврат к распределению в оценках пользователей Интернет и студентов-педагогов // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 2. – С. 98–115.
9. О программе. Инфографика // Megagrants. – 2024. – URL: <https://megagrant.ru/about/infographics/> (дата обращения 16.06.2025).
10. Основные показатели подготовки кадров высшей квалификации, научных кадров в докторантуре по Российской Федерации // Росстат. Официальная статистика. Образование. – 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/media_bank/kadry_VO.xls (дата обращения 13.06.2025).
11. Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 № 220 (ред. от 14.09.2022) «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения и государственные научные центры Российской Федерации» // Консультант. – 2010. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99332/ (дата обращения 03.07.2025).
12. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23.04.2025 № 266 «Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505270011> (дата обращения 03.07.2025).
13. Путин подтвердил планы увеличения расходов на науку в РФ до 2% ВВП // Известия. – 2025. – 06.02. – URL: <https://iz.ru/1834897/2025-02-06/putin-podtverdil-plany-uvelenieniiia-raskhodov-na-nauku-v-rf-do-2-vvp> (дата обращения 03.07.2025).
14. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Президент России. Документы. – 2012. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261> (дата обращения 07.07.2025).
15. Финансирование науки из средств федерального бюджета (с 2000 г.) // Росстат. Официальная статистика. Наука, инновации и технологии. – 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/nauka_4.xls (дата обращения 28.05.2025).
16. Черникова Я. Дайте пять: в России могут запустить льготную ипотеку для учителей, врачей и ученых // Известия. Общество. – 2025. – 06.06. – URL: <https://iz.ru/1899450/iana-chernikova/daite-piat-v-rossii-mogut-zapustit-lgtnui-ipoteku-dlia-uchitelei-vrachei-i-uchenyykh> (дата обращения 07.07.2025).
17. Численность исследователей (по областям науки; по возрастным группам; по ученым степеням; по субъектам Российской Федерации) (с 2010 г.) // Росстат. Официальная статистика. Наука, инновации и технологии. – 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/nauka_3.xls (дата обращения 19.05.2025).
18. Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки (по типам организаций; по секторам деятельности) (с 2000 г.) // Росстат. Официальная статистика. Наука, инновации и технологии. – 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/nauka_1.xls (дата обращения 14.06.2025).

19. High-end Foreign Experts Recruitment Plan of China URL // OAPEN Library. – 2023. – URL: <https://library.oopen.org/handle/20.500.12657/71254> (дата обращения 03.07.2025).

ORGANISATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM FOR THE DEVELOPMENT OF URBAN INTELLECTUAL ENVIRONMENT

Sereda A.A.

DrS (Econ. Sci.), Researcher, Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); sereda@bk.ru

Abstract. At the current stage of social development, innovation and intellectual labour are the key factors that ensure the sovereignty and competitiveness of the national economy. Opportunities and possibilities of expanded production of innovative products, works and services at the city level are largely determined by the intellectual environment, the existence of which is impossible without knowledge holders. The presented materials reflect the conceptual approaches to the intellectual environment of cities and its development, as well as the organisational and economic mechanism of knowledge holders' ingressions into the domestic urban environment.

Keywords: intellectual environment; urban environment; knowledge holders; ingestion; organisational and economic mechanism.

For citation: Sereda A. Organisational and economic mechanism for the development of urban intellectual environment // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – № 3. – P. 34–52.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.02

УДК 316.334.56

НЕ ТЕХНОЛОГИЯМИ ЕДИНЫМИ: ПРЕКАРНОСТЬ УМНЫХ ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Литвинцев Денис Борисович

Кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики, управления, социологии и педагогики Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Новосибирск, Россия); denlitv@inbox.ru

Аннотация. Прекарность (т.е. нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне) – неотъемлемая характеристика современного информационного общества в эпоху глобального капитализма. Хотя большинство исследователей уделяет внимание проблеме прекаризации труда, отдельные ученые указывают на прекарность условий жизни в целом. Актуальной темой становится прекарность проживания в больших городах. В статье рассматривается проблема прекарности умных городов в трех социологических сюжетах: эпистемическое насилие и институциональный газлайтинг, социальная инклузия и эксклюзия, а также ностальгия и ретротопия. Для изучения этих вопросов привлекаются исследования, проведенные в США и в Европе, а также в Индии, в Бразилии и в Сингапуре. Отмечается, что несмотря на всю привлекательность концепций умного города, они на сегодняшний день могут не учитывать и (или) даже игнорировать интересы разных социальных групп.

Ключевые слова: социологическая урбанистика; умный город; прекарность жизни; социальная инклузия / эксклюзия; институциональный газлайтинг; ностальгия.

Для цитирования: Литвинцев Д.Б. Не технологиями едиными: прекарность умных городов в современном мире // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 53–62.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.03

Рукопись поступила 01.05.2025.

Принята к печати 10.08.2025.

Введение

Прекарность представляет собой состояние социально-экономической неустойчивости, характеризующееся отсутствием гарантированной занятости, стабильного дохода и защищенности в базовых сферах жизни, таких как жилье, здравоохранение и социальное обеспечение. В социологическом контексте прекарность рассматривается как структурное проявление неолиберальной трансформации рынка труда и социальной политики, приводящей к росту неопределенности и уязвимости широких слоев населения. Она не сводится лишь к индивидуальному ощущению нестабильности, а укоренена в институциональных механизмах, воспроизводящих социальное неравенство и маргинализацию.

Исследования прекарности в целом можно разделить на те, которые фокусируются на прекаризации труда в условиях реструктуризации рынков (под давлением неолиберализации, например, на Глобальном Севере), и те, которые сосредоточены на прекарности человеческой жизни (в том числе жилищных условий), не обязательно связанной с условиями труда и формой занятости [Essletzbichler, 2022]. При этом города давно ассоциируются с экономической, правовой и моральной прекарностью. Эта связь, вероятно, усилилась в условиях современного глобального капитализма, а исследователи все чаще отмечают риски, сопряженные со строительством и проживанием в городской среде [Campbell, 2021]. Одним из таких рисков может стать «добровольное затворничество», широко распространенное среди представителей городского прекариата [Сети города, 2021].

В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, Ж.А. Шаповал и Г.А. Ельникова отмечают, что несмотря на очевидные преимущества цифровизации в управлении городским пространством, она имеет неоднозначные последствия, в том числе усиление социального неравенства за счет прекаризации труда [Воспроизведение городского ..., 2023]. Е.И. Кузнецова и Н.А. Пугачева рассматривают феномен прекаризации как «новый источник отчуждения субъекта в коммуникативной реальности цифрового мира» [Кузнецова, 2023, с. 36], демонстрируя негативную роль цифровизации социальных процессов в современном обществе также в контексте прекаризации труда. Р. Роджерсон подчеркивает недооценку значимости низкоквалифицированных работников сферы услуг, которые играют важную роль в поддержке будущего городов несмотря на прекарную природу их занятости. Зачастую их роль, по его мнению, плохо и (или) недостаточно вписана в концепции «восхваляемых» (англ. much lauded) умных городов [Rogerson, 2020].

Исследований, ставящих в центр внимания феномен прекарной занятости, в том числе в условиях активной цифровизации современного общества, немало. Однако в рамках настоящей статьи автор хотел бы актуализировать проблему прекарности применительно к умным городам, бы-

стро развивающимся по всему миру. Как отмечают зарубежные исследователи, существует множество социальных практик и инициатив, которые можно изучать, чтобы раскрыть так «страстно желаемое», но при этом прекарное будущее отдельных людей или территорий. Такие работы могут дать понимание того, как желание создать умные города порождает их прекарность [Perng, Kitchin, Donncha, 2018].

Институциональный газлайтинг в умном городе

Индийские исследователи утверждают, что основной причиной социального исключения, прекарности и отчуждения внутренних мигрантов в умных городах является эпистемическое насилие¹, направленное против них и заложенное в реализуемую программу Smart City Mission², которая расширяет рамки «инклузии и эксклюзии». Эпистемология формирует знания и очерчивает представления об умных городах, которые в дальнейшем влияют на действия городских чиновников, урбанистов и других участников этой программы. Сконструированное знание и восприятие умного города, с одной стороны, служит интересам представителей среднего класса, придавая первостепенное значение цифровым технологиям и развитию инфраструктуры. С другой стороны, это же систематически ставит в невыгодное положение внутренних мигрантов, исключая их из общественной жизни на разных уровнях социальной структуры. Эпистемическое насилие успешно искажает реальность их существования, а также вклад мигрантов в городскую жизнь, создавая образы «приятных городов» (англ. feel-good cities), угодных среднему классу. Вместе с тем эпистемическое насилие отвлекает внимание от процессов, направленных на повышение инклузивности, которые могли бы существенно улучшить жизнь мигрантов. Оно нормализует страдания этих людей и лимитирует городскую политику, претендующую на защиту их прав. В результате мигранты сталкиваются со множественными и взаимосвязанными формами насилия в своей повседневной жизни, оставаясь неуслышанными [Rajput, 2024].

Знание об умных городах, таким образом, создается и используется для обоснования политики городских властей, ориентированной преимущественно на интересы одних социальных классов и игнорирующей потребности других. При этом акцент на высокотехнологичных решениях и инфраструктурном развитии в ущерб инклузивности может привести к тому, что уязвимые социальные группы окажутся в стороне, не сумев интегрироваться в новую реальность умных городов.

¹ В отличие от символического насилия, проявляющегося в навязывании социальных норм и ценностей, эпистемическое (или эпистемологическое) насилие относится к ситуациям, когда знание, используемое для доминирования или манипуляции, искажается, ограничивается и (или) ставится под сомнение.

² Инициатива правительства Индии, запущенная в 2015 г. и направленная на развитие 100 умных городов в стране. Целью программы является создание устойчивых и эффективных городов с использованием современных технологий для улучшения инфраструктуры, управления и качества жизни. В рамках этой программы города должны использовать цифровые технологии для оптимизации транспортных систем, энергоснабжения, управления водными ресурсами и повышения качества общественных услуг [Smart Cities Mission, 2025].

Институциональный газлайтинг, являясь формой и проявлением эпистемического насилия, способствует искаражению образа внутренних мигрантов и недооценке их вклада в жизнь умных городов, что усиливает экстрактивность (экслюзивность) и дисфункциональность отдельных социальных институтов. Средствами газлайтинга, в основе которого лежит социальное неравенство, могут выступать как публичные декларации в средствах массовой информации, так и принимаемые нормативно-правовые акты (законы, постановления и т.п.) [Литвинцев, Литвинцева, 2024а].

К. Раджпут акцентирует внимание на том, что эпистемическое насилие было изначально заложено в правительенную программу развития умных городов в Индии [Rajput, 2024]. Нормализация страданий мигрантов и создание для них «оскорбительной» ментальной среды в умных городах может рассматриваться в данном контексте как результат институционального предательства. Это способствует разочарованию и усилению недоверия данной группы населения к различным государственным институтам и структурам, которые должны защищать и поддерживать всех членов общества, но фактически не выполняют своих обязательств и (или) даже наоборот, способны нанести вред отдельным социальным группам.

Умный и (или) инклюзивный город?

Д. Мураками-Вуд полагает, что, хотя нам обещают умные города для всех, на самом деле мы имеем разделенные, неравные города, полные незащищенности и прекарности [Murakami-Wood, 2024]. Фактически отношения между отдельными людьми и группами, по мнению исследователей из Испании, являются более прекарными в концепциях «умного города», основанных исключительно на технологиях [Social Inclusion in Smart Cities, 2021]. Такие концепции зачастую строятся на идеях оптимизации, эффективности и инклюзивности. Однако, как показывает исследование К. Раджпуга, на практике эти технологии и инновации могут быть направлены в основном на улучшение жизни конкретных социальных классов. Развитие умных городов усугубляет положение внутренних мигрантов, добавляя к существующим бюрократическим барьерам доступа к социально-экономическим ресурсам еще и технико-технологические барьеры, создавая новые формы прекарности. Новые технологии и цифровизация услуг (например, электронное здравоохранение, онлайн-образование или умные системы общественного транспорта) требуют наличия современных гаджетов и постоянного доступа к Интернету, возможностей безналичного расчета (в отдельных случаях – криптовалюты) и цифровой грамотности. Это ставит мигрантов, которые могут быть менее технически подкованными и (или) иметь ограниченный доступ к упомянутым технологиям, в невыгодное положение по сравнению с другими социальными группами [Rajput, 2024].

Бразильские исследователи, анализируя концепции умных городов, также подчеркивают необходимость такой модели городского развития, которое ставило бы во главу угла именно социальную интеграцию и справедливость. Умный город должен в приоритете учитывать потребности

наиболее уязвимых социальных слоев, предоставляя базовую инфраструктуру и обеспечивая доступ к достойному жилью, гарантируя безопасность, получение образования и экономические возможности¹. Внедрение инновационных технологий в городах должно стать средством, позволяющим не только соблюдать современные требования к инфраструктуре, но и удовлетворять потребности горожан на всех уровнях (согласно пирамиде А. Маслоу). Чтобы умные города могли приносить пользу всем гражданам, городская политика должна быть инклюзивной и направленной на снижение рисков урбанизации для разных категорий населения [De Carvalho, 2024].

Выводы Ю. Де Карвалью, С. Ну涅с, Х. Де Араужо согласуются с результатами исследования аспектов инклюзивного проживания в России. Инклюзивность государственной политики может рассматриваться на разных административных уровнях, включая отдельные поселения. С целью сохранения и поддержания инклюзивности проживания, развитие городов (включая жилищное строительство) должно осуществляться с учетом интересов разных социальных групп и сообществ. При этом доступное жилье является одним из критериев инклюзивного проживания. В то же время, исследование Д.Б. Литвинцева, Л.Б. Можейкиной и В.В. Дегтяревой показало, что существует множество нерешенных политико-правовых (инклюзивная политика в России по-прежнему не реализована), экономических (отсутствие равного доступа к адекватному жилью и т.п.), социально-культурных (традиционные институты, препятствующие современному восприятию инвалидов, мигрантов и др.) и материально-технологических (отсутствие инклюзивных технологий строительства) проблем, препятствующих инклюзивности проживания в современном урбанизированном обществе [Литвинцев, Можейкина, Дегтярева, 2021].

Исследователи из Великобритании отмечают, что в современной неолиберальной парадигме умный город потенциально усиливает хорошо известные проблемы прекарности и эксплуатации. Управление таким городом во многом построено на информационно-цифровом неравенстве, а способность влиять на инклюзию / эксклюзию основана на обладании властью. В результате проживающие в умном городе попадают в своего рода гражданскую прекарность. При этом, если их согласие с управлением умного города не является достаточно полным, они низводятся до уровня информационно-цифрового андеркласса (англ. data underclass): маргинализируются, не могут получать якобы общественные услуги, потенциально лишены возможности передвигаться по условно общественным улицам или свободно собираться в местах, которые должны быть общественными. Определенным людям (или их транспортным средствам) может быть технически ограничен въезд на некоторые улицы, доступ в отдельные здания (магазины, развлекательные комплексы и т.п.), что обусловлено сложной природой государственно-частного партнерства в умных городах [Cobbe, 2019].

¹ В этом плане умный город должен способствовать снижению жилищной прекарности, измерения которой как раз и включают подобные показатели (доступность, безопасность и качество жилья, а также доступ к инфраструктуре) [Литвинцев, 2024].

В данном случае напрашивается закономерный вывод о том, что умные города способствуют приватизации публичных пространств и развитию так называемых закрытых / огражденных сообществ (англ. gated communities). Это связано в том числе с ростом социальной сегрегации и отчуждения в ходе сложных социально-экономических трансформаций современного общества. М.В. Мельников отмечал развитие подобных сообществ в Индии, Бразилии и в других странах [Мельников, 2016], в которых на сегодняшний день как раз наблюдаются подобные процессы урбанизации.

В свою очередь, ученые из Англии и Швейцарии предлагают альтернативный интеллектуальный урбанизм, который учитывает роль цифровых технологий в жизни различных маргинализированных групп населения. По их мнению, необходим диалог, способный объединить, на первый взгляд, несовместимые элементы в пространстве умного города: алгоритмическое управление или техно-оптимистические решения в реальном времени, нацеленные на полную цифровую интеграцию городской среды, и знания, основанные на повседневном опыте горожан, находящихся в прекарных условиях и зачастую остающихся вне поля внимания городских администраций [McFarlane, 2017].

Умный город: от технологического утопизма к тоске по прошлому

Цифровой капитализм и глобализация, социальные сети, электронное здравоохранение, социальная изоляция и мобильность определяют динамику и изменения в медиасреде. Эти изменения, по мнению исследователей из Германии, вызывают двойную прекарность, или «стабильную нестабильность». С одной стороны, трансформация медиасреды ставит под вопрос сложившиеся социальные практики в различных сферах общественной жизни, с другой – требует постоянной адаптации к новым медиа, провоцируя и поддерживая устойчивое состояние неопределенности в отношении того, как действовать в новом цифровом мире [Heidkamp, Kergel, 2017].

Исследуя роль технологий, американские ученые предлагают идентифицировать «технопре-карность»¹, распространяющуюся в разных географических точках и культурных практиках в настоящее время. Цифровые технологии – будь то приложения для вызова такси, построенные на гибком труде, или сервисы аренды частного жилья, которые перекладывают ответственность на пользователей, – помогли консолидировать капитал и влияние небольшого числа людей. Эти платформы также усугубили небезопасные условия труда и жизни разных социальных меньшинств, женщин, мигрантов и др. В то же время прекарность стала все более генерализованной и, расширяясь, охватила даже креативный класс² и самих цифровых производителей. Она характерна

¹ Технопре-карность – это форма прекарности, вызванная распространением цифровых технологий (например, скажка с помощью биометрии) в условиях развития гиг-экономики и прекарных форм занятости, которые могут создавать и (или) усугублять уязвимость отдельных людей или сообществ, часто непропорционально сильно затрагивая тех, кто уже и так маргинализирован [Technoprecarious, 2020].

² Термин предложен Р. Флоридой для обозначения основной части среднего класса в развитых странах, включенной в постиндустриальный (информационный) сектор экономики [Флорида, 2007].

для разных групп населения, затронутых различными формами неравенства и незащищенности, которые были созданы цифровыми технологиями (несмотря на предлагаемые новые возможности) [Technoprecarious, 2020].

На фоне растущего недовольства по поводу усиления прекарности (в основе чего лежат противоречия между государством и обществом, глобальными устремлениями и внутренними проблемами) ностальгическая тоска стала распространенным мироощущением в Сингапуре, о чем свидетельствует растущая популярность исторических мелодрам, ретродизайна и ностальгических блогов. Ностальгия как форма реакции на прекарность в условиях неолиберального капитализма взаимодействует с коллективной памятью посредством множества цифровых медиатехнологий, что грозит перерасти в антагонистическое популистское инакомыслие. И если ностальгия, выражаемая гражданами как тоска по исчезнувшему прошлому, рассматривается как сопротивление прекарному настоящему, то цифровизация, управляемая государством, пытается привлечь население к официальным нарративам о прекрасном будущем (экономическом успехе, национальном прогрессе и т.п.). Поскольку ностальгия подразумевает отказ от прекарности настоящего ради приятности прошлого, она вступает в конфликт с ключевыми процессами современной экономики, которые основаны на замене старого новым ради большей прибыли и эффективности [Gonzaga, 2018].

Ностальгия, очевидно, способствует погружению граждан умных городов в ретротопию [Бауман, 2019], и в то же время распространению социальных практик сталкинга, связанных с исследованием заброшенных старых домов, и сквоттинга – их самовольного заселения. Это рассматривается российскими исследователями как ответ на проблемы урбанизации и эксклюзивную политику государств [Литвинцев, 2023]. Вместе с тем цифровизация городов расширяет возможные средства институционального газлайтинга, формирующего образ футуристической утопии. Это было показано в работе Э. Гонзага – интерактивные цифровые платформы и заказанные государством мобильные видеоигры¹ (наравне со средствами массовой информации и нормативно-правовыми актами). Благодаря погружению в специально сконструированное пространство и замкнутый цикл виртуальной коммуникации (многократный повтор необходимых действий для получения ожидаемого вознаграждения) игры принуждают пользователей усваивать необходимые государству нормы знаний и образцы поведения, заложенные в «Сингапурской истории» – официальном нарративе экономического успеха и национального прогресса [Gonzaga, 2018]. Учитывая однородность цифровизации городских районов, можно смело поддержать тезис зарубежных исследователей о том, что город (в том числе умный) представляет собой «неравномерное лоскутное одеяло из утопических и антиутопических пространств, которые во всех смыслах и целях физически близки, но институционально отчуждены» [Литвинцев, 2023, с. 181].

¹ Игра (или геймифицированное приложение), за пределами которой «пустыня реального современного прекария», не является, по мнению А. Горных, придатком к настоящей жизни, а конструирует параллельную реальность, чтобы жизнь в городе (в том числе умном) вообще казалась серьезной [Сети города, 2021].

Заключение

Изучение прекарности в различных сферах современного общества (экономической, социальной и др.) привело ученых из разных стран к вопросу о том, какова роль интеллектуальной урбанизации в усилении прекаризации жизни отдельных социальных групп в развивающихся умных городах по всему миру. Несмотря на техно-утопические идеалы и общий посыл улучшения качества жизни населения в условиях цифровизации и внедрения современных информационных технологий, результаты зарубежных исследований отражают немало скрытых проблем и противоречивых процессов, усиливающих прекарность проживания в «восхваляемых» умных городах.

Институциональный газлайтинг посредством эпистемического насилия в умных городах создает образы «приятных городов» для конкретных социальных классов, игнорируя интересы других социальных групп (например, внутренних мигрантов). При этом набор средств институционального газлайтинга существенно расширяется за счет применения современных технологий – от деклараций в средствах массовой информации и принимаемых нормативно-правовых актов до интерактивных цифровых платформ, подконтрольных государству, и мобильных видеоигр.

Технологический детерминизм умных городов усиливает прекарность проживания, социальное неравенство и чувство незащищенности, что не способствует социальной инклузии несмотря на стремление к оптимизации и эффективности. В связи с этим предлагается делать акцент не просто на новых технологиях, а на социальной интеграции и справедливости, учете потребностей и опыта проживания в прекарных условиях уязвимых слоев населения вместо их исключения и (или) низведения до информационно-цифрового андеркласса. Отдельного внимания заслуживает развитие закрытых / огражденных сообществ в контексте приватизации публичных пространств, что обусловлено сложной природой государственно-частного партнерства в умных городах.

Современный урбанизм развивает собственную технопрекарность, способствуя консолидации капитала и влияния у небольшого числа людей посредством цифровых платформ (такси, аренда жилья и др.), усиливающих различные формы социального неравенства и незащищенности. Ответной реакцией на прекарное настоящее становится ностальгическая тоска по приятному прошлому и погружение горожан в ретротопию несмотря на официальные нарративы государства, управляющего цифровизацией общества, о прекрасном будущем.

Учитывая активную цифровизацию городского (в том числе жилищно-коммунального) хозяйства и развитие умных городов в России, целесообразно принимать во внимание риски прекаризации условий проживания, которые широко обсуждаются в международном научном сообществе. Игнорирование этих рисков и повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий может усиливать социальное исключение, маргинализацию и дискриминацию уязвимых групп населения. В связи с этим требуется критическая оценка того, чьи интересы не учты-

ваются в процессе реализации государственной политики в условиях цифровой трансформации экономики и российского общества в целом.

Список литературы

1. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. – Москва: ВЦИОМ, 2019. – 160 с.
2. Воспроизведение городского сообщества в условиях цифровой трансформации урбанизированной среды / Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А., Ельникова Г.А. // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 10 (186). – С. 27–36.
3. Кузнецова Е.И., Пугачева Н.А. Прекаризация как феномен отчуждения субъекта в цифровой коммуникативной реальности // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 6 (110). – С. 36–41.
4. Литвинцев Д.Б. Жилищная антиутопия в современном обществе: социологический диагноз // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 72. – С. 180–189.
5. Литвинцев Д.Б. Жилищная прекарность в развитых странах: обзор исследований и оценка их значимости для России // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 3 (16). – С. 55–65.
6. Литвинцев Д.Б., Литвинцева Г.П. Институциональный газлайтинг, или как институты искажают нашу реальность // Журнал институциональных исследований. – 2024а. – Т. 16, № 1. – С. 74–84.
7. Литвинцев Д.Б., Можейкина Л.Б., Дегтярева В.В. Инклузивное проживание в России как аспект многомерности социальной инклюзии // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 468. – С. 84–92.
8. Мельников М.В. Социологическое изучение огражденных сообществ: темы и проблемы // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 12. – С. 30–32.
9. Сети города: Люди. Технологии. Власти / под ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2021. – 576 с.
10. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинов. – Москва: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.
11. Campbell B., Laheij C. Introduction: Urban Precarity // City & Society. – 2021. – Vol. 33. – N 2. – P. 283–302.
12. Cobbe J., Morison J. Understanding the Smart City: Framing the challenges for law and good governance / Le Futur de Droit Administratif [The Future of Administrative Law] / Auby J.B., Chevalier É., Slautsky E. (eds.). – Paris, France: LexisNexis, 2019. – P. 375–388.
13. De Carvalho Y., Nunes S., De Araujo H. Smart Cities in The Context of Social Precariousness: An Analysis in The Light of Maslow's Pyramid and The Empirical Work “Quarto De Despejo: Diário De Uma Favelada” // ARACÊ. – 2024. – Vol. 6, N 4. – P. 17704–17716.
14. Essletzbichler J. Engaging with precarious urban futures: From entrepreneurial to grounded cities // European Urban and Regional Studies. – 2022. – Vol. 29, N 4. – P. 419–439.
15. Gonzaga E. Precarious Nostalgia in The Tropical Smart City: Transmedia Memory, Urban Informatics, And the Singapore Golden Jubilee // Cultural Studies. – 2018. – Vol. 33, N 1. – P. 147–169.
16. Heidkamp B., Kergel D. (eds.). Precarity within the Digital Age: Media Change and Social Insecurity. – Wiesbaden, Germany: Springer, 2017. – 195 p.
17. McFarlane C., Söderström O. On alternative smart cities: From technology-intensive to a knowledge-intensive smart urbanism // City. – 2017. – Vol. 21, N 3/4. – P. 312–328.
18. Murakami-Wood D. Cities at the End of the World: Technology and Urbanism in an Age of Crisis // Authoritarian Smart Cities and Total Urban Surveillance. – 2024. – URL: <https://www.uottawa.ca/research-innovation/events-all/authoritarian-smart-cities-total-urban-surveillance> (дата обращения 27.01.2025).
19. Perng S.-Y., Kitchin R., Donncha D.M. Hackathons, entrepreneurial life and the making of smart cities // Geoforum. – 2018. – Vol. 97. – P. 189–197.
20. Rajput K. Epistemic Violence Embedded in Urban Policy: Locating Internal Migrants in Pune’s Smart City Mission // Urbanisation. – 2024. – Vol. 9, N 1. – P. 61–73.
21. Rogerson R. Low Skill Precarious Work in The Smart City – Pushing Back the Process of Skill Gentrification // Medium. – 2020. – URL: <https://medium.com/@ifuturecities/low-skill-precarious-work-in-the-smart-city-pushing-back-the-process-of-skill-gentrification-3ad95197a813> (дата обращения 22.01.2025).
22. Smart Cities Mission // Government of India. Ministry of Housing and Urban Affairs. – URL: <https://smartcities.gov.in/> (дата обращения 30.07.2025).
23. Social Inclusion in Smart Cities / Padrón Nápoles V.M., Gachet Páez D., Esteban Penelas J.L., García Pérez O., Martín de Pablos F., Muñoz Gil R. // Handbook of Smart Cities / Augusto, J.C. (ed.). – Cham, Switzerland: Springer, 2021. – P. 469–514 p.
24. Technoprecarious / Watkins Fisher A., Lindtner S., Chaar-Lopez I., Salman C., Wark M., Vora K., Wang J., Adair C., Nakamura L., Lin C., Kamil M. – London, UK: Goldsmiths Press, 2020. – 132 p.

NOT BY TECHNOLOGY ALONE:
THE PRECARITY OF SMART CITIES IN THE MODERN WORLD
Litvintsev D.B.

PhD (Sociol. Sci.), Associate Professor, Department of Economics, Management, Sociology and Pedagogy, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Novosibirsk, Russia); denlitv@inbox.ru

Abstract. *Precarity (i.e., instability, uncertainty about the future) is a defining feature of contemporary informational society under global capitalism. While most scholars focus on labor precarization, some highlight broader precarity in living conditions. A key issue today is urban precarity in large metropolitan areas. This article explores precarity in “smart cities” through three sociological lenses: epistemic violence and institutional gaslighting; social inclusion and exclusion; and nostalgia and retrotopia. The analysis draws on studies from the US, Europe, India, Brazil, and Singapore. It concludes that despite the normative appeal of the smart city paradigm, it often overlooks or disregards the needs of marginalized social groups.*

Keywords: sociological urban studies; smart city; precarity of life; social inclusion/exclusion; institutional gaslighting; nostalgia.

For citation: Litvintsev D.B. Not by technology alone: the precarity of smart cities in the modern world // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 3. – P. 53–62.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.03

УДК 316.44:330.59

МАРГИНАЛЬНЫЕ ЗОНЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ГОРОДА¹

Гареева Ирина Анатольевна

Доктор социологических наук, профессор Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия);
003991@ togudv.ru

Гарнага Анастасия Филипповна

Кандидат социологических наук, доцент Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия);
007711@ togudv.ru

Туркулец Светлана Евгеньевна

Доктор философских наук, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Хабаровск, Россия);
turswet@rambler.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20346, <https://rscf.ru/project/24-28-20346/> и Министерства образования и науки Хабаровского края (Соглашение № 114/2024).

Слесарев Александр Валерьевич

Кандидат социологических наук, доцент Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова (Хабаровск, Россия);
alekssles@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического исследования маргинальных пространств в контексте цифрового города. Проанализированы социологический, пространственный и технологический подходы к их изучению. Рассмотрены особенности цифровизации городской среды, в том числе маргинальных зон. Предложены рекомендации по интеграции маргинальных зон в цифровую городскую среду. Авторами выделены наиболее успешные механизмы интеграции маргинальных зон посредством использования Big data, применения умных сенсоров и создания цифровых двойников. Выявлены два вероятных сценария развития маргинальных городских зон: позитивный, предполагающий успешность обновления рассматриваемых территорий без внешнего участия, и негативный – сценарий деградации, требующий активных действий от властей и общества.

Ключевые слова: маргинальные городские зоны; цифровизация; население.

Для цитирования: Гареева И.А., Гарнага А.Ф., Туркулец С.Е., Слесарев А.В. Маргинальные зоны в контексте развития цифрового города // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 63–77.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.04

Рукопись поступила 01.07.2025.

Принята к печати 31.07.2025.

Введение

В последнее время термин «маргинальность» нашел широкое отражение и применение в отечественном дискурсе [Мацкевич, 2021, с. 55–64; Казакова, 2010, с. 80–89; Филиппов, 2020, с. 35–43; Шевченко, 2021, с. 101–112]. Традиционно историю термина связывают с Чикагской социологической школой. Термин «маргинальность» тщательно рассматривается в работах Р. Парка и в большей степени в пространственных исследованиях изменения города (на примере Чикаго) в условиях его быстрого роста (за счет увеличения количества эмигрантов). Изучая городскую среду и ее влияние на человека Парк рассматривал и последствия этих преобразований, в частности социально-психологические, культурные и др. Следует отметить, что использование исследовательского опыта Чикагской школы в отношении маргинализации всегда носило междисциплинарный характер [Преображенский, 2020, с. 5–12].

Идеи Р. Парка о маргинализации развивает Э. Стоунквист в работе «Маргинальный человек». Он утверждает, что находится в статусе «маргинального человека» – обстоятельство, которое может быть для индивида как деморализующим, так и стимулирующим, особенно для его умственной деятельности, генерации идей, иногда фантастических, ведущих к изменениям не только жизни личности, но и общественной [Colyvas, Jonsson, 2011].

В данной работе мы опирались на описание маргинальных зон, образующихся в городах в условиях цифровизации [Савельев, 2020, с. 89–97], а также на идеи Р. Парка и Э. Стоунквиста в отношении «маргинального человека» [Социальная сегрегация..., 2013].

Следует подчеркнуть, что городская среда – динамичное образование, подверженное постоянной трансформации, особенно в пространствах повседневной жизни. В последнее время в России становится острой проблема развития маргинальных городских территорий. Под маргинальными зонами города в представленном исследовании подразумеваются территории, которые часто характеризуются низким уровнем социально-экономического благополучия, ограниченным доступом к ресурсам и услугам, а также высокой степенью уязвимости населения. В процессе быстрой цифровизации рассматриваемые в рамках статьи места могут как заметно потерять в развитии (при условии, что они останутся вне цифрового мира), так и получить принципиально новые шансы (за счет максимально активного и непосредственного участия в цифровых процессах).

Изучение маргинальных зон и их включенности в современную городскую среду актуальны с точки зрения формирования полного понимания того, как развивается цифровой город и трансформируется общественное пространство. Это напрямую связано с вопросами городского управления. Маргинальные зоны привлекают внимание авторов, рассматривающих их в контексте ур-

банистики. Таким местам вполне закономерно присущи разные социальные, экономические и экологические проблемы. В контексте существующих процессов, маргинальные зоны могут служить эталонами для инновационных форматов в вопросах социального взаимодействия. В этом плане интерес представляет валоризация и последующая интеграция их в более сложные городские социальные и экономические потоки. Цифровое преобразование на уровне города приоткрывает новые возможности для повышения качества жизни на маргинальных территориях.

В отечественной и зарубежной практике существует достаточно примеров цифровизации городских пространств. Так, в Сингапуре внедрена система интеллектуального управления дорожным движением, которая анализирует автомобильные потоки и оптимизирует движение в режиме реального времени с помощью различных систем навигации и светофоров. В Амстердаме успешно реализована концепция устойчивого умного города через инициативу Amsterdam Smart City: она представлена «умными» фонарями, регулирующими освещение в зависимости от присутствия людей; системами анализа транспортных потоков, позволяющими регулировать заторы на дорогах; комплексами контроля заполненности мусорных контейнеров и другими средствами. Российский город Иннополис также примечателен использованием цифровых технологий. Его жители пользуются беспилотным такси, а доставку товаров и обслуживание посетителей в кафе осуществляют роботы-курьеры. Активно используются дроны в различных целях (в частности, для доставки почты). Приведенные примеры, как правило, не характерны для маргинальных зон, однако цифровизация таких мест могла бы дать ощутимый позитивный эффект, так как полные мусорные контейнеры в благополучных районах или постоянные пробки на автомобильных дорогах формируют локальные маргинальные пространства в относительно благополучных городах [Социальная сегрегация..., 2013].

Внедрение цифровых технологий может заметно увеличить уровень участия населения в управлении и в процессах принятия решений, способствовать появлению высокоустойчивых и адаптивных экосистем, в которых периферийные районы или маргинальные территории будут взаимосвязаны с главным городским ядром. По этой причине изучение таких пространств в рамках цифрового города очень значимо для понимания того, как именно цифровизация влияет на социальные взаимодействия и городскую экономику.

Особо важной проблемой является обеспечение социальной справедливости. Акцент делается на инклюзивной системе и местной культуре в условиях цифровизации. Компьютерные технологии могут поддерживать культурное и социальное разнообразие на маргинальных территориях, создавая эффективные площадки, необходимые для его выражения и развития. В то же время очевидно, что неравный доступ к цифровым ресурсам может заметно усугубить существующее неравенство и привести к маргинальным изменениям пространств в дальнейшем.

Цель настоящего исследования – выявить особенности трансформации маргинальных зон в условиях цифровизации городской среды и возможности интеграции таких территорий в городскую среду как условия устойчивого развития и социальной инклюзии. Эта интеграция важна для создания комфортной городской среды и гармоничного сосуществования различных социальных групп.

Материалы и методы

В современных социологии и урбанистике существует несколько подходов к определению маргинальных пространств. Социологический подход (П. Бурдье, И. Гофман) позволяет исследовать маргинальные пространства как зоны социальной исключенности, специфических практик взаимодействия и альтернативных социальных структур, что, в свою очередь, дает возможность оценить степень инклюзии социальных практик, методов и технологий в цифровых городских локациях. Пространственный подход (М. Фуко, Э. Соджа) позволяет рассматривать маргинальные зоны как «неформальные пространства» с собственной топологией власти и альтернативными формами пространственной организации. Его использование заставляет сфокусироваться на аккультурации новых технологий. Технологический подход акцентирует влияние цифровых технологий на трансформации пространства, формировании цифровых двойников территорий, требует использования умных систем мониторинга для фиксации изменений. Данный метод позволяет оценить и проанализировать процессы развития территории, выявить связь маргинальности и мобильности населения в условиях цифровизации города. Последнее во многом обусловлено с откалом от прежнего образа жизни и сменой привычек (переселение из бараков, хрущевок, строительство умных домов).

Цифровизация маргинальных пространств

Маргинальные зоны в контексте развития цифрового города представляют собой уникальную область сочетания социальной, экономической и технологической трансформации. Территории, которые часто характеризуются низким уровнем социально-экономического благополучия, ограниченным доступом к ресурсам и услугам, а также высокой степенью уязвимости населения, могут стать эффективными элементами современных городских экосистем [Мацкевич, 2021].

Социальная трансформация маргинальных зон может быть обусловлена несколькими ключевыми факторами. Одним из них является цифровая инфраструктура [Мацкевич, 2021]. Создание сетей доступа к Интернету и мобильным приложениям способствует социализации и повышению экономической активности населения этих территорий. Такие технологии, как блокчейн и интернет-вещей (Internet of Things, IoT), способны интегрировать маргинальные зоны в широкий контекст городского управления и социальной поддержки, обеспечивая доступ к ранее недоступным

информации и услугам [Закусилов, 2020]. Вторым фактором являются цифровые платформы, обеспечивающие горизонтальные связи. Эти платформы становятся площадками для обмена опытом, идеями и ресурсами среди жителей, что стимулирует создание устойчивых отношений внутри сообщества [Бек, 2003]. В условиях маргинальности такие платформы могут играть важную роль в формировании нового общественного сознания и активизации социального капитала, создавая условия для ревитализации пространств и улучшения качества жизни населения [Преображенский, 2020]. В качестве третьего фактора выделяют цифровые экосистемы, включающие в себя интеграцию различных цифровых сервисов [Ряпосов, 2017]. Эти экосистемы обеспечивают связь между государственными органами, частными инициативами и населением, что дает возможность более эффективно решать проблемы на местах и адаптировать стратегии городского управления для удовлетворения потребностей населения [Петров, 2022]. Развитие каналов обратной связи также способствует созданию более открытого и ответственного управления, что важно для населения маргинальных пространств, часто страдающего от недостатка внимания со стороны властей [Мацкевич, 2021].

Цифровизация маргинальных зон несет в себе и определенные риски. Во-первых, это потеря локальной идентичности и вернакулярности территории [Соколов, 2021]. Социальные сети и цифровые платформы создают однородные модели поведения, приводя к обесцениванию уникальности культуры и местных традиций. Значительная часть пользователей социальных сетей подвергается влиянию глобальных трендов, что способствует распространению стандартных, зачастую стереотипных, представлений о культуре и обычаях того или иного народа, разные места становятся похожими друг на друга. Это явление объясняет теория «глобализации культуры», описанная Стивеном Магу [Allahrakha, 2023]. Во-вторых, актуальными в условиях активного использования цифровых технологий становятся вопросы конфиденциальности и безопасности данных. В частности, исследование Наима Аллахраха показывает, что утечки данных и кибератаки могут привести к потере доверия со стороны граждан к местным властям, что требует разработки новых стандартов защиты личной информации. Одна из ключевых проблем заключается в необходимости балансирования между доступностью технологий и защитой прав пользователей [Филиппов, 2020]. Необходимость защиты личной информации представляет собой серьезный вызов для современных городов и требует от местных властей и разработчиков новых стандартов и практик [Гаврилова, Чулкова, 2022].

Цифровизация маргинальных зон позволяет интегрировать их в более широкие городские структуры [Мацкевич, 2021]. Цифровизация – не просто технический процесс, а основной инструмент изменения восприятия и функционирования таких зон. Ее важнейшей частью является создание неформальных интерфейсов, которые становятся связующим звеном между различными акторами – населением, властями и бизнесом [Терехина, 2022].

Неофициальные платформы, на базе которых осуществляется обмен информацией, дают жителям возможность выразить свои нужды и интересы, а власти и бизнес получают обратную связь, необходимую для принятия решений [Бартенев, 2020]. Неформальные интерфейсы формируются на основе запросов и потребностей пользователей, что позволяет им быть более гибкими и адаптивными по сравнению с урегулированными системами [Территориальная стигматизация..., 2019]. Например, локальные социальные сети, платформы для голосования по местным инициативам и другие формы краудсорсинга создают не только информационные, но и эмоциональные связи между жителями, что важно для формирования чувства единства и принадлежности к общему пространству. В этом контексте цифровые инструменты становятся не только средством коммуникации, но и катализатором гражданской активности [Казакова, 2010].

Следующим этапом цифровизации является развитие виртуальных экосистем, которые не просто объединяют участников процесса, но и интегрируют различные сервисы и инструменты в единую среду. Такие экосистемы способствуют эффективному использованию ресурсов [Соколов, 2021]. Помощь в развитии перспективных инициатив, поддержка устойчивого роста и создание платформ для совместного использования ресурсов – все эти действия направлены на повышение качества жизни населения маргинальных пространств [Вакан, 2010]. Цифровые экосистемы позволяют улучшить взаимодействие различных акторов, создавая свободный доступ к информации и ресурсам. Это содействует оптимизации процессов, повышая их открытость и подотчетность. Кроме того, цифровизация делает возможным более быстрое реагирование на запросы местных сообществ, что значимо в условиях изменения социально-экономических реалий [Казакова, 2010]. Она, открывает новые горизонты для ревитализации маргинальных пространств и их интеграции в городскую среду, создавая условия для дальнейшего устойчивого развития [Филиппов, 2020].

Механизмы интеграции маргинальных пространств

Использование Big data. Интеграция маргинальных зон в городскую среду требует комплексного подхода и использования технологии больших данных (Big data). На первом этапе, состоящем в сборе данных о маргинальных территориях, необходимо учитывать множество показателей. Геопространственные характеристики этих областей, такие как их расположение, историческая и культурная значимость, играют решающую роль в оценке возможности их интеграции. Также важна демографическая информация о проживающих, работающих и отдыхающих на данных территориях, поскольку она позволяет выявить особенности местного населения [Реброва, 2019].

Анализ экономических показателей, таких как уровень доходов, занятости и активности местных бизнесов, детально отражает финансовое состояние района. Сведения о транспортной доступности и экологических условиях определяют связи между маргинальными территориями и основными городскими зонами [Павлова, 2020]. Данные о перемещениях жителей, собранные с

помощью IoT-датчиков, могут существенно обогатить эти статистические данные информацией о динамике активности, предпочтениях потребителей [Парк, 1997]. Фиксация этих данных помогает выявить внутренние ресурсы и потребности жителей, что является ключевым для формирования целостной стратегии [Зырянов, 2008].

Следующий шаг в процессе интеграции состоит в проведении анализа текущего состояния маргинальных зон. Это позволяет оценить статус инфраструктуры, выявить проблемные зоны и факторы, которые мешают эффективному использованию пространства. Одновременно важно определить потенциал и возможные векторы развития территории, будь то ревитализация, джентрификация или, наоборот, изоляция.

На этапе прогнозирования происходит моделирование различных сценариев с учетом полученных данных о социальной структуре и векторах развития. Прогнозирование позволяет оценить возможные риски, а также временные и материальные затраты, которые могут потребоваться для реализации тех или иных инициатив. Это необходимо, так как ошибочное прогнозирование может привести к неэффективному распределению ресурсов, что негативно скажется на результатах [Преображенский, 2020].

Этап реализации включает в себя создание детальных планов изменений маргинального пространства, а также введение систем мониторинга. Эти системы сопоставляют ожидаемые результаты с фактическими, что обеспечивает контроль над реализацией стратегии и позволяет адаптировать выбранный подход к изменяющимся условиям [Аверьянова, 2019]. Мониторинг действует как механизм обратной связи, обеспечивая быстрое реагирование на меняющиеся обстоятельства, и дает возможность вносить корректировки в текущие процессы [Colyvas, Jonsson, 2011].

Использование больших данных обеспечивает более высокую объективность принимаемых решений по развитию маргинальных зон, способствует оперативному получению актуальной информации и допускает создание / формирование более точных прогнозов. Однако важно отметить, что внедрение механизмов учета больших данных должно осуществляться поэтапно, с учетом специфики и потребностей каждой отдельной территории. Такой индивидуальный подход позволит максимально эффективно интегрировать маргинальные зоны в общую городскую сеть, что в итоге ведет к улучшению качества жизни населения и повышению устойчивости этих зон [Зырянов, 2008].

Применение умных сенсоров. Сбор и учет больших данных невозможен без применения специальных инструментов, среди которых особое место занимают умные сенсоры. Эти устройства способны в реальном времени отслеживать состояние маргинальных зон, передавая ценные сведения об использовании территории, социальной активности жителей и других ключевых аспектах [Филиппов, 2020]. В частности, сенсоры экологического мониторинга играют особую роль в маргинальных районах промышленного назначения, в которых существует высокий риск загрязнения

окружающей среды. Они позволяют выявлять изменения качества воздуха, состояния почвы, водных объектов, а также уровня шума и вибраций [Бурлакова, 2021]. При ухудшении контрольных показателей сенсоры гарантируют возможность быстрого устранения загрязняющих факторов или информирования властей о необходимости вмешательства [Шевченко, 2021]. Это обеспечивает не только защиту здоровья жителей, но и помочь в принятии стратегических решений для улучшения качества жизни на маргинальных территориях [Герасимова, 2021].

Мониторинг использования пространств осуществляется через датчики движения и загруженности объектов инфраструктуры. Эти устройства предоставляют данные о потоках людей, местах их скоплений и паттернах их поведения, что, в свою очередь, способствует созданию полноценной картины активности на маргинальной территории. Анализ таких данных помогает местным властям и проектировщикам принимать обоснованные решения о необходимых изменениях, отвечающих реальным потребностям жителей. Например, при выявлении перегрузки определенных зон может быть инициировано перераспределение пространства или корректировка инфраструктуры с целью улучшения доступа и создания комфортных условий для жизни [Коваленко, 2019].

Умные сенсоры предлагают ряд значительных преимуществ по сравнению с традиционными методами сбора данных. Ключевым достоинством является высокая точность измерений, что позволяет избежать ошибок, присущих человеческому фактору. Автоматизация процессов сбора и анализа данных существенно экономит время, одновременно увеличивая объем получаемой информации, давая возможность глубже понимать проблемы и потребности местных сообществ. Такой уровень анализа также содействует более оперативному реагированию на возникающие проблемы и повышению эффективности управления маргинальными территориями [Лебедева, 2022].

Тем не менее процесс внедрения умных сенсоров не лишен сложностей. Одним из основных препятствий является необходимость создания соответствующей инфраструктуры, которая включает в себя установку сенсоров и оборудования для их интеграции [Мягков, 2003]. Нужен также мощный программный софт для обработки и анализа собранных данных, что требует дополнительных инвестиций и времени. Сложности могут возникать и в вопросах бесперебойной работы систем, так как технические сбои могут привести к утрате ценной информации и неполному анализу данных [Тимошкин, Пчелкина, 2021].

Несмотря на эти вызовы, долгосрочные преимущества от использования сенсорных технологий выходят за рамки первоначальных трудностей. Понижение расходов на управление, улучшение качественных показателей жизни и экологической ситуации представляют собой далеко не полный список потенциальных результатов при грамотном подходе к реализации таких технологий. Эффективное применение указанных инструментов позволит максимально качественно фор-

мировать динамичные и адаптивные городские пространства. При этом маргинальные зоны вполне закономерно приобретают статус полноценных участников городской жизни [Реброва, 2019].

Активно развивая и внедряя современные системы, связанные с умными сенсорами для сбора данных, можно сделать важный шаг в направлении интеграции самых отдаленных районов, представленных маргинальными зонами, в большой формат жизни города, обеспечив управляемость этих зон, а также рост качества жизни местного населения, сделав в итоге города в целом более удобными и адаптивными в отношении всех жителей [Мацкевич, 2021].

Создание цифровых двойников. Формирование системы цифровых двойников маргинальных зон города помогает наилучшим образом понять их особенности и максимально эффективно управлять развитием обозначенных мест. Такие пространства интересны с точки зрения возможностей для моделирования, так как они имеют большое количество неопределенностей и достаточно сложные структуры, обусловленные разными социальными, экономическими и экологическими факторами. Как показывает практика, такие территории с определенной частотой изменяются, и, учитывая современные технологии, их можно анализировать наиболее точно [Территориальная стигматизация..., 2019].

Создание цифровых двойников имеет множество условий результативности. Важно, чтобы моделью отображалась реальная картина маргинальной зоны. Значимы ее физические условия, социальный состав и экономическая специфика. Применение многофакторного подхода позволяет детально изучить разные стороны пространства, в числе которых экология и инфраструктура. Требуется акцентировать внимание на том, как местные жители взаимодействуют с системой власти. Принимая во внимание, что маргинальные зоны зачастую имеют особые потребности и проблемы, многомерный вариант моделирования становится способом, позволяющим рассмотреть разнообразные сценарии их развития и оценивать возможные последствия [Colyvas, Jonsson, 2011].

Эффективность управленческих решений, основанных на моделировании, зависит от выполнения ряда критериев. Во-первых, важно, чтобы модель в действительности отражала реальную маргинальную территорию. Это определяется тем, насколько качественно и грамотно собраны и проанализированы данные. Во-вторых, вариативность разработанных сценариев должна предусматривать все возможные изменения, а также позволять своевременно реагировать и подготовиться к ним [Закусилов, 2020]. В-третьих, модель должна быть выполнимой в различные сроки и давать ответ на наиболее значимые запросы маргинальных зон [Бек, 2003].

Внедряемые цифровые двойники позволяют производить разные эксперименты с исследуемыми территориальными единицами без реальных рисков. Этот метод помогает принимать наиболее обоснованные и грамотные управленческие решения. С помощью современных цифровых двойников появляется возможность оценивать, как именно разнообразные инициативы повлияют

на рассматриваемые зоны, снижая шанс принять неправильное решение, которое могло бы усугубить существующую ситуацию [Николаева, 2021].

Не менее значимое свойство, характерное для современных цифровых двойников – способность адаптироваться и улучшаться. Технологии, ответственные за сбор и анализ данных, развиваются. Это позволяет создавать модели, в наибольшей степени подходящие для разнообразных маргинальных зон с учетом конкретных сообществ, инфраструктуры и экологии. Использование в моделировании методов анализа данных, включая машинное обучение и искусственный интеллект, открывает новые возможности для последующих исследований [Павлова, 2020].

Процесс создания цифровых двойников для маргинальных зон – это интересное и перспективное направление, значимое для улучшения системы управления городской инфраструктурой и социальными процессами. Этот подход представляет собой вполне реальный и эффективный инструмент, который может привести к наиболее обдуманным и грамотным решениям в различных управлеченческих инициативах, что дает стимул к развитию маргинальных зон и их интеграции в общегородскую социально-экономическую систему [Назаров, 2020].

Значимым является и то, что в разработке и последующем внедрении цифровых моделей могут принимать непосредственное участие все заинтересованные стороны: население, бизнес, представители власти. Это помогает выявить все проблемы и потребности маргинальных зон.

Сценарии развития маргинальных зон

В рамках данной работы мы предполагаем два возможных сценария, непосредственно касающихся активного развития маргинальных зон: позитивный и негативный. Позитивный сценарий предполагает успешность в обновлении рассматриваемых территорий без использования значительной внешней помощи. Негативный сценарий – это деградация. Для того, чтобы затормозить ухудшение условий жизни, потребуются активные действия от представителей власти и общества.

В цифровом городе маргинальные зоны способны преобразовываться в комфортные для жизни районы, обладающие высокими стандартами качества. Это возможно благодаря современным технологиям и грамотному управлению.

В исследовании нами уделено внимание тем аспектам цифровизации маргинальных зон, которые в действительности могут существенно изменить жизнь населения. Основу составляет развитие коммуникаций горизонтального типа: требуется наладить сети, которые помогут местному населению, представителям власти и предпринимателям наилучшим образом взаимодействовать друг с другом; создать цифровые платформы, на которых население сможет делиться информацией и ресурсами, находить решение локальных проблем. Немаловажно также внедрить специальные высокоэффективные механизмы, необходимые для работы разнообразных участников. Такой

подход позволит объединить усилия и в значительной степени улучшить жизнь на описываемых территориях.

Важным направлением является создание современных и высокоэффективных цифровых экосистем. Такой подход существенно упрощает все процессы, непосредственно связанные с услугами, а также с взаимодействием местных жителей и обустройством общественного пространства. Описание экосистемы помогают сделать городское пространство более устойчивым и доступным, так как разные группы людей могут находить все нужные им ресурсы и необходимую помощь.

Грамотное создание принципиально новых форматов общения – еще один немаловажный момент, касающийся цифровой трансформации. Все современные инструменты, предназначенные для общения, включая мобильные приложения и веб-платформы, делают взаимодействие между жителями и властями максимально простым и доступным. При таком положении в обязательном порядке учитываются мнения и потребности местных жителей, касающиеся разработки планов для развития района.

Цифровые двойники важны для моделирования и предсказания путей развития сложных территорий, относящихся к категории маргинальных. Именно они помогают создавать эффективные и перспективные модели, которые легко адаптируются и в полной мере отражают реально существующее положение. С их помощью появляется возможность не только оценивать текущее состояние территории, но также реально представлять, что именно будет в будущем с учетом подвижности городской среды.

Цифровизация преобразует как социально благополучные, так и маргинальные зоны. Внедрение новых технологий помогает существенно улучшить инструменты управления ресурсами и услугами. Адаптация общества состоит в обучении населения широкому применению современных цифровых инструментов и поиску принципиально новых способов взаимодействия.

Заключение

Ключевые аспекты пространственного развития включают в себя перестройку городской среды в направлении роста доступности и комфорта. Существует риск потери местной идентичности и уникальности территорий, что угрожает местной субкультуре усилением процесса маргинализации. Активным цифровым преобразованиям сопутствуют риски безопасности и конфиденциальности, на которые требуется обращать внимание как представителям власти, так и населению.

Для успешной интеграции маргинальных зон необходим учет специфики их потребностей. Шаблонный подход, действия по алгоритму недостаточно эффективны. Важно вовлекать местное население в процессы принятия ответственных решений и проектов развития. Баланс между новыми и традиционными способами взаимодействия – это ключ к интеграции исследуемых про-

странств в общую городскую жизнь. Цифровые технологии должны эффективно поддерживать, а не подменять такие форматы общения, как советы граждан, местные собрания и некоторые другие инициативы.

Позитивное развитие маргинальных зон требует продуманного и грамотного подхода. Следует использовать новые технологии и вовлекать жителей, чтобы превратить маргинальные зоны в комфортные городские пространства. Постоянный мониторинг и оценка состояния местных сообществ – это фактор устойчивости развития и социальной гармонии.

Список литературы

1. Аверьянова Т.А. Маргинальные территории как объект исследования: экология, экономика, социология // Градостроительство и территориальное планирование. – 2019. – № 4. – С. 22–29.
2. Бартенев С.В. Цифровизация городской среды: новые вызовы и возможности // Устойчивое городское развитие. – 2020. – № 2. – С. 45–53.
3. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6, вып. 1. – С. 24–53.
4. Бурлакова Н.П. Инновации для устойчивого развития маргинальных городских территорий // Урбанистика. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 10–18.
5. Вакан Л. Городская маргинальность грядущего тысячелетия // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2. – С. 265–278.
6. Гаврилова И.С., Чулкова Е.В. Ревитализация маргинальных пространств: цифровые технологии и социальные практики // Современное общество и гуманитарные науки. – 2022. – № 3. – С. 50–57.
7. Герасимова М.В. Эволюция социальных структур в маргинальных территориях: вызовы цифрового века // Социология города. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 33–42.
8. Закусилов О.В. Цифровые двойники в управлении городскими пространствами // Геоинформатика. – 2020. – № 1. – С. 70–78.
9. Зырянов А.И. Маргинальные территории // Географический вестник. – 2008. – № 2 (8). – С. 9–20.
10. Казакова А.Ю. Современные городские трущобы: методико-методологические подходы // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. – 2010. – № 2. – С. 80–89.
11. Каштанова О.В. Маргинальность и конфликт в работах зарубежных и отечественных исследователей // Вестник Томского гос. ун-та. – 2015. – № 400. – С. 67–71.
12. Коваленко А.С. Цифровизация городской инфраструктуры: интеграция и инновации // Урбанистическая история. – 2019. – Т. 8, № 2. – С. 12–20.
13. Кочетков А.В. Маргинальность как социальное явление: трактовка Роберта Парка // Горизонты гуманитарного знания. – 2019. – № 4. – С. 96–103.
14. Лебедева Н.А. Эффекты цифровизации для маргинальных сообществ: барьеры и возможности // Социальная динамика. – 2022. – № 4. – С. 15–25.
15. Мацкевич С.П. Городские маргинальности: экология, экономика и идентичность // Общество и экология. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 55–64.
16. Мягков А.Ю. Экспериментальная стратегия диагностики и измерения искренности респондентов // Социс. – 2003. – № 2. – С. 1–25.
17. Назаров П.А. Устойчивое развитие и цифровые технологии: перспективы для маргинальных территорий // Вестник муниципального управления. – 2020. – № 3. – С. 28–35.
18. Николаева Я.В. Трансформация социальных пространств в условиях цифровизации // Город и общество. – 2021. – Т. 9, № 2. – С. 40–49.
19. Павлова Е.И. Социальные инновации и маргинальные территории: смысл и значение // Новые идеи в социальном управлении. – 2020. – Т. 6, № 1. – С. 60–68.
20. Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: Реферативный журнал. – 1997. – № 2. – С. 167–176.
21. Петров А.Б. Глобализация и локализация в маргинальных городских пространствах // Урбанистика сегодня. – 2022. – № 5. – С. 77–85.
22. Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе (теоретические аспекты исследования) // Социологические исследования. – 1999. – № 7. – С. 62–71.
23. Преображенский Ю.В. Пространственная маргинализация: подходы и уровни исследования // Вестник ТвГУ. Сер. География и геоэкология. – 2020. – № 2. – С. 5–12.
24. Реброва Т.В. Цифровые технологии как инструмент социального вовлечения // Социологический анализ. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 42–50.

25. Рожков Е.В. Анализ цифровизации российских городов // Вестник ПНИПУ. – 2021. – № 4. – С. 4–22.
26. Ряпосов И.А. Регенерация маргинальных городских территорий как драйвер социально-экономического развития городов (анализ американского опыта) // АМПТ. – 2017. – № 1 (38). – С. 291–305.
27. Савельев В.Г. Городская политика и маргинальные территории: цифровые аспекты // Политика и общество. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 89–97.
28. Смирнова О.А. Устойчивое управление и цифровизация: маргинальные пространства // Экономическая социология. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 22–30.
29. Соколов Р.Н. Городские перемены: от маргинальности к интеграции // Журнал городских исследований. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 13–21.
30. Социальная сегрегация в городском пространстве. Стенограмма публичной дискуссии. – 2013. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit03.php> (дата обращения 01.07.2025)
31. Терехина Л.В. Cifras y margines: la digitalización y el espacio urbano // Revista de Urbanismo. – 2022. – Т. 4. – С. 8–16.
32. Территориальная стигматизация молодежи (на примере Дальневосточного региона) / Туркулец С.Е., Туркулец А.В., Гареева И.А., Слесарев А.В. // Социодинамика. – 2019. – № 6. – С. 81–89.
33. Тимошкин Д.О., Григоричев К.В. «Частный сектор» в семиотической системе «постсоветского» города // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2022. – № 2 (61). – С. 138–151.
34. Тимошкин Д.О., Пчелкина Д.С. Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярска // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2021. – № 1. – С. 56–66.
35. Филиппов И.П. Способы взаимодействия маргинальных сообществ через цифровые платформы // Группа и общество. – 2020. – Т. 8, № 3. – С. 35–43.
36. Шевченко Н.К. Перспективы развития маргинальных территорий в условиях цифрового города // Развитие города и региона. – 2021. – № 1. – С. 101–112.
37. Allahrakha N. Balancing Cyber-security and Privacy: Legal and Ethical Considerations in the Digital Age // Legal Issues in the Digital Age. – 2023. – Vol. 4, N 2. – P. 78–121.
38. Colyvas J.A., Jonsson S. Ubiquity and Legitimacy: Disentangling Diffusion and Institutionalization // Sociological Theory. – 2011. – Vol. 29, N 1. – P. 27–53.
39. Magu S. Reconceptualizing Cultural Globalization: Connecting the «Cultural Global» and the «Cultural Local» // Social Sciences. – 2015. – Vol. 4. – P. 630–645.
40. Stonequist E.V. The marginal man: A study in personality and culture conflict // New York: Russell & Russell. – 1961. – Ch. 7. – P. 159–174.

MARGINAL ZONES IN THE CONTEXT OF DIGITAL CITY DEVELOPMENT¹

Gareeva I.A.

DrS Soc. Sci., Professor of the Pacific National University (Khabarovsk, Russia);
003991@tugudv.ru

Garnaga A.F.

PhD Sociol. Sci., Associate Professor of the Pacific National University (Khabarovsk, Russia);
007711@tugudv.ru

Turkulets S.E.

DrS Philos. Sci., Professor of the Far Eastern State University of Railway Engineering
(Khabarovsk, Russia); turswet@rambler.ru

Slesarev A.W.

PhD Sociol. Sci., Associate Professor of I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk, Russia); alekssles@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a theoretical study of marginal spaces in the context of a digital city. The approaches to studying marginal spaces are analyzed: sociological, spatial and technological. The features of digitalization of the urban environment, including marginal territories, are considered. Recommendations for integrating marginal spaces into the digital urban environment are

¹ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation N 24-28-20346, <https://rscf.ru/project/24-28-20346/> and the Ministry of Education and Science of Khabarovsk territory (Agreement No. 114/2024).

proposed. The authors highlight the most successful mechanisms for integrating marginal spaces through the use of Big Data, the use of smart sensors and the creation of digital twins. The authors identified the likelihood of developing two scenarios for marginal urban spaces: a positive one, which assumes success in updating the territories in question without external participation, and a negative scenario of degradation, which requires active action from the authorities and society.

Keywords: *marginal urban spaces; digitalization; population.*

For citation: Gareeva I.A., Garnaga A.F., Turkulets S.E., Slesarev A.W. Marginal zones in the context of digital city development // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 3. – P. 63–77.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.04

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 321.64: 330.342.24(592.3)

ГОРОД КАК ИНСТРУМЕНТ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ И УСПЕХ «УМНОЙ НАЦИИ» СИНГАПУРА

Мелешкина Елена Юрьевна

Доктор политических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); elenameleshkina@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен «умного города» на примере уникального кейса Сингапура – государства, которому удалось успешно реализовать национальную стратегию цифрового и устойчивого развития в условиях авторитарного политического режима. Анализируются институциональные условия, политические решения и технологические инновации, обеспечившие успех проекта «умная нация». Особое внимание уделено взаимодействию между политическим контекстом, уровнем вовлеченности граждан, структурой управления и механизмами городской трансформации. Подчеркивается парадокс: несмотря на ограниченные демократические институты, Сингапур удалось выстроить инклюзивную цифровую инфраструктуру и стимулировать развитие устойчивых практик. Работа также затрагивает вопросы противоречий и ограничений, с которыми сталкивается «умный город» в авторитарной среде, и возможные перспективы его демократизации.*

Ключевые слова: умный город; Сингапур; политический режим; умная нация; цифровая трансформация.

Для цитирования: Мелешкина Е.Ю. Город как инструмент: политический режим и успех «умной нации» Сингапура // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 78–93.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.05

Рукопись поступила 02.06.2025.

Принята к печати 11.08.2025.

Введение

Мы живем в эпоху невиданного роста городского населения. В 1880 г. его доля составляла всего 3%. К середине XX в. она выросла до 29%, а в 2023 г. уже достигла 57,4% и ожидается, что к 2050 г. эта доля увеличится до 68% [68% of the world population, 2018]. Город как предоставляет жителям новые возможности, так и создает свои проблемы.

Революционным подходом к решению проблем, с которыми сталкиваются быстрорастущие городские центры, стала реализация проектов умных городов, предполагающих интеграцию технологий и решений, основанных на больших данных, в городское планирование. В научной литературе и практике существует большое разнообразие трактовок понятия «умный город». Однако, пожалуй, большинство интерпретаций объединяет понимание умного города как инновационного городского пространства, которое с помощью умных технологий может способствовать решению сложных городских проблем и устойчивому развитию, а также росту качества жизни.

Легитимированная несколькими программами ООН, устанавливающими цели устойчивого развития, идея «умного города» в 2015–2016 гг. приобрела глобальный масштаб. В 2023 г. объем мирового рынка оборудования и технологий для умных городов достиг 1233,7 млрд долл. Заглядывая в будущее, группа IMARC ожидает, что к 2032 г. объем этого рынка достигнет 4633,9 млрд долл., а темпы роста (CAGR) составят 15,4% в 2024–2032 гг. [Smart cities market size, 2024].

Известно, что большинство самых продвинутых умных городов находятся в Китае, где существует авторитарный политический режим, способный концентрировать ресурсы. Есть примеры и других авторитарных режимов, в которых успешно реализуются проекты умных городов. В то же время имеются и примеры неуспешных или проблемных проектов умных городов в странах с авторитарным правлением (например, Ордос в Китае). Существует и значительное количество преуспевающих умных городов в странах с демократическим правлением, хотя правительства в этих государствах ограничены в полномочиях и часто не являются владельцами услуг, которые требуются для построения умного города. Тем не менее лидерами в рейтинге умных городов являются таковые в государствах с демократическим режимом.

В первой десятке лидеров всего два города из стран с недемократическим режимом. Один из них – Сингапур, который является уникальным казусом для исследования проектов успешных умных городов. Он занимает площадь 720 км² и является самой маленькой страной в Юго-Восточной Азии. Это фактически город-государство с долей городского населения равной 100% и высокой плотностью населения в высокоурбанизированной зоне. По данным ООН, плотность населения в Сингапуре в 2023 г. составила 8919 человек на км². Рост урбанизации и иммиграции, которые

Сингапур пережил в последние несколько десятилетий, привели к перенаселенности города, перегрузке общественной инфраструктуры и к высокой стоимости жилья. Внедрение принципов и технологий умного города стало одним из решений урбанистических проблем Сингапура.

В 2024 г. Сингапур занял пятое место после Цюриха, Осло, Канберры и Женевы в рейтинге умных городов [IMD Smart City Index 2024, 2024]. В этой области он является лидером региона. Именно он инициировал создание Сети умных городов АСЕАН в 2018 г., и во многом его опыт и инициативы в области развития умных городов определяют глобальные и региональные тенденции урбанизации. Сингапур позиционирует себя как мирового лидера в области технологических инноваций и цифровой трансформации в целом.

Данные статистики, свидетельствующие об успешности проектов умных городов, вызывают ряд исследовательских вопросов. В частности, предметом обсуждения выступают факторы, определяющие успех проектов умных городов, взаимодействие между политическими режимами и процессом формирования и развития умного города, а также аспект влияния последнего на политический режим. Интересно, одинаково ли успешны все проекты в авторитарных режимах, и от чего зависит различие.

Для ответа на эти вопросы логично обратиться к отдельным примерам умных городов, что позволяет проанализировать механизм взаимодействия между реализацией проекта умного города, его результатами и условиями. Такой подход представляется крайне важным, ибо, как справедливо отмечают некоторые исследователи, реальные проекты умных городов находятся в «существующих социальных и пространственных созвездиях городского управления и застроенной среды» [Shelton, Zook, Wiig, 2014, с. 14]. Следовательно, анализ и политика в их отношении должны учитывать «глубокие эмпирические исследования конкретных инициатив умных городов» [Kitchin, 2014, с. 131].

В нашей работе мы хотим проанализировать казус Сингапура, одного из наиболее успешных примеров реализации проекта умного города. В фокусе внимания данного исследования – основные характеристики развития проекта умного города Сингапура, точнее умной нации, факторы, позволившие сделать этот проект успешным, и его последствия для социального и политического развития.

Методологические подходы

В связи с усилением интереса к развитию умных городов значительно увеличилось и число исследовательских публикаций на эту тему. Ввиду постепенного выхода на первый план в общемировом дискурсе тем, связанных с устойчивостью и человеческим развитием трансформировалось понимание умных городов. Заинтересованность по отношению к технологиям и административным решениям постепенно стала смещаться на клиентоориентированность, включая

удовлетворение потребностей людей и их восприятие окружающей среды [Reiter, Klenk, 2019]. Появился и подход к умному городу, акцентирующий внимание на правах человека в связи с последствиями технико-технологических инноваций для природы, социума, политических систем [Isin, Ruppert, 2015; The right to the smart city, 2019]. Именно этот подход характеризует определенная настороженность в отношении проблем защиты данных и конфиденциальности, которые могут вызывать развитие умных городов. В научной литературе возникают отдельные работы, посвященные негативным последствиям реализации планов по созданию умных городов в недемократических и гибридных режимах, в которых исследователи пишут об «урбанизме Франкенштейна», новых исключающих структурах, углубляющемся неравенстве и т.п. [Cugurullo, 2018; Marvin, Luque-Ayala, McFarlane, 2015].

Несмотря на обилие работ, посвященных феномену умного города, имеется мало исследований, сфокусированных на условиях развития и факторах успеха этого явления. Некоторые материалы, анализирующие условия развития тех или иных проектов, посвящены отдельным казусам, или конкретным, часто конъюнктурным факторам, влияющим на развитие умного города и образующим случайную конфигурацию. Например, в качестве препятствий выделены бюджетно-финансовые проблемы, проблемы базовой и высокотехнологичной инфраструктур, правовые и управленческие, экологические, демографические и образовательные (прежде всего разные уровни информационных и цифровых знаний и навыков вопросы) [Tan, Taeiagh, 2020, с. 899]. Несмотря на несомненную полезность выявления этого набора факторов, следует признать, что данная совокупность во многом носит фрагментарный характер. В целом она отражает экономические и политические системные характеристики, а также результат проведения определенной политики. В то же время сами эти системные характеристики и особенности политического курса остаются в основном вне поля зрения авторов, что ограничивает возможности применения этой совокупности в сравнительном анализе.

Многие вопросы, касающиеся соотношения политического контекста и развития программ умного города остаются без ответа. В частности, недостаточно изученной является проблема особенностей политического контекста, а именно его позитивного влияния на возможности и перспективы проектов умных городов. Поскольку любой проект умного города предполагает значительный экономический аспект, для ответа на эти вопросы нам представляется полезным обратиться к научной литературе, посвященной взаимодействию между политическими режимами и экономическим развитием. Необходимыми также могут оказаться и другие направления, о которых скажем ниже.

Одна из концепций взаимодействия между политическим строем и экономическим развитием предложена в книге представителей институциональной экономики Дарона Асемоглу и Джеймса А. Робинсона «Почему нации терпят неудачу». В ней авторы фактически поддерживают

идею позитивной связи между экономическим ростом и демократией. Они рассматривают инклюзивные политические институты, свойственные демократиям, как ворота к формированию таких экономических институтов, которые способствуют росту, развитию и успеху. В то же время экстрактивные политические институты, которые могут создать экономический рост лишь в краткосрочной перспективе, формируют экстрактивные экономические институты, что в итоге приводит к низкому экономическому росту [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 78–84]. Логика авторов выглядит убедительно. Однако существующая практика показывает, что многие страны, особенно в Азии, смогли значительно продвинуться в экономическом отношении, используя формы авторитаризма, а не демократии. Соответственно, связь между спецификой политических институтов и экономическим развитием не такая прямая.

Другой значимой в этой области работой является книга «Насилие и социальные порядки: концептуальная основа для интерпретации записанной истории человечества» Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста. Ее авторы выделили две формы государств. Это, во-первых, «естественные» государства, которые состоят из социальных порядков с ограниченным доступом. В них право собственности и организации ограничено избранным числом элит, а также осуществляется жесткий контроль доступа широких масс к организационной активности. Во-вторых, это государства, которые генерируют наибольший экономический рост через социальные порядки открытого доступа, которые характеризуются ценностью равенства между гражданами, отсутствием ограничений на политическую, экономическую, образовательную и религиозную деятельность, организационной поддержкой в деятельности, верховенством закона и безличным обменом. Такие порядки приводят к формированию более эффективных институтов и организаций [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011]. Несмотря на то, что авторы предложили развернутое и структурированное понимание того, как институты могут способствовать устойчивому экономическому росту, вопросы об успешности экономического развития в авторитарных режимах остались без ответа.

Одним из исследователей, анализирующих связь между экономическим развитием и авторитарным режимом, является Стивен Хабер. В частности, в книге «Авторитарное правительство» есть предположение, почему некоторые авторитарные правительства могут поддерживать экономический рост, а другие нет. По мнению автора, отсутствие экономического роста в авторитарных правительствах объясняется конкуренцией за власть, которая подразумевает стягивание ресурсов (необходимых для ее удержания в одних руках) [Haber, 2008]. Запугивание населения и негарантированная собственность не позволяют развиваться экономике из-за отсутствия инвестиций и недоверия к правительству. Однако лидеры авторитарных режимов могут использовать организационное развитие для преодоления борьбы за власть. Создание множества объединений, которые работают вместе с диктатором, способствует диффузии права собственности в обществе, что, как

правило, приводит к более высокому и быстрому экономическому росту и более высоким шансам на демократический переход в будущем.

Этот подход обладает несомненной аналитической ценностью для объяснения «феномена Ли» в Сингапуре. Однако он не дает ответа на вопрос о взаимодействии между уровнем политического курса, реализуемого акторами, и условиями развития или контекстом.

Несколько, как возможны институциональные изменения, необходимые для успешной реализации проекта умного города, если, как утверждает теория рационального выбора, в обычных условиях акторы склонны сохранять институциональный *status-quo*. Им легче нести издержки по взаимодействию с другими деятелями, чем менять их, действуя в логике «тропы зависимости», которую в системе политических институтов определяют как самоусиление или позитивную обратную связь процессов [Pierson, Skocpol, 2000].

Один из ответов на вопрос об институциональных изменениях дает исторический институционализм, признающий их возможность в условиях так называемых «критических развилок» (войны, революции, кризисы) [Мелешкина, 2012], создающих неопределенность [Mahoney, 2000] и обозначающих моменты уязвимости, требующие вмешательства политиков [Scharpf, 2000, p. 769]. Совершенный выбор может изменить политическое развитие [Pierson, Skocpol, 2000]. С позиций исторического институционализма «тропа зависимости» не детерминирует развитие, но обозначает в нем «связанные инновации», т.е. те институциональные элементы, которые должны воспроизвестися [Weir, 1992]. Эти элементы формируют рамки или каналы институциональных изменений, но не предопределяют их [Thelen, 2003].

Итак, факторы институциональной структуры ограничивают действия политических акторов и последствия этих действий, но осуществленные в период «критических развилок» изменения очерчивают контуры будущих институциональных возможностей.

Сочетание этих подходов представляется наиболее адекватным задаче анализа совокупного вклада в эффективность «умного города» в Сингапуре институциональных традиций и выбора политических акторов.

Умный город – умная нация в Сингапуре

Эксперты в области инновационного развития городов условно делят умные города на три версии: 1.0, 2.0 и 3.0. Городов версии 3.0, где интеллектуальные технологии не просто интегрированы в некоторые элементы инфраструктуры, а являются ее основой, не так много, и именно к этой группе принадлежит нынешний Сингапур.

Важно отметить, что с самого начала проект умный город в Сингапуре реализовывался как проект поистине национального масштаба, что отличает его от многих других. Во второй половине 2014 г. премьер-министр Сингапура Ли Сянлун запустил масштабную программу «Умная на-

ция» (Smart Nation), задачей которой было внедрение инновационных технологических систем для решения городских проблем и улучшения качества жизни. Программа дала толчок для развития целого ряда направлений, среди которых можно выделить несколько основных (см. об этом также: [Александрова, Минина, 2023; Calder, 2016]).

Во-первых, это интегрированное городское планирование с цифровым двойником – виртуальной копией города. В нее попадают данные в реальном времени из различных источников (ГИС, изображений зданий, транспорта и т.д.). Этот инновационный подход к городскому планированию позволяет властям моделировать и оптимизировать воздействие проектов развития на окружающую среду, потребление энергии и общую устойчивость. Используя цифровые двойники, Сингапур может оценивать экологические последствия строительных проектов, управлять зелеными насаждениями и повышать энергоэффективность зданий. Такой комплексный подход к городскому планированию способствует стабильному развитию города с учетом факторов окружающей среды.

Во-вторых, это умная транспортная инфраструктура. Высокая степень урбанизации и сложности с обеспечением мобильности – проблемы, которые являются в чем-то уникальными для островного государства. Для их решения в городе была создана система «умного транспорта» (ITS). В нее входят сенсоры и камеры, аналитические программы для мониторинга транспортных процессов, их анализа и управления ими, включая ценообразование. Внедрение этой системы уменьшило пробки на дорогах на 20% за последние пять лет и позволило простилировать использование общественного транспорта с помощью гибкой системы ценообразования. Умная транспортная система – одно из признанных достижений Сингапура, что находит свое отражение в позитивном восприятии населения: так в 2018 г. более 80% опрошенных жителей Сингапура заявили, что они удовлетворены общей ситуацией с общественным транспортом [Elements of success, 2018].

В-третьих, это умное управление энергопотреблением и использование устойчивых технологий при строительстве, в том числе зеленых технологий. Город-государство использует интеллектуальные сети и передовую инфраструктуру для мониторинга и оптимизации энергопотребления. Новые энергоэффективные здания, оснащенные датчиками и автоматикой, способствуют общей устойчивости городского ландшафта. Например, комплекс Marina Bay Sands, знаковый символ приверженности Сингапура устойчивой архитектуре, включает в себя инновационные элементы дизайна, такие как сбор дождевой воды, энергоэффективное освещение и зеленые крыши. Эти особенности не только снижают воздействие сооружения на окружающую среду, но и служат моделью для устойчивого строительства в городе. Другим примером является возведение экологического района Тенга, который представляет собой один из проектов по сокращению выбросов углекислого газа и обеспечению устойчивости в области энергетики, воды и отходов, предусматривающий ги-

гантские кондиционеры на солнечной энергии и централизованную систему охлаждения, вакуумный сбор мусора, подземные дороги для электромобилей и центр города без автомобилей, городские фермы, зеленую архитектуру и т.д.

Внедрение интеллектуальных сетей и энергоэффективных зданий привело к снижению общего энергопотребления на 15%, что внесло значительный вклад в достижение целей устойчивого развития города. Согласно Генеральному плану зеленого строительства [Green building masterplans, 2025], Сингапур стремится сделать 80% своих зданий экологически чистыми к 2030 г.

В-четвертых, это управление водными ресурсами и их охрана. Несмотря на то, что Сингапур окружен водой, в нем очень мало природных водных ресурсов, поэтому раньше город зависел от импорта воды. По соглашению 1962 г. он закупал более 50% воды для своих нужд у Малайзии по фиксированной цене (250 млн галлонов в сутки). Поэтому в Сингапуре уделяется большое внимание сохранению водных ресурсов и управлению ими. Интеллектуальные технологии играют решающую роль в оптимизации использования воды за счет внедрения датчиков и устройств Интернета вещей. В городе-государстве разработана комплексная система сбора, очистки и переработки сточных вод, обеспечивающая стабильное водоснабжение. Smart Water Grid использует датчики для мониторинга качества воды, обнаружения утечек и оптимизации распределения водных ресурсов. В настоящее время работа нескольких водоочистных заводов и фабрик в Сингапуре удовлетворяет 40% ежедневной потребности города. Примерно треть из них обеспечивают опреснительные установки. Используется также и дождевая вода. Кроме того, в Сингапуре применяются специальные меры по предотвращению наводнений и засорения систем водоснабжения. Благодаря интеллектуальной системе управления водными ресурсами ущерб от наводнений удалось сократить во много раз [Puttkamer, 2023].

В-пятых, это сокращение отходов. Городская интеллектуальная система управления отходами с датчиками в мусорных баках позволила сократить количество ненужных поездок за вывозом мусора на 30%, а общий объем переработанных отходов достиг 57% в 2022 г. по сравнению с 52% в 2020 г. Согласно Генеральному плану нулевых отходов Сингапура, ожидается, что общий уровень их переработки в стране составит 70%, а количество отходов, отправляемых на свалку на душу населения в день, сократится на 30% к 2030 г. [Ng, 2023]. Анонсируется, что к 2030 г. уровень переработки за пределами страны увеличится до 80%, а внутри страны – до 30% [Sustainable and resource efficient Singapore, 2025].

В-шестых, это участие граждан и умное управление, которое используется в Сингапуре не только для продвижения новых технологий. Одна из особенностей развития умного города в Сингапуре заключается в том, что практики участия населения в управлении используются также для создания чувства общей вовлеченности и ответственности (см. подробнее: [Ho, 2016; Chang, Das, 2020]). Развитие умного управления предполагает участие разных акторов из сферы науки и биз-

неса: сотрудничество между государственными учреждениями, исследовательскими институтами, стартапами и фирмами, предоставляющими цифровые услуги. Кроме того, инициатива «Умная нация» предполагает развитие средств вовлечения в формирование умного города рядовых граждан, в частности создание цифровых платформ и мобильных приложений для облегчения общения между гражданами и правительством в режиме реального времени. Здесь жители могут получать доступ к информации об экологических инициативах, о чрезвычайных ситуациях и происшествиях, сообщать о проблемах и активно участвовать в разработке программы модернизации города. Помимо этого, правительство запустило программу «Умная нация, умные города», которая поощряет граждан предлагать инновационные идеи, чтобы сделать свои районы более эффективными, пригодными для жизни и устойчивыми. Кроме того, в Сингапуре реализуются просветительские проекты, позволяющие жителям знакомиться с преимуществами технологий (например, «Послы умной нации» – часто задаваемые вопросы о послах умной нации). Большинство технологий разработаны так, чтобы быть доступными для разных социальных групп, что увеличивает их возможности и усиливает социальное равенство. Один из примеров этого – активное использование умных технологий в сфере медицины, в частности для оказания медицинской помощи и улучшения ухода за пациентами с помощью услуг телемедицины, носимых устройств мониторинга здоровья и т.д.

В то же время несмотря на вовлечение различных акторов, Сингапур представляет собой классический пример внедрения проекта «умный город» сверху, при доминирующем участии государства. Это, в частности, проявляется в том, что большинство инициатив исходит от государства, а ориентиры и правила закрепляются в программах развития, в том числе городского планирования. Например, одним из недавних планов городского развития является «Зеленый план 2030» [A city of green possibilities, 2024], который вступил в силу в 2021 г. Он предполагает не только использование новых интеллектуальных технологий, но и мотивацию бизнеса и рядовых граждан к участию в устойчивом развитии города.

В целом на примере инструментов и механизмов умного города, предполагающих вовлечение в этот процесс различных акторов, включая рядовых граждан, видно, что при общем авторитарном характере правления правительству удалось создать ряд открытых и доступных всем институтов, которые, помимо позитивного влияния на экономическое развитие и повышение качества жизни, предполагают более высокий уровень интеграции нации.

Факторы успеха проекта «умная нация»

Важной критической развиликой в развитии Сингапура было обретение независимости в 1965 г. Этому сопутствовало множество проблем: полиэтничность, социальная дезорганизация, разрушенные войной инфраструктура и общественные учреждения, экономический застой, быст-

рый рост населения на фоне низкой оплаты труда и высокой безработицы. После отделения от Малайзии Сингапур потерял надежды на расширение внутреннего рынка потребления товаров, производимых небольшим, но растущим производственным сектором. Более того, политика конфронтации Индонезии с Малайзией в период с 1963 по 1966 г. существенно сократила транзитную торговлю Сингапура.

В этих условиях сингапурская элита во главе с Ли Кван Ю сделалась ставку на экономическое развитие ради выживания государства, приняв ряд новаторских институциональных и политических решений, которые в то же время в некоторой степени основывались на национальных традициях.

Одним из направлений реформ были перемены в административном аппарате. Были осуществлены действия по формированию эффективной и понятной административной структуры для реализации стратегии экономического развития, которая предполагала борьбу с коррупцией и внедрение принципов меритократии (см. об этом подробнее: [Jones, 2016; Low, 2016]).

Для искоренения коррупции руководство Сингапура взяло курс на обеспечение полной подотчетности и открытого разделения между личными активами и государственными фондами. Первым важным шагом на пути к борьбе с коррупцией стало принятие антикоррупционного законодательства в 1960 г. в форме Закона о предотвращении коррупции. Законодательство стало еще более строгим и всеобъемлющим благодаря последующим поправкам.

Мероприятия по искоренению коррупции дали впечатляющие долгосрочные результаты, о чем свидетельствует низкий уровень коррупции и в наши дни. В частности, по индексу восприятия коррупции в 2023 г. Сингапур занимал 5-е место в списке наименее коррумпированных стран мира из 180 стран с результатом 83. Сингапур сохранил тот же рейтинг и балл, что и TI-CPI 2022 г., и остался единственной азиатской страной, вошедшей в топ-10 наименее коррумпированных стран мира [Corruption Perception Index, 2023].

Что касается меритократии, то одним из проявлений этого стало формирование технократического правительства. Это означало внедрение правила, согласно которому формулирование политического курса может осуществляться только лицами со специальными навыками, полученными благодаря передовым образовательным достижениям. Новые правила предполагали вступление в должность, продвижение и пребывание в ней на основе образовательной квалификации и результатов. Многие участвовавшие в процессе принятия решений обучались в зарубежных университетах и имели научные степени. Реализация меритократического подхода способствовала сплочению политической элиты на основе ощущения принадлежности к особой группе и избранности [Jones, 2016].

Другим направлением реформаторской деятельности явились обеспечение всепроникающей роли государства во все аспекты экономической жизни Сингапура. Правительство создало ряд уч-

реждений или предприятий, связанных с экономическим развитием, принадлежащих государству, управляемых или контролируемыем им. Все ресурсы – земельные, трудовые, капитальные, – а также ценообразование полностью находились под контролем государства.

Важной составляющей успеха экономического развития стала открытость Сингапура для иностранных инвестиций. В 1960-х и 1970-х годах на Востоке были распространены антиамериканские настроения. Руководство Сингапура подошло к вопросу о сотрудничестве с США прагматично, привлекая зарубежных, прежде всего американских, инвесторов и технологии¹. Руководство Сингапура, в отличие от других постколониальных стран, совершило стратегический разворот в сторону экспортноориентированной экономики свободного рынка, открытой, но в то же время контролируемой и регулируемой государством.

Заслугой правительства стало вхождение Сингапура в международную торговую систему со статусом страны с режимом наибольшего благоприятствования и стратегическое использование форума ВТО для экономического процветания.

Помимо мер по реформированию государственного аппарата, привлечения инвестиций, развития госконтроля и экспортной торговли, сингапурским правительством был осуществлен ряд мер, направленных на повышение благосостояния населения и, соответственно, обеспечение социальной стабильности и легитимности правительства. Заручиться поддержкой населения правительству помогли не только рабочие места, но и субсидируемое жилье, образование, здравоохранение, отдых, общественный транспорт, разумное управление основной частью пенсионных сбережений, ежегодное повышение заработной платы и ряд дополнительных льгот в государственном и частном секторах. Помимо политической стабильности, эти решения способствовали частным инвестициям.

Социальному миру, стабильности правительства и благоприятному инвестиционному климату способствовали и действия руководства Сингапура по созданию нации и национальной идеологии. Для правительства формирование сильного чувства национальной идентичности рассматривалось как важное условие повышения лояльности граждан государству. Наряду с принципом меритократии концепция «многорасовости» (включая «многоязычие» и «многорелигиозность») стала использоваться в качестве одного из основополагающих мифов государства. Малайский, английский, тамильский и китайский языки были институционализированы в качестве четырех официальных языков, при этом малайскому языку был предоставлен особый статус национального языка [Vasil, 2000]. Малайские, тамильские и китайские школы продолжали существовать наряду со школами с преподаванием на английском языке вплоть до 1980-х годов. В 1987 г. правительство провело образовательную реформу, согласно которой английский был избран в качестве единственного средства обучения во всех школах. Это не отрицало возможность изучения этничес-

¹ О прагматичности в определении политического курса в Сингапуре см. работу К. Тана: [Tan, 2012].

ских языков и культуры этнических сообществ, однако способствовало более равномерному получению преимуществ в виде знания английского языка, поскольку он был языком науки, международного бизнеса, судов и администрации, а также в определенной степени уравнивало членов различных этнических групп в правах. В то же время правительство считало необходимым, чтобы каждая этническая группа сохраняла свои отличительные черты посредством языка и обычая, и, уважая свою собственную культуру, так же уважала бы и другие, тем самым создавая по-настоящему многорасовый Сингапур [Vasil, 2000].

Осуществлялись и попытки формирования единой национальной идеологической рамки. Так в начале 1990-х годов были предприняты попытки сделать Сингапур более сплоченным и по-настоящему многорасовым обществом посредством внедрения общих ценностей. Была создана «Белая книга общих ценностей», в которой изложены пять основных принципов, провозглашающих верховенство нации при уважении и поддержке человека и декларировании принципов консенсуса, расовой и религиозной гармонии.

Другими важными событиями, способствующими успеху реформ, были нефтяной кризис 1973 г. и азиатский финансовый кризис 1997 г.

Во время нефтяного кризиса Сингапур продемонстрировал, что он является надежным местом для ведения нефтяного и иного бизнеса. После кризиса правительство инициировало масштабную программу экономической реструктуризации с упором на технологии, компьютерное образование и развитие человеческого капитала. К 1990-м годам Сингапур стал лидером в области электроники, нефтехимии и международной торговли. Правительство диверсифицировало свою стратегию в 1990-х годах, продвигая обрабатывающую промышленность и сектор услуг как два главных столпа экономики. Поэтому они объявили о нескольких стимулах для этих отраслей с целью повышения производительности и экономического роста. После 1997 г. правительство Сингапура сократило издержки бизнеса и предоставило новые стимулы для привлечения глобальных инвесторов. Политика на рынке труда также была пересмотрена в сторону увеличения ее гибкости и конкурентоспособности.

Постепенно руководство Сингапура взяло курс на ослабление государственного вмешательства в экономику, точнее его переход в более мягкие формы. Хотя государственный сектор по-прежнему остается довольно мощным, его роль теперь заключается в поддержке частного сектора путем создания благоприятной для бизнеса атмосферы с точки зрения развития инфраструктурных объектов, правил торговли, налоговых ставок, лицензий на ведение бизнеса и т.п. Правительство также инициировало передачу услуг на подряд. Все это в большей степени отвечало запросам на новые условия постиндустриальной фазы экономического развития. Вместе с тем по сравнению с более существенными изменениями в пользу рыночных механизмов во многих других странах из-

менение политики в Сингапуре было довольно постепенным, что позволило обеспечить большую стабильность социально-политического развития и успешность экономического развития.

Это дало Сингапуру возможность стать экономическим лидером региона и одним из мировых лидеров. Уже в 1994 г. его ВВП на душу населения (20 000 долл. США) превзошел показатели Австралии, Канады и Великобритании. Согласно Отчету о глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума за 2006–2007 гг., Сингапур опередил Японию, Гонконг и Тайвань, став самой конкурентоспособной азиатской страной, заняв при этом пятое место в мировом рейтинге. Уже в то время в стране был самый высокий в мире уровень использования персональных компьютеров среди домохозяйств, хорошо функционирующие широкополосные системы связи и высокотехнологичная транспортная система.

В настоящее время Сингапур сохранил свои лидирующие позиции. Высока доля жителей страны, использующая Интернет (96% в 2022 г.), что создает существенные возможности в плане коммуникации. В то же время Сингапур остается одним из экономических лидеров. Он занимает 5-е место в мире по уровню ВВП на душу населения (84 738 долл. США) после Люксембурга, Ирландии, Швейцарии и Норвегии [GDP per capita by country, 2023]. Это страна стабильная в плане развития экономики, с высокими показателями экономического роста, несмотря на некоторое его замедление в 2022 г. (за весь 2022 г. экономика Сингапура выросла на 3,6%, замедлившись по сравнению с ростом на 8,9% в 2021 г. [MTI Maintains 2023 GDP growth forecast, 2023]).

В то же время Сингапур отличается и благоприятной средой для жизни людей. В частности, уровень безработицы в стране в 2023 г. составлял около 3,5% [Singapore: unemployment rate, 2025], а индекс человеческого капитала, показывающий возможности молодого поколения в плане качества их последующей жизни, составляет 0,88 (средний показатель по странам Восточной Азии и Океании составляет 0,59, в странах с высокими доходами – 0,71 [Human capital country brief, 2023]).

Таким образом, Сингапуру, сохраняющему многие институты и практики авторитарного государства в политической сфере, удалось создать ряд институтов с порядками открытого доступа, такими как социальное и национальное равенство, экономическая свобода и социальное обеспечение. Сравнительно мягкий и еще более смягчающийся авторитаризм позволяет также отнести правление Ли Кван Ю и его последователей к типу «стационарного бандита». Иными словами, в Сингапуре были созданы институты, благоприятствующие экономическому развитию, а проводимый правительственный курс, предполагавший создание инвестиционно привлекательной среды, открытость страны, ориентацию на развитие внешней торговли, технологий, банковского сектора, сферы образования и других услуг, способствовали успеху проекта умный город.

Проблемы и перспективы

На примере Сингапура и других умных городов мы можем увидеть сложное взаимодействие цифровизации, экологической и экономической устойчивости и процессов в политической сфере.

В Сингапуре имеются экологические проблемы. Так, например, несмотря на планы по развитию солнечной энергетики, доля солнечной энергии в общем энергобалансе страны в 2021 г. составила менее 1%. Сейчас Сингапур в значительной степени зависит от импортируемой энергии, в основном из ископаемого топлива. Он также является региональным лидером в переработке нефти и газа. В то же время Сингапур разработал новые методы производства энергии, такие как биодизельное топливо из пальмового масла, пытаясь снизить зависимость от импортной энергии. Здесь находится крупнейший в мире завод по производству дизельного топлива из пальмового масла. Пальмовое масло является самым неустойчивым сельскохозяйственным продуктом, который был поэтапно запрещен Европейским парламентом в 2017 г. [Michalopoulos, 2018].

Изменить устоявшиеся паттерны экономического развития Сингапура непросто, учитывая высокую степень государственного контроля и иерархию в принятии решений относительно программ технологического и устойчивого развития города. Возможно, большая демократизация этого процесса, усиление механизмов участия и подотчетности позволили бы Сингапуру найти альтернативные решения существующих проблем.

Процесс демократизации в стране происходит крайне медленно. Имеется определенное недовольство медленными изменениями в плане демократизации и развития свобод. Умный город создает новые возможности участия и тем самым усиливает соответствующие навыки, формирует новые запросы, в том числе на национальном уровне. Однако правительство Сингапура пока не желает совершать радикальные шаги в направлении большей демократизации на политическом уровне.

Список литературы

1. Александрова О.А., Минина М.В. Умный город как элемент устойчивого развития мегаполиса // Управленческое консультирование. – 2023. – № 12. – С. 109–117.
2. Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе. – Москва: ИНИОН РАН, 2012. – 251 с.
3. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2011. – 480 с.
4. 68% of the world population projected to live in urban areas by 2050, says UN // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. – 2018. – 16 May. – URL: <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html#:~:text=Today%2C%2055%25%20of%20the%20world%2E%20%99s%20population%20lives%20in,is%20expected%20to%20 increase%20 to%2068%25%20 by%202050> (дата обращения 12.02. 2024).
5. A city of green possibilities // Singapore Green Plan. – 2024. – URL: <https://www.greenplan.gov.sg/> (дата обращения 12.02. 2024).
6. Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. – New York: Crown, 2012. – 544 p.
7. Calder K.E. Singapore: smart city, smart state. – Brookings Institution Press, 2016. – 256 p.
8. Chang F., Das D. Smart nation Singapore: developing policies for a citizen-oriented smart city initiative / Developing national urban policy. – Singapore: Springer Singapore, 2020. – P. 425–440.
9. Corruption Perception Index 2023 // Transparency International. – URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023/index/sgp> (дата обращения 11.08. 2025).

10. Cugurullo F. Exposing smart cities and eco-cities: Frankenstein urbanism and the sustainability challenges of the experimental city // Environment and planning A. – 2018. – Vol. 50, N 1. – P. 73–92.
11. Elements of success: Urban transportation systems of 24 global cities // McKinsey. – 2018. – URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/sustainability-and-resource-productivity/our-insights/elements-of-success-urban-transportation-systems-of-24-global-cities> (дата обращения 13.03.2024).
12. GDP per capita by country 2023: Singapore // Statista. – 2025. – URL: www.statista.com/statistics/378654/gross-domestic-product-gdp-per-capita-in-singapore/ (дата обращения 11.08.2025).
13. Green building masterplans // Building and construction authority (BCA). – URL: <https://www1.bca.gov.sg/buildsg/sustainability/green-building-masterplans> (дата обращения 12.08.2025).
14. Haber S. Authoritarian government // The Oxford handbook of political economy. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 693–707.
15. Heejin H. Singapore, a garden city: authoritarian environmentalism in a developmental state // Journal of environment & development. – 2016. – N 26 (1). – P. 3–24.
16. Ho E. Smart subjects for a smart nation? Governing (smart)mentalities in Singapore // Urban studies. – 2016. – N 54 (13). – P. 3101–3118.
17. Human capital country brief. Singapore // Protect and invest in people. – 2023. – URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/64e578cbeaa522631f08f0cafba8960e-0140062023/related/HCI-AM23-SGP.pdf?_gl=1*1oo41fu*_gcl_au*MTE3NTgzNTQ4OS4xNzI0MDkxOTYw Singapore (дата обращения 17.05.2024).
18. IMD smart city index 2024: Results in 2024 city ranking order and 2023 ranking comparison // IMD. – 2024. – URL: <https://www.imd.org/smart-city-observatory/home/> (дата обращения 16.01.2024).
19. Isin E.F., Ruppert E. Being digital citizens. – London: Rowman and Littlefield International, 2015. – 229 p.
20. Jones D.S. Governance and meritocracy: a study of policy implementation in Singapore // The role of the public bureaucracy in policy implementation in five ASEAN countries. – Cambridge University Press, 2016. – P. 297–369.
21. Kitchin R. The data revolution: Big data, open data, data infrastructures and their consequences. – London: Sage, 2014.– 285 p. – URL: https://se.moevm.info/lib/exe/fetch.php/courses:smart_data:the_data_revolution_big_data_open_data_data_infrastructures_and_their_consequences_by_rob_kitchin_z-lib.org_.pdf (дата обращения 20.05. 2025).
22. Low J. Milestone programs for the administrative service in the Singapore Public Service // Sharpening the Sword of State: Building executive capacities in the public services of the Asia-Pacific. – Canberra: ANU Press, The Australian National University, 2016. – P. 181–212.
23. Mahoney J. Path dependence in historical sociology // Theory and society. – 2000. – N 9. – P. 507–548.
24. Marvin S., Luque-Ayala A., McFarlane C. Smart urbanism: Utopian vision or false dawn? – London: Routledge, 2015. – 196 p.
25. Michalopoulos S. EU Parliament ends palm oil and caps crop-based biofuels at 2017 levels // EURACTIV. – 2018. – URL: <https://www.euractiv.com/section/eet/news/eu-parliament-ends-palm-oil-and-caps-crop-based-biofuels-at-2017-levels/> (дата обращения 22.05.2024).
26. MTI maintains 2023 GDP growth forecast at “0.5 to 2.5 per cent” // Singapore Department of Statistics. – 2023. – URL: <https://www.singstat.gov.sg/-/media/files/news/gdp4q2022.ashx> (дата обращения 24.05.2024)
27. Ng A. About 6% more waste generated in Singapore in 2022; recycling rate increased slightly // SNA. – 2023. – URL: <https://www.channelnewsasia.com/singapore/recycling-rate-waste-generated-statistics-singapore-nea-2022-3460796#:~:text=Under%20Singapore%2080%99s%20Zero%20Waste%20Masterplan%2C%20the%20country%20aims,from%2013%20per%20cent%20to%2012%20per%20cent> (дата обращения 20.02.2024).
28. Pierson P., Skocpol T. Historical institutionalism in contemporary political science // Political science: The state of the discipline. – New York: Norton., 2002. – P. 693–721.
29. Puttkamer L. A water smart city: Learning from Singapore // Bee smart city. – 2023. – URL: <https://www.beesmart.city/en/smart-city-blog/a-water-smart-city-learning-from-singapore> (дата обращения 05.02.2024).
30. Reiter R., Klenk T. The manifold meanings of “post-new public management” – A systematic literature review // International review of administrative sciences. – 2019. – Vol. 85, N 1. – P. 11–27.
31. Scharpf F.W. Institutions in comparative policy research // Comparative political studies. – 2000. – Vol. 33, N 6/7. – P. 762–790.
32. Shelton T., Zook M., Wiig A. The ‘actually existing smart city’// Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2015. – Vol. 8. – P. 13–25.
33. Singapore: unemployment rate from 1999 to 2024 // Statista. – 2025. – URL: <https://www.statista.com/statistics/378643/unemployment-rate-in-singapore/> (дата обращения 11.08.2025).
34. Smart cities market size, share, trends and forecast by focus area, smart transportation, smart buildings, smart utilities, smart citizen services, and region, 2025–2033 // IMARC. – 2024. – URL: <https://www.imarcgroup.com/smart-city-market> (дата обращения 12.06.2025).
35. Sustainable and resource efficient Singapore // National Environment Agency. – URL: <https://www.nea.gov.sg/integrated-sustainability-report-2021-2022/review-of-fy2021/ensuring-a-clean-and-sustainable-environment-for-singapore/sustainable-and-resource-efficient-singapore> (дата обращения 11.08.2025).
36. Tan K.P. The ideology of pragmatism: Neo-liberal globalisation and political authoritarianism in Singapore // Journal of contemporary Asia. – 2012. – Vol. 42, N 1. – P. 67–92.
37. Tan S.Y., Taeihagh Φ. Smart city governance in developing countries: A systematic Literature Review // Sustainability. – 2020. – N 12 (3). – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/3/899> (дата обращения 12.02. 2024).

38. The right to the smart city / Ed. by Di Cardullo F., Kitchin E. – Emerald Publishing Limited, 2019. – 2 p.
39. Thelen K. How institutions evolve: insights from comparative historical analysis // Comparative Historical analysis in the social sciences. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 208–240.
40. Vasil R. Governing Singapore: democracy and national development. – Singapore: Allen and Unwin, 2000. – 276 p.
41. Weir M. Politics and jobs: The boundaries of employment policy in the United States. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992. – 288 p.

THE CITY AS A TOOL: THE POLITICAL REGIME AND THE SUCCESS OF SINGAPORE'S «SMART NATION»

Meleshkina E.Yu.

DrS Polit. Sci. Chief Researcher, Institute of Scientific Information for Social Science
(Moscow, Russia); elenameleshkina@yandex.ru.

***Abstract.** The article explores the phenomenon of the “smart city” through the unique case of Singapore – a city-state that has successfully implemented a national strategy of digital and sustainable development under an authoritarian political regime. The paper examines the institutional conditions, political choices, and technological innovations that enabled the success of the “Smart Nation” project. Special focus is given to the interaction between the political context, citizen engagement, governance structures, and mechanisms of urban transformation. The article highlights the paradox that despite limited democratic institutions, Singapore has built an inclusive digital infrastructure and promoted sustainable practices. It also addresses the contradictions and limitations faced by smart cities in authoritarian environments and reflects on the potential trajectories of democratization within such contexts.*

Keywords: smart city; Singapore; political regime; smart nation; digital transformation.

For citation: Meleshkina E.Yu. The city as a tool: the political regime and the success of Singapore's «smart nation» // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 3. – P. 78–93.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.05

УДК 316.7(470.56)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДА КАК ФАКТОР ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ г. ОРЕНБУРГА

Орлова Елена Валентиновна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия);
orle-@mail.ru

Переселкова Зинаида Юрьевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия);
anizz@yandex.ru

Щеглова Мария Игоревна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия);
mashylena@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль интеллектуального потенциала города как ключевого фактора формирования положительной идентичности населения на примере г. Оренбурга.

бурга. Авторы анализируют деятельность образовательных, культурных и научных институтов, а также частных инициатив, направленных на вовлечение жителей в социокультурное пространство города. Особое внимание уделяется влиянию таких институтов, как вузы, музеи, театры, СМИ и интернет-пространство, на консолидацию городского сообщества. В работе подчеркивается, что использование интеллектуального потенциала способствует не только развитию городской среды, но и формированию уникального образа города, что в итоге укрепляет идентичность его жителей. На основе проведенного исследования выделены основные задачи для дальнейшего развития города, включая повышение вовлеченности населения в события, направленные на снижение оттока интеллектуального капитала.

Ключевые слова: город; идентичность; городская идентичность; интеллектуальный потенциал; институты города; г. Оренбург.

Для цитирования: Орлова Е.В., Переселкова З.Ю., Щеглова М.И. Интеллектуальный потенциал города как фактор положительной идентичности населения на примере г. Оренбурга // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 94–108.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.06

Рукопись поступила 01.06.2025.

Принята к печати 08.08.2025.

Введение

Проблема влияния интеллектуального потенциала на формирование положительной городской идентичности сегодня активно обсуждается в междисциплинарном гуманитарном дискурсе и исследуется в рамках социологии, философии, культурологии, психологии, экономики, урбанистики и ряда других наук. Пристальный интерес к данной тематике объясняется потребностью формирования единого пространства «городской культуры как уникального феномена, позволяющего на каждом конкретном этапе обнаружить комплекс отличительных признаков, обусловленных историческими, социальными и экономическими факторами городского развития» [Петрулевич, 2023, с. 2].

Городской брендинг важен и для сплочения жителей, и для решения актуальных задач развития властями города. Интеллектуальный потенциал является также важнейшим фактором формирования, сохранения, воспроизведения и распространения основных доминант социокультурной

идентичности города. Объединение горожан в единое сообщество возможно за счет их вовлечения в деятельность культурных институтов и учреждений.

В рамках стимуляции социокультурной активности населения городов и его привлечения к культурно-творческой деятельности распоряжением Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р утверждена «Концепция развития творческих (креативных) индустрий РФ и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» [Распоряжение Правительства РФ..., 2021]. К творческим (креативным) индустриям в документе относят «сфераe деятельности, в которых компании, организации, объединения и индивидуальные предприниматели в процессе творческой и культурной активности, распоряжения интеллектуальной собственностью производят товары и услуги, обладающие экономической ценностью, в том числе обеспечивающие формирование гармонично развитой личности и рост качества жизни российского общества». Здесь же указано, что «крайняя степень неравномерности в оформлении прав на результаты интеллектуальной деятельности и извлечения коммерческого эффекта ведет к негативным последствиям – переезду людей в столичные регионы, расслоению и угрозе потери единого культурно-образовательного пространства, утраты возможностей экономического развития ряда территорий» [Распоряжение Правительства РФ..., 2021].

Все вышесказанное позволяет выделить основные задачи, стоящие сегодня перед городским сообществом:

1. Повышение интеллектуального потенциала населения города за счет вовлеченности жителей разных возрастов и статусов в культурную и социальную жизнь.
2. Сохранение накопленного интеллектуального потенциала территории, снижение оттока интеллектуального капитала из города.

В задачи проведенного исследования входил анализ интеллектуального потенциала города на примере города Оренбурга, а также выработка рекомендаций для дальнейшего развития г. Оренбурга в направлении формирования положительной идентичности населения.

В рамках решения поставленных задач проведен анализ количественных и качественных составляющих культурной жизни Оренбурга, ориентированных на повышение интеллектуального уровня городского сообщества и рост соответствующего потенциала города. В основу исследования положены методы описательного анализа, обобщение, систематизация, сравнение и сопоставление.

В работе представлены результаты изучения деятельности институтов образования и культуры г. Оренбурга, а также частных инициатив активных жителей города, проводящих работу по включению населения в культурно-образовательное пространство и идентификацию с городским сообществом, которые называются сегодня гражданской наукой. А.Г. Газоян определяет гражданскую науку (citizen science) как включение в исследовательскую деятельность волонтеров без спе-

циального образования [Газоян, 2020, с. 811]. Основными источниками данных стали сведения о проведении мероприятий с официальных сайтов учреждений культуры и образования, а также из публикаций о мероприятиях и частных инициативах в средствах массовой информации.

Взаимосвязь интеллектуального потенциала города и положительной городской идентичности

Город сегодня ассоциируется у его жителя, прежде всего, с отсутствием стабильности, мозаичностью социальной структуры и обезличенностью пространства. Активная миграция, неоднородность и разорванность городских сообществ приводят к тому, что «в пространстве города сталкиваются два разнонаправленных потока: с одной стороны, сегрегация как социокультурное обособление групп, а с другой – ассимиляция как социокультурное растворение индивидов в группах. Таким образом, вхождение в городское сообщество неизбежно осознается как ментальное единство, а происходит опосредованно, через социализацию в определенном внутригородском сообществе, этнической группе» [Орлова, 2018].

Феноменом городской идентичности отечественные и зарубежные ученые занимаются довольно давно [Дягилева, 2013; Евстифеев, 2017; Аванесов, Федотова, 2022; Петрулевич, 2023; Hall, 1990]. Авторы рассматривают ее как «социокультурный конструкт, который является результатом социализации и адаптации индивида в конкретном городском пространстве, усвоения и воспроизведения культурных символов, принятых норм, традиций, стиля жизни жителей города» [Петрулевич, 2023]. Ее положительная окрашенность является важнейшим фактором консолидации городского сообщества на уровне самоотождествления каждого жителя с основными доминантами, конструирующими уникальный социокультурный образ или портрет города. Одним из значимых компонентов стимуляции привлекательности города, а также формирования комфортной социокультурной среды выступает активизация образовательных и творческих индустрий, способствующих повышению интеллектуального статуса городского населения.

То, что города и районы городов являются местами, где сконцентрирован творческий и интеллектуальный потенциал, – хорошо известный факт. «В культурной сфере современные города продолжают сохранять роль центров создания, поддержания и распространения культурных ценностей и норм, усвоения новых достижений науки и искусства» [Валеева, Нураев, 2014, с. 135]. Таким образом, наиболее важным элементом в структуре духовной жизни города сегодня становится именно интеллектуальный фактор.

Интерес к проблеме интеллектуального потенциала растет [Бобров, 2013; Леонидова, 2014; Валеева, Нураев, 2014; Кулакова, 2017; Brooking, 1997; Kosmitzki, 1993; Stewart, 1997]. Подчеркивается взаимодополняемость его уровней. На уровне населения это «совокупность знаний и информации, ценностей, умений и навыков деятельности, обеспечивающих ее социальную значимость и творчески преобразующий характер». На уровне города это «знания, ценности, умения, навыки, ко-

торыми обладают жители города, а также специальные социальные институты, обеспечивающие их получение, сохранение, распределение и развитие» [Валеева, Нугаев, 2014, с. 136].

Сформированная положительная городская идентичность личности предполагает развитие городского жителя как участника экономических, политических, социальных процессов, протекающих в городе, вовлеченного в активные коммуникации по поводу этих процессов непосредственно или посредством различных социокультурных институтов, наиболее важными среди которых являются следующие:

1. Наука и образование (НИИ, НИУ, высшие и средние специальные учебные заведения и др.). Количество учебных заведений, активность и качество научной жизни напрямую влияют на интеллектуальный уровень населения и формируют положительный портрет города за счет ощущения причастности граждан к его научному потенциалу.

2. СМИ. Телевидение, периодика, интернет-журналы и городские информационные порталы позволяют жителям не только знакомиться с уникальным городским языком и актуальным контекстом, но и получать информацию о значимых событиях, формировать свое мнение.

3. Учреждения культуры и искусства. Уровень развития театров, концертных площадок и музеев, включая гастроли знаменитых артистов, глубину содержания событий и вовлеченность жителей в культурные мероприятия напрямую определяет духовный облик города.

4. Культурно-досуговые учреждения. Дома и дворцы культуры, дворовые клубы, творческие студии и т.п. выстраивают прямую коммуникацию жителей города, обеспечивающую преемственность местных традиций, ценностей, смыслов, реализуя культурные потребности населения.

5. Центры народной культуры. Именно здесь за счет локализации местной самобытности происходит приобщение жителей к традициям, обычаям этноконфессиональной, социальной среды городского сообщества, что дает населению возможность сформировать идентичность на основании понимания отличия своей индивидуальности от культур других городов и территорий [Орлова, 2017, с. 152].

В отдельную область в современной коммуникативной парадигме можно выделить интернет-пространство. «Глобальная сеть» позволяет расширить поле интеллектуального взаимодействия всех вышеперечисленных институтов, объединяя их в единый городской «проект».

Для успеха такой деятельности необходима ориентация на потребности жителей и коoperation с официальными и общественными городскими структурами.

Роль различных социокультурных институтов

Учреждения науки и образования (НИИ, вузы, ссузы и т.п.). Центрами, аккумулирующими интеллектуальный потенциал города, бесспорно, являются научно-исследовательские институты (НИИ), учреждения высшего и среднеспециального образования. Как сказано на официальном

портале города Оренбурга: «Современный Оренбург – это центр науки и высшего образования» [Официальный портал..., 2025].

В городе развита сеть научно-исследовательских институтов, представленных:

1. Учреждениями, сосредоточенными исключительно на научно-исследовательской деятельности. В Оренбурге насчитывается 42 НИИ.
2. Учреждениями, осуществляющими научно-исследовательскую и образовательную деятельность. К данной категории можно отнести 13 вузов г. Оренбурга.

Научно-исследовательские институты сегодня ведут активную инновационную деятельность, ориентированную на решение актуальных проблем обеспечения и наращивания конкурентоспособности в экономической, производственной, технологической, гуманитарной сферах города Оренбурга, Оренбургской области и Российской Федерации в целом.

Постановлением правительства Оренбургской области от 14.02.2020 № 65-п. утверждены приоритетные направления развития науки, технологий и техники в г. Оренбурге [Приоритетные направления..., 2025]. В данный перечень вошло 71 направление, включающее разработки в области естественных, технических, общественных и гуманитарных наук. Так как Оренбург является агрономическим и индустриальным центром, в котором сосредоточены предприятия агропромышленного комплекса, машиностроения и т.п., то приоритетными являются именно данные сферы деятельности.

Наращивание интеллектуального потенциала для реализации поставленных перед научным сообществом целей является важнейшей задачей, стоящей перед вузами и ссузами города. В г. Оренбурге насчитывается 45 среднеспециальных учебных заведений.

Вузы города имеют достаточно высокий потенциал. Оренбургский государственный университет занимает 79-е место в рейтинге вузов Российской Федерации. Общее количество студентов составляет более 40 тыс. человек. Кадровый ресурс как движущая сила интеллектуального развития представлен 1960 преподавателями, из которых 1305 имеют ученую степень (1021 кандидат наук, 284 доктора наук) [Денис Паслер ..., 2023].

Во всех учреждениях образования сегодня ведется активная деятельность, ориентированная на вовлечение учащейся молодежи в научно-исследовательскую сферу: проводится множество международных, всероссийских, городских конференций, олимпиад; активно поддерживаются молодежные инициативы. В вузах города действуют программы «Точки роста» и «Точки кипения». Многие студенты уже на стадии обучения включены в работу лабораторий и научных центров при вузах. К примеру, на базе Оренбургского государственного университета успешно функционирует семь научных центров, есть и новые начинания.

Наращивание и реализацию интеллектуальных возможностей следует начинать с раннего возраста, поэтому вузы и ссузы города активно сотрудничают со школами и центрами образо-

вания. В 2019 г. открыт детский технопарк «Кванториум», где ежегодно проходят обучение 1500 школьников. Работают центры цифрового образования «IT-куб», центр одаренных детей «Гагарин» и т.п. [Национальный проект..., 2023].

Учебные заведения Оренбурга являются участниками национальных образовательных проектов таких как «Приоритет 2030», «Образование», «Молодежь и дети». Действует муниципальная программа «Доступное образование в городе Оренбурге».

СМИ. Телевизионные каналы, городская периодика. Согласно данным Медиалогии [Оренбургская область..., 2025], лидерами СМИ преимущественно являются интернет-издания, несмотря на то, что первую строку численности охвата удерживает телеканал Государственная телевизионная и радиовещательная компания Оренбург (ГТРК). Сразу восемь следующих мест отданы местным новостным интернет-СМИ. Периодика представлена изданием «Комсомольская правда».

На базе ГТРК созданы несколько телепередач, нацеленных на интеллектуальный досуг зрителей. Наиболее широко культурную жизнь города освещает ток-шоу «Во всем виноват контрабас», сочетающее в себе интервью с лидерами мнений и различных культурных организаций, а также сюжетные эпизоды и живые выступления творческих коллективов. При этом уровень компетентности выступающих отвечает запросам обывателя: так, наравне с врачами «доступ к микрофону» получают представители альтернативной медицины.

До сентября 2024 г. регулярным телевизионным блоком была передача «Культурный код» – репортажные выпуски о значимых официальных событиях в жизни Оренбурга. Вслед за ней были сняты с эфиров другие программы, косвенно касающиеся развития интеллектуального потенциала города (например, «Комфортная среда»). Отметим, что на базе радиовещания ГТРК в 2023 г. была реализована радиопередача «Разговор о важном», в которой преимущественно кандидаты и доктора исторических наук читали лекции по истории России. Вопросы образовательного процесса, содержания образования, актуальности образовательных программ поднимаются также в рамках «Классной темы». Телевещание компании «Оренбургское региональное отделение» (ОРТ) сведено к новостной культурной повестке, а материалы, преподносимые как экспертные, нередко представляют собой частные мнения представителей органов власти.

Так или иначе, существующие проекты СМИ на базе местного телевидения носят событийный, а не экспертный характер. При этом материал подбирается по принципу «информирования», а не «просвещения»: отсутствует ценностный элемент освещаемого события для жителей города. Проще говоря, целевая аудитория не узнает ничего нового для себя из репортажных сюжетов, а потенциальная аудитория, которая могла бы быть вовлечена в массовое просвещение, не понимает, чем данный репортаж может обогатить ее жизнь. Аналогична ситуация и с попытками дискуссий на ток-шоу: уровень аргументации сводится к обыденным стереотипам массового сознания. Местная периодика также не занимается просвещением: раздел «Культура» в общественно-

политической газете «Оренбуржье» или в газете «Вечерний Оренбург» лишь освещают прошедшие события.

Иначе обстоит дело с интернет-журналистикой. Особой популярностью у оренбуржцев пользуются подкасты, создаваемые сетевым изданием «Оренбург Медиа». К проектам просветительской направленности можно отнести: «Диванный урбанист», «Смотри на звезды» и «Горячий тыл: реальная хроника». В поле зрения первого упомянутого подкаста находится история города, яркие события, социальные проблемы и сам человек. Авторы подкаста Дарья Беликова и Виктор Богданов приглашают к себе в студию специалистов различных областей: от министров спорта и образования, до представителей частных просветительских инициатив. В отличие от телевизионных проектов, в рамках подкаста слушателя не только знакомят с фактологической стороной культурной и научной жизни города, но и сопровождают события аналитикой из различных источников. Очевидно, что такой формат возможен для реализации как раз за счет использования Интернет-среды и тех площадок, которые открыты для размещения и распространения подобного контента («VK Видео», «Яндекс Музыка» и т.д.), в то время как телевизионные шоу ограничены затратами на хронометраж.

Проект «Смотри на звезды» создается совместно с астрономическим сообществом «Орион», и это исключительно научно-популярный контент. Как будет показано далее, неформальные лекции и научно-популярные встречи в рамках частных инициатив аккумулируют интеллектуальную жизнь города, а упомянутый подкаст служит примером удачной коллaborации. При этом еще один популярный просветительский подкаст сетевого издания создается совместно с государственным Оренбургским архивом: «Горячий тыл: реальная хроника», посвященный 80-летию Победы.

Также на сайте «Оренбург Медиа» представлены специальные проекты: лонгриды и интерактивный контент об истории, географии, культурных традициях и особенностях региона. Ряд других популярных сетевых СМИ, к примеру, Orenday.ru, 56 orb.ru, ural56.ru также выделяют культурную и интеллектуальную жизнь города в отдельную новостную группу, но в качестве и тематике материалов прослеживается тенденция традиционных СМИ: репортажные статьи и мнения представителей власти.

Учреждения культуры и искусства. В Оренбурге сегодня активно реализуется национальный проект «Культура» (2019–2030 гг.), в составе которого три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура». В проект вошла особая муниципальная программа, цель которой: «сохранение и развитие культуры и искусства, историко-культурного наследия и творческого потенциала в муниципальном образовании “город Оренбург”» [Развитие культуры..., 2024].

Музейная сеть Оренбурга представлена двумя государственными, 12 муниципальными и народными музеями. В оренбургском городском пространстве сегодня именно музеи заняли нишу

активного интеллектуально-творческого просвещения населения. В музеях города проводится множество выставок, мастер-классов; работают лектории; организовываются интерактивные площадки, тематические вечера, встречи со значимыми деятелями культуры и искусства и многое другое.

О востребованности у жителей города музейных пространств свидетельствует и тот факт, что музейная сеть города активно расширяется. Так, в 2024 г. открыт музей-спутник Эрмитажа «Эрмитаж-Евразия». В 2025 г. намечено открытие нового музея современного искусства «М'АРТ» [Музей современного..., 2025]. Кроме выставочной деятельности в музее впервые в регионе начнет работу арт-резиденция. Это пространство для временного проживания и творчества художников, которые смогут работать и выставляться в Оренбурге. Помимо этого в городе действуют множество школьных, производственных, общественных музеев.

Информационно-интеллектуальную среду города также формируют библиотеки, фонд которых составляет «около трех миллионов изданий» [Библиотеки, 2025]. «В МУК (муниципальное учреждение культуры) “Библиотечная информационная система” г. Оренбурга разработан и успешно реализуется ряд программ: целевая программа патриотического воспитания граждан г. Оренбурга “Отчество”, “Библиотека и семья. Ресурсы взаимодействия”, “Библиотека – территория толерантности”, “Современная библиотека”, успешно развивается краеведческое направление деятельности. Библиотеки – активные участники городских акций: “Долг”, “Помоги ребенку”, “Выбор”, “Самое прекрасное на свете – женщина с ребенком на руках”, “Чтобы осень была золотой”, “Мы славим женщину, чье имя – мать”. Традиционными стали такие мероприятия, как презентации книг оренбуржцев, краеведческие конкурсы, фестиваль обрядов, ремесел и традиций “Восторженной души и добрых рук творенье”, книжный фестиваль “Книжный мир, где дружат все наречья”, “Шевченковский март” и многие другие» [Библиотеки, 2025].

В соответствии с актуальными тенденциями театры (которых в Оренбурге пять [Театры, 2025]) активно выходит за стены зданий в жизненное пространство города, открывают свои двери для экскурсий, вовлекают жителей в мастер-классы по актерскому мастерству, сценической речи, проводят лектории, встречи и т.п. В 2025 г. ожидается открытие нового экспериментального молодежного театра [В Оренбуржье..., 2025].

Интеллектуальное развитие населения обеспечивает также система дополнительного образования детей. На первый план здесь выходит деятельность муниципальных музыкальных, художественных школ и школ искусств. Как указано на официальном портале г. Оренбурга: «три тысячи юных оренбуржцев имеют прекрасную возможность получить начальное профессиональное образование, многие из них решают посвятить свою жизнь искусству» [Детские музыкальные..., 2025]. По статистике, за год музыкальные школы и школы искусств проводят свыше 250 концертов для

оренбуржцев, что, в свою очередь, способствует интеллектуальному и художественному развитию населения.

Культурно-досуговые учреждения. На территории города успешно работают дома и дворцы культуры (ДК «Молодежный», ДК «Орбита», ДК «Россия» и др.), которыми «ежегодно проводится более 450 культурно-массовых мероприятий для оренбуржцев» [Дома и..., 2025]. Их работа, охватывающая все возрастные группы, направлена на эстетическое воспитание и организацию культурного досуга населения, сохранение традиций и духовное развитие личности [Мухамеджанова, Орлова, Скопинцева, 2019, с. 94].

Повышению интеллектуального потенциала способствует активное фестивальное движение. В Оренбурге проводятся масштабные международные, межрегиональные форумы, фестивали, конкурсы. Значимые культурные проекты отмечаются вручением премии «Оренбургская лира».

Под эгидой администрации «в год проводится более 100 официальных культурно-массовых мероприятий различной направленности для всех слоев населения» [Приказ о..., 2024].

На развитие интеллектуального потенциала города в значительной мере влияют частные инициативы, которые впоследствии перерастают в индивидуальное предпринимательство, самозанятость и даже НКО. Но в рамках проводимого исследования интересна не юридическая составляющая, а мотивация деятельности как личного желания граждан.

Начиная с 2019 г. в Оренбурге активно реализуются проекты формата «человек – людям». Обратим внимание, что режим самоизоляции, введенный в связи с распространением COVID-19, дал возможность проявить себя местным культурным и интеллектуальным программам, так как развертывание федеральных проектов досуга требовало больше времени и ресурсов, чем реализация локальных инициатив. Также фактором, позитивно влияющим на эти инициативы, стали санкции, полный или частичный запрет на западноориентированные социальные сети и видеохостинги.

В Оренбурге насчитывается более пяти кинокружков («Ну, посмотрим», «Киноманки», «Кружок Юлии Боровиковой» и др.), которые организуют совместный просмотр кинофильмов, но, что важнее в рамках нашего исследования, создают дискуссионную площадку и озвучивают со-проводительный лекционный материал для углубления понимания кинолент. То есть интеллектуальный потенциал города закономерно выступает эпифеноменом в коммерческой деятельности кинотеатров. Цель кинокружков Оренбурга – развитие этого потенциала. Кроме того, более четырех раз в месяц проходят заседания неформальных и книжных клубов.

Особой популярностью у горожан пользуются неформальные лекции, на базе которых, в частности, организовались стенап-вечера по искусству от Марии Кучер. Ежемесячные мероприятия собирают от 80 до 100 оренбуржцев. Автор проекта «Арт-вечера в Оренбурге» готовит материал, связанный с культурными событиями города, чтобы посещение выставок не было обособленным

событием, а контекст произведений искусства был понятен всем. К примеру, в Оренбургском областном музее изобразительных искусств проходила выставка «Рецепты бессмертия Сальвадора Дали», в связи с чем был организован так называемый арт-бранч перед выставкой: Мария Кучер проводила короткие семинары по основным идеям выставки.

С января 2024 г. на базе Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея философ М.И. Щеглова читает научно-популярные лекции по истории философии, ежемесячная аудитория которых варьируется от 50 до 80 человек. В летний период у оренбуржцев есть возможность стать участниками философских завтраков, на которых обсуждаются актуальные этические вопросы. В кофейне «Ну и ну» проходят онтологические лекции по тематике специализации М.И. Щегловой. Запрос на подобные мероприятия доказывает, что оренбуржцы открыты к досугу, цель которого не только развлечение. В целом это совпадает с тенденцией на «edutainment» – обучение через развлечение. И если в рамках академической науки этот подход имеет ряд недостатков (в том числе подмена целей процесса обучения с познания на развлечения), то в рамках научно-популярной деятельности он весьма продуктивен.

В Оренбурге также появляются пространства для частных инициатив по развитию интеллектуального потенциала населения города. В. Гурьева, владелица «Особняка купцов Хусаиновых», предоставляет арт-мансарду для публичных лекций (с широкой тематикой от истории оренбургской рок-музыки до исследований фарфора). Проект «Art&Факт» также собирает ведущих спикеров города: например, историка, доктора наук, профессора Е.В. Бурлуцкую; геолога, кандидата наук, А.В. Пантелееву и других. Лекции данных авторов пользуются популярностью, а материал преподносится понятно и ценностно-ориентировано.

Активно развивается городской туризм. Проект А. Чередниченко «Изнанка города» стал настоящим культурным событием, показавшим, что история родного города – это не только познательно, но и интересно. Туристический досуг не ограничивается одной инициативой. Уже упомянутая Е.В. Бурлуцкая знакомит горожан не только с академической историей родного края, но и с мифами и легендами города. Примечательны также авторские маршруты Е. Богдановой.

Особо значимы и онлайн-проекты, в частности телеграм-каналы с афишами и анонсами культурных событий города. Так, мероприятия, привлекающие прогрессивную молодежь города, можно найти на канале урбаниста Э. Карповой «От мертвого до нескучного». В целом более 40 частных просветительских каналов пользуются популярностью в интернет-среде региона.

Можно сказать, что частные инициативы оренбуржцев отличаются актуальностью проблематики, и, что немаловажно, лучшим маркетинговым сопровождением в сравнении с традиционными институтами. Так как охват аудитории подобных мероприятий напрямую зависит от осведомленности населения, инициаторы регулярно и доступно для горожан создают просветительский контент.

Центры народной культуры. В городе успешно работает уникальный театр – «Оренбургский государственный татарский драматический театр им. Мирхайдара Файзи» [Оренбургский государственный..., 2025]. Уникальность данного театра заключается в том, что он является ярким примером взаимодействия и тесной коммуникации разных конфессиональных и этнических групп. Для жителей города театр им. Мирхайдара Файзи является не только центром театральной культуры, но и знаковым местом объединения татарской диаспоры.

Обзор деятельности институтов города, призванных обеспечивать повышение интеллектуального потенциала населения, позволил выделить ряд факторов, так или иначе, препятствующих развитию культурно-образовательной сферы Оренбурга и затрудняющих формирование положительной городской идентичности:

– дефицит финансирования учреждений культуры города;

– недостаточная информированность населения о научных, культурных, творческих событиях города. Большая часть информационных городских каналов сосредоточена на освещении проблем бытового, социального характера, что формирует у оренбуржцев негативный образ городской среды;

– специфика изначального уровня интеллектуального потенциала городского населения. Исторически Оренбург формировался как сельскохозяйственный и индустриальный центр. Население города долгое время прирастало за счет активного притока жителей окрестных населенных пунктов (преимущественно сельских), в большинстве своем неориентированных на повышение интеллектуального и культурного уровня.

Заключение

Рост интеллектуального потенциала городской культурно-образовательной среды, который наблюдается в Оренбурге в последнее время, активное наращивание количества мероприятий, направленных на развитие науки, искусств и творческих индустрий, способствуют консолидации городского сообщества. Деятельность научных, образовательных, культурных институтов и частных инициатив показывает, что интеллектуальный потенциал города является не только ресурсом для его развития, но и основой для создания уникального социокультурного пространства.

Оренбург, обладая разветвленной сетью научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений, демонстрирует высокий уровень научной и инновационной активности. Важную роль в этом процессе играет вовлечение молодежи в научно-исследовательскую деятельность через лаборатории, конференции и образовательные проекты, такие как «Кванториум» и «IT-куб».

Культурная сфера города, представленная музеями, театрами, библиотеками и досуговыми учреждениями, активно способствует формированию общей идентичности жителей. Открытие новых музейных пространств – «Эрмитаж-Евразия» и «М'АРТ», а также проведение международных

фестивалей и выставок подчеркивают значимость Оренбурга как культурного центра. Особого внимания заслуживают частные инициативы, которые, несмотря на ограниченные ресурсы, эффективно популяризируют науку и искусство, используя современные форматы: подкасты, лекции и арт-проекты.

Однако исследование выявило и ряд проблем, включая недостаточную материальную обеспеченность учреждений культуры, низкую информированность населения о культурных событиях и специфику восприятия культурной жизни как сферы развлечений. Эти факторы ограничивают вовлеченность широких слоев населения в интеллектуальную жизнь города.

В заключение можно сказать, что для дальнейшего развития интеллектуального потенциала Оренбурга необходимо усилить взаимодействие между институтами, повысить доступность культурных и образовательных программ и активнее вовлекать жителей в процессы городского развития. Это позволит не только укрепить городскую идентичность оренбуржцев, но и повысить привлекательность города как для его жителей, так и для гостей.

Список литературы

1. Аванесов С.С., Федотова Н.Г. Город: в поисках идентичности. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. – 408 с.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизведимости: избранные эссе. – Москва: Медиум, 1996. – 239 с.
3. Библиотеки // Официальный портал города Оренбурга. – 2025. – URL: <https://orenburg.ru/activity/15772/> (дата обращения 26.05.25).
4. Бобров А.Н. Интеллектуальный потенциал: понятие и основные факторы развития // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 7. – С. 174–179.
5. В Оренбуржье создается Молодёжный театр // Культура Оренбуржья. – 2025. – 27.03. – URL: <https://kultura.orb.ru/news/front/view/id/10589?ysclid=mccw8q1oct700752732> (дата обращения 19.05.2025).
6. Валеева А.Ф., Нураев М.А. Интеллектуальный потенциал современного города: содержание, структура, функции и основные факторы // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 1. – С. 134–137.
7. Денис Паслер вручил награды оренбургским ученым // Официальный портал правительства Оренбургской области. – 2023. – 08.02. – URL: <https://orenburg-gov.ru/news/8693/?ysclid=mc90x76abn624776485> (дата обращения 26.05.25).
8. Газоян А.Г. Гражданская наука как инструмент научной коммуникации: анализ российской практики // НОМОТНЕТИКА. Философия. Социология. Право. – 2020. – Т. 45, № 4. – С. 810–817.
9. Детские музыкальные школы, школы искусств, художественные школы // Официальный портал города Оренбурга. – 2025. – URL: <https://orenburg.ru/activity/15766/> (дата обращения 19.05.2025).
10. Дома и дворцы культуры // Официальный портал города Оренбурга. – 2025. – URL: <https://orenburg.ru/activity/15770/> (дата обращения 19.05.2025).
11. Дягилева Н.С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 54–59.
12. Евстифеев Р.В. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления // Научный результат. Социология и управление. – 2017. – Т. 3, № 2. – URL: https://www.researchgate.net/publication/319015531_ISSLEDOVANIA_LOKALNYH_IDENTICNOSTEJ_TEORETICKESKIE_PODHODY_I_PERSP_EKTIVNYE_NAPRAVLENIA_RESEARCH_OF_LOCAL_IDENTITIES_THEORETICAL_APPROACHES_AND_PERPECTIVE_DIRECTIONS (дата обращения 19.05.2025).
13. Кулакова А.Б. Интеллектуальный потенциал региона: теоретико-методологический подход // Вопросы территориального развития. – 2017. – № 2 (37). – С. 1–7.
14. Леонидова Г.В. Интеллектуальный потенциал населения: теоретико-методологические основы исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 1 (31). – С. 2–71.
15. Музей современного искусства открывают в историческом здании в центре Оренбурга // Вестирама. ру. – 2025. – 22.05. – URL: https://vestirama.ru/novosti/207510-muzej-sovremennoogo-iskusstva-ot.html?ysclid=mccwinq04685921955&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 19.05.2025).
16. Мухамеджанова Н.М., Орлова Е.В., Скопинцева Т.М. Образ города Оренбурга: культурологический анализ: учебное пособие / Оренбургский государственный университет. – Оренбург: ОГУ, 2019. – 148 с.

17. Национальный проект «Образование»: в Оренбуржье создаются центры для развития талантов у детей // Официальный сайт Министерства образования Оренбургской области. – 2023. – 01.09. – URL: <https://minobr.orb.ru/presscenter/news/118796/?ysclid=m7yc1eww48777675821> (дата обращения 14.05.2025).
18. Оренбургская область: рейтинг СМИ // Медиалогия. – 2023. – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/12934/> (дата обращения: 14.05.2025).
19. Оренбургский государственный татарский драматический театр им. М. Файзи // Официальный сайт. – 2025. – URL: <https://faizi.ru/?ysclid=mccwupsbai188926439> (дата обращения 30.05.2025).
20. Оренбургский государственный университет // Официальный сайт. – 2025. – URL: <http://www.osu.ru/doc/46> (дата обращения 14.05.2025).
21. Орлова Е.В. Социокультурное пространство: к определению понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7 (81). – С. 149–152.
22. Орлова Е.В. Социокультурные основания городской идентичности (на примере города Оренбурга) // Манускрипт. – 2018. – № 11–2 (97). – С. 276–279.
23. Официальный портал города Оренбурга. – 2025. – URL: http://orenburg.ru/activities/tselevye_programmy/sotsialnaya_sfера/kultura_i_iskusstvo/MP%20Razvitie%20kultury%20i%20iskusstva_2016-2020.pdf (дата обращения 14.05.2025).
24. Петрулевич И.А. Городская идентичность в ценностной парадигме современного российского общества // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 1–10.
25. Приказ о Реализации на территории МО город Оренбург общественно значимых проектов в рамках проекта Культурный бюджет // Официальный портал Управления по культуре и искусству администрации города Оренбурга. – 2024.–27.09. – URL: <http://uki56.ru/maropriytie.html> (дата обращения 19.05.2025).
26. Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Оренбургской области // Официальный сайт ОГУ. – 2025. – URL: <http://www.osu.ru/doc/2814/?ysclid=m8aa6rgbjg858467815> (дата обращения 14.05.2025).
27. Развитие культуры и искусства в МО город Оренбург // Официальный портал города Оренбурга. – 2024. – 10.10. – URL: <https://orenburg.ru/documents/other/156868/> (дата обращения 26.05.25).
28. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «О Концепции развития творческих (креативных) индустрий РФ и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» // Официальное опубликование правовых актов. – 2021. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109270012> (дата обращения 14.05.25).
29. Театры // Официальный портал города Оренбурга. – 2025. – URL: <https://orenburg.ru/activity/15823/> (дата обращения 19.05.2025).
30. Brooking A. Intellectual Capital. – London; New York: International Thomson Business Press, 1997. – 204 p.
31. Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Identity: Community, Culture, Difference / Rutherford J. (Ed.). – London: Lawrence & Wishart, 1990. – P. 222–237.
32. Kosmitzki C. The implicit use of explicit conceptions of social intelligence // Personality & Individual Differences. – 1993. – Vol. 15. – P. 11–23.
33. Stewart T.A. Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations. – New York; London: Doubleday/Currency, 1997. – 278 p.

THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF A CITY AS A FACTOR OF POSITIVE POPULATION IDENTITY: THE CASE OF ORENBURG

Orlova E.V.

PhD Philos. Sci, Associate Professor Department of Philosophy, Culturology and Sociology; Orenburg State University (Orenburg, Russia); orle-@mail.ru

Pereselkova Z.Yu.

PhD Hist. Sci, Associate Professor Department of Philosophy, Culturology and Sociology; Orenburg State University (Orenburg, Russia); anizz@yandex.ru

Shcheglova M.I.

PhD Philos. Sci., Associate Professor Department of Philosophy, Culturology and Sociology; Orenburg State University (Orenburg, Russia); mashylena@mail.ru

Abstract. The article explores the role of a city's intellectual potential as a key factor in shaping the positive identity of its residents, using Orenburg as a case study. The authors analyze the activities of

Орлова Е.В., Переселкова З.Ю., Щеглова М.И.

Интеллектуальный потенциал города как фактор положительной идентичности населения на примере г. Оренбурга

educational, cultural, and scientific institutions, as well as private initiatives aimed at engaging citizens in the sociocultural space of the city. Special attention is paid to the influence of institutions such as universities, museums, theaters, media, and the internet on the consolidation of the urban community. The study emphasizes that intellectual potential not only contributes to the development of the urban environment but also helps form a unique city image, ultimately strengthening residents' identity. Based on the research, the authors identify key tasks for the city's further development, including increasing public engagement and reducing the outflow of intellectual capital.

Keywords: city; identity; urban identity; intellectual potential; institutions of the city; Orenburg.

For citation: Orlova E.V., Pereselkova Z.Yu., Shcheglova M.I. The intellectual potential of a city as a factor of positive population identity: the case of Orenburg // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 3. – P. 94–108.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.06

УДК [629.331–057.8:0.69]+[316.74:304.4](470.5)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ОСНОВАТЕЛЕЙ И ДИРЕКТОРОВ АВТОТРАНСПОРТНЫХ МУЗЕЕВ КАК ЗАЛОГ СОХРАНЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛА

Прокофьева Алёна Викторовна

Старший преподаватель кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия);

prokofyeva.alena@gmail.com

Лядова Анисья Александровна

Кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и ландшафтной экологии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия);
geografizpermi@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности профессиональной идентичности основателей и директоров автотранспортных музеев Урала, выделенные на основе проведенных глубинных интервью. Руководители автотранспортных музеев по смыслу, вкладываемому в деятельность музея, разделены на три типа. Типы различаются по наличию профильных знаний автопромышленных технологий, их обусловленностью биографией респондентов, а также заинтересованностью последних в развитии предприятия и территории. Необходимость сохранения автотранспортного наследия для руководителей этих музеев определяется различными фактами, что влияет на выбор стратегий работы музеев. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в ходе разработки государственной политики в сфере культуры и сохранения технического наследия России.

Ключевые слова: автомобильный музей; социология культуры; профессиональная идентичность; промышленное наследие; Россия; Уральский регион.

Для цитирования: Прокофьева А.В., Лядова А.А. Профессиональная идентичность директоров и основателей автотранспортных музеев как залог сохранения промышленного наследия Урала // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 109–130.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.07

Рукопись поступила 06.07.2025.

Принята к печати 24.07.2025.

Введение

Начиная с 2000-х годов в России увеличивается количество музеев различной дорожной техники [Лядова, 2023, с. 111], что отражает общую тенденцию растущего интереса населения к техническому наследию (с 2014 г. почти в 2 раза выросло число россиян, интересующихся техническими музеями) [Пошли в музей?, 2024]. Хотя данные музеи чаще являются лишь учреждениями музейного типа¹ [Юренева, 2024б, с. 22], тем не менее они выполняют важную функцию по сохранению и популяризации наследия автотранспортного комплекса (автопрома) СССР и России.

В 2024 г. советскому автопрому исполнилось 100 лет. Первые автомобили начали выпускать на предприятии «Руссо-Балт» (г. Рига), а первый музей создали в 1930-е годы в Москве [Карасев, 2023, с. 21]. Наследие советского периода и первого десятилетия российского автопрома вызывает у аудитории особый интерес. Сохранение наследия инженеров, конструкторов и ученых, внесших значительный вклад в отечественное научно-технологическое развитие, также вошло в перечень поручений Президента РФ в 2025 г. [Перечень поручений..., 2025].

В результате эвакуации предприятий из западных районов СССР в Уральский экономический район (далее УЭР или Урал) в период Великой Отечественной войны в нем появилось множество новых отраслей специализации, в том числе производство различных автомобилей (Миасс, Ижевск, Курган), мотоциклов (Ирбит) и смежных изделий². В настоящий момент Урал является одним из главных центров автомобилестроения в России, а после Центрального экономического района здесь размещается наибольшее количество автотранспортных музеев (АТМ) [Автотранспортные музеи Урала..., 2024, с. 96]. Плодотворная деятельность по сохранению промышленного

¹ Учреждение музейного типа, согласно Т.Ю. Юреневой, это организация, не соответствующая определению музея в российском законодательстве и дефиниции Международного совета музеев (ИКОМ), но выполняющая отдельные функции музея и практикующая некоторые свойственные музеям виды деятельности.

² В Ижевске серийное производство мотоциклов развивалось до начала ВОВ.

наследия ведется в Свердловской области¹. На Урале создано национальное представительство Международного комитета по сохранению промышленного наследия [Запарий, 2019, с. 44–48], а также музейный комплекс УГМК (г. Верхняя Пышма). В остальных уральских центрах сохранение и развитие промышленного наследия (особенно автотранспортного наследия) остается делом энтузиастов.

Теоретическая база и метод исследования

Основой для рассмотрения идентичности директоров АТМ Урала стал концепт «beruf»² в части рефлексии сферы собственной профессиональной деятельности как «призыва» [Вебер, 1990, с. 96]. Сохранение автотранспортного наследия воспринимается основателями АТМ как нравственная задача, на первый взгляд обусловленная, в отличие от протестантов, светским, а не религиозным мотивом. Однако этот мотив базируется на вере в научно-технический прогресс и технократизм, одной из центральных характеристик ИТР-дискурса³ (ИТР – инженерно-технические работники) [Липовецкий, 2010, с. 213]. Накопленный культурный и социальный капитал [Бурдье, 2002, с. 60–67] основателей АТМ выступает существенной детерминантой возникновения музея. Значимым для понимания мотивации ряда руководителей АТМ оказался анализ «теории упущенного шанса»⁴, распространенной среди ностальгирующей части научно-технической интеллигенции [Абрамов, 2017, с. 63]. Ностальгия по ушедшей эпохе успехов советского автопрома приобретает форму музеификации его наследия. Ключевым в интерпретации мотивов основателей и директоров АТМ, многие из которых работали или работают в сфере автопрома, является профессиональная идентичность – самоотождествление себя с другими представителями профессиональной среды, формируемое в результате профессионального самоопределения, самореализации в профессиональной деятельности, освоения профессиональных норм и ценностей, эффективного взаимодействия между членами профессионального сообщества и создания общего этоса профессии. В формировании профессиональной идентичности участвуют такие средства профессиональной деятельности, как умения, навыки и компетенции (культурный капитал), сформированные со-

¹ В том числе создание индустриального парка в г. Нижний Тагил, сохранение памятников промышленной архитектуры, проведение научных конференций, издание учебно-методической литературы и пр.

² Beruf – понятие М. Вебера, введенное им в работе «Протестантская этика и дух капитализма», обозначающее одновременно призвание и профессию, т.е. признание того, что мирские занятия, в данном случае профессия, имеют сакральное значение божественного призыва (согласно протестантизму Бог призывает человека к служению, достижению определенной цели в жизни).

³ ИТР-дискурс – концепция М. Липовецкого, описывающая форму группового знания инженерно-технических работников, сформировавшуюся наряду с другими дискурсами в 1960–1970-х годов в СССР. Для данной формы знания характерны технократизм мышления, позитивистская вера в разум, науку и прогресс, что соответствует идеологическому проекту Просвещения. – Прим. ред.

⁴ «Теория упущенного шанса», согласно Р.Н. Абрамову, – группа идеологических концептов и мифов, характерных для постсоветской научно-технической интеллигенции, «пережившей травму быстрого сжатия своих профессиональных отраслей». Данная теория способствует «созданию множества нарративов, специфических для отдельных профессиональных групп и сообществ, которые с ее помощью описывают причины неудач и отставания той или иной отрасли науки или промышленности СССР» [Абрамов, 2017].

циальные и эмоциональные связи с другими представителями профессии (социальный капитал). Тесно связана с профессиональной и корпоративной идентичностью – самоотождествление сотрудника с организацией, сыгравшее ключевую роль в формировании мотивации директоров АТМ, по своему образованию не связанных со сферой автопрома. Значимую роль играет и территориальная идентичность, что подтверждает тезис о взаимном влиянии материальных и нематериальных элементов промышленного наследия на самоидентификацию местных сообществ [Новаковская, Вальчак, 2021, с. 103].

Исследование базируется на анализе глубинных полуструктурированных интервью с директорами девяти АТМ Урала с опорой на принципы обоснованной теории А. Страусса и Б. Глейзера. Данные об информантах приводятся в таблице 1 ниже¹.

Таблица 1

Данные об основателях и директорах АТМ*

№ интервью (И – далее по тексту)	Пол	Статус**	Время работы в музее, лет
1	М	О и Д	8
2	Ж	Д	2
3	М	О и Д	8
4	Ж	Д	неизвестно
5	М	О и Д	2
6	М	О и Д	11
7	М	О и Д	8
8	М	О и Д	6
9	М	О и Д	21

* Составлено авторами по данным интервью.

** Статус: О – основатель /Д – директор.

Вопросы интервью относились к пяти блокам: биография руководителя АТМ; история появления и развития АТМ; взаимодействие АТМ с региональными и муниципальными органами власти, государственными учреждениями, коммерческими и некоммерческими организациями; отношение к АТМ как части технического наследия; проблемы АТМ и возможные стратегии действия.

Типы руководителей автотранспортных музеев

В результате анализа интервью были выделены три типа директоров и основателей музеев. Характеристика типов проводилась в соответствии с критериями: причины (мотив) создания музея, особенности культурного и социального капитала руководителя, формируемые в процессе профессионального становления или в ходе работы на предприятии (корпоративная идентичность). Мотив создания именно технического музея у первых двух типов связан с профессиональным самоопределением и автопромом как сферой профессиональной деятельности, профессиональная идентичность третьего типа влияет скорее на избираемые форматы музейной деятельности.

¹ Далее по тексту статьи цитаты информантов приводятся курсивом с указанием в скобках номера интервью.

I. Хранители автотранспортного наследия. К данному типу относятся директора следующих АТМ: Ижевский мотомузей Кожушковых, Ирбитский государственный музей мотоциклов, Музей «МотоЭпоха», Пермский автомобильный музей «Ретро-гараж» (ПАМ «Ретро-гараж»).

Причина создания музея – сформированная в детстве и повлиявшая на профессиональную и жизненную траекторию вовлеченность в сферу строительства и ремонта автомобилей, автогоночный спорт.

Машины мне с детства покоя не давали, они мне снились по ночам... ночные поездки на хлебовозе... я в институте уже много гонками занимался (И1).

Увидел журналы и кружок юного техника... там печатались чертежи... начал по чертежам что-то создавать... в лет 9–10 я мог взрослым мужикам оказать помощь в ремонте мотоциклов... от этого пошла страсть (И3).

Мы открыли в память о моем отце, его хобби было коллекционирование и реставрация мотоциклов собственными руками... любовь с детства была к мотокультуре и вообще к технике (И5).

Подобный мотив у директоров музеев советской эпохи обусловлен тем, что предметы экспозиции связаны со счастливыми воспоминаниями о детстве и юности [Морозов, Слепцова, 2020, с. 201] и отражают ностальгическую ориентацию инженерно-технических работников.

Опыт в сфере автотранспортного производства способствовал:

• формированию социального капитала в отрасли, участию в развитии профессионального сообщества: *сугуба такая интересная была. Во-первых, я всегда на гонках был, во-вторых, эти связи, контакты, сам погоняться успел много где, и Европа вся, и Африка (И1).* Советская система вовлечения ИТР в усовершенствование процессов производства способствовала формированию этого социального капитала на Урале. В Пермской области и Удмуртской АССР на это повлияли открытие технических вузов и общественных конструкторских бюро, командировки / стажировки на смежные и родственные отечественные и зарубежные предприятия, хоздоговорные отношения между промышленными предприятиями и научно-исследовательскими организациями и т.п. [Порозов, 2021, с. 49]. *Проработал на заводе более 30 лет, в отделе главного конструктора – более 6. Водитель мотоцикла – первая запись в трудовой книжке. Работал, техникум закончил (И9);*

• поддержке инициативы по созданию АТМ среди сообщества автолюбителей, коллег или друзей:

большая группа друзей начали кататься на этой технике... многие ни разу не садились на технику, от мопедов до мотороллеров... они: у тебя целый музей, давай музей. Спустя полгода мне привезли в подарок четыре ветки мотоцикла: «Это тебе в музей хороший подарок» (И3).

В этом смысле они являются «народными» директорами, которые защищают автотранспортное наследие страны и выражают интересы сообщества: *деньги давали предприниматели – мои*

друзья: бывшие гонщики, болельщики, ветераны мотоспорта и прочее. Я ходил с шапкой по кругу. Кто сколько даст (И9).

Социальный капитал важно рассмотреть также в плоскости взаимодействия с региональными и муниципальными органами власти, культурными и коммерческими организациями.

Взаимодействие всех АТМ с органами власти имеет неоднозначный характер. С одной стороны, музеи стремятся показать чиновникам свою коллекцию и перспективность развития:

...министр культуры... здесь были, министр туризма... Губернатора, единственное, затащить сюда никак не получалось... (И1).

Был министр культуры, министр образования (И3).

Кроме того при планировании своей деятельности они ориентируются на решения региональной и муниципальной власти:

Власти решили в этом помещении создать филиал Музея блокады... Мы пытались встремиться, но нас не услышали. В результате мы с Ленинградом работаем, а региональная власть эту тему как-то забыла и всячески хоронит (И1);

Мы хотим быть полезными, но пока конкретных предложений не поступало (И3).

Власти субъекта Федерации и муниципалитета могут достаточно активно участвовать в случае национализации автотранспортного наследия. Вероятно, это зависит от ситуации в стране. К тому же дальнейшие планы властей по развитию АТМ могут остаться несформулированными или отличаться от видения основателей музеев. Поэтому в целом ряде случаев взаимодействие с органами власти оставляет у директоров музеев достаточно негативное впечатление в силу отсутствия системности в музейной и культурной политике, а также отсутствия реальной поддержки:

У региональных властей за период реализации планы меняются настолько сильно, что мы в одиночку вынуждены эти проекты заканчивать (И1).

Было бы неплохо рекомендовать со стороны руководства Министерства образования посещение музеев, но этого не произошло... как минимум созданным, готовым власть должна пользоваться. Не хотят. От органов власти никакой поддержки не было (И3).

Часто взаимодействие ограничивается поддержкой через официальные туристические ресурсы субъектов Урала благодаря работе с Центрами по развитию туризма или туристско-информационными центрами (ТИЦ):

Центр проектного развития... занимается продвижением туризма, в том числе промышленного (И3);

Взаимодействие с правительством у нас было в рамках туристического акселератора, чтобы откатать музейную модель, проработать экономическую составляющую музея, небольшую маркетинговую поддержку и финансирование на разработку сайта... взаимодействуем с министерством туризма... принимаю участие в аттестационной комиссии экскурсоводов... (И5).

С коммерческими туристическими компаниями настроить отношения удается не всегда из-за положения музеев за пределами исторического ядра города, сложности с транспортной инфраструктурой, необходимости специальной подготовки турфирм в силу специфической тематики музеев:

Проводили кучу встреч с руководством. После встречи экскурсии может 2–3. Мы уж какие только экономические модели им не предлагали... Ни в какую (И1).

Директора и основатели АТМ в разной степени знакомы друг с другом, часть из них активно взаимодействует в основном на выездных мероприятиях за пределами района (Москва, Казань, Санкт-Петербург), интересуются опытом коллег-соседей:

Нам Яндекс-карты наклейки на входные двери выдали «Хорошее место»... про нас знают автомобильные музеи Питера, в феврале после конференции к нам приехали представители Музея транспорта Москвы. С Екатеринбургом: к нам все автопробеги заезжают, два музея автотранспортных. Из Тюмени часто бывают... Музей Ижевского автозавода, Ижевский мотомузей Кожушковых. Уфа тоже (И1).

Мы были участниками ретро-фестиваля в городе Казань, в Санкт-Петербурге были на крупном мотофоруме... Основываясь на опыте соседних регионов... исследуем практику, когда Министерство выделяет помещение (И5).

Однако из-за несистемного и фрагментарного взаимодействия представителей АТМ у директоров не складывается профессиональной ассоциации, которая могла бы лоббировать их интересы, не возникает музейной сети, в рамках которой они оказывали бы друг другу информационную и экспертную поддержку.

АТМ формируют тесные связи с ретро-клубами, клубами автомобилистов и мотоцилистов, моделистами, реконструкторами:

В основном сообщества таких же. Мы приезжаем на День Шахтёра, научились встрианиваться в профессиональные праздники. День Металлурга – мы туда на 10 машинах, а там 20 местных собирается, только свистни (И1).

Загородный клуб... на поляне воссоздали крепость... проводят реконструкции от рыцарских турниров до времен Великой Отечественной (И3).

Встреча ветеранов-старинщиков на Ирбитском байкслете... проводим программу отдельно... мощный, а не просто выезд покатушки, покатался и все (И9).

Таким образом АТМ выступает связующим звеном («мостом» между А и В¹) [Грановеттер, 2009, с. 35], между организациями и сообществами, которые специализируются не только на авто-

¹ Мост, согласно М. Грановеттеру, – это слабая связь, которая соединяет две группы индивидов, объединенных сильными связями, обеспечивая группам более широкий доступ к знаниям, опыту и другим ресурсам.

проме и его наследии, соединяя организации, которые, вероятно, не пересеклись бы при иных условиях.

Тесные связи формируются и через сотрудничество директоров АТМ со специализированными автомобильными изданиями¹, в которых освещаются история авто- и мотоспорта, развития автопрома и жизнь самих музеев:

Меня назначили, так как я уже был известен в отделе техники исторической, писал в журналы «Мото» об истории, о мотоспорте (И9).

Я прекрасно понимаю, как сделать ее самой крупной коллекцией мини-мотоциклов в мире... это значимо, как минимум... в Москве, оценят это и многие любители не только мотоциклов, а вообще техники... Московские журналы писали дважды... «Мото», самый массовый мотоциклетный журнал (ИЗ).

Значительную долю социального капитала АТМ составляют связи с местными культурными и образовательными организациями (музеи, архивы, музыкальные коллективы, школы, ссузы и вузы). Они позволяют актуализировать музейное наследие для современного посетителя, обогатить и разнообразить музейное пространство новыми форматами и выставками, историческими данными о городе размещения АТМ, результатами проведенных исследований. В том числе со школами, с интернатами (ИЗ); со средними школами, инженерными... у них есть специфика учебного процесса. Школа с глубоким изучением предмета «Технология»... на этих стенах ролл апа, мы их в школу отдаём, преподаватели истории сами занятия проводят... с ВШЭ Санкт-Петербурга один из первых грантов был (И1).

Средний бизнес в первую очередь выступает в качестве информационного партнера:

Не раз был начальник государственного подразделения Почты России... живой интерес, потому что у нас есть единственный экземпляр мопеда, почтовый экспонат²... Выпустила Почта России две открытки, посвященных этому экземпляру мопеда для почтальонов (ИЗ);

У нас есть ресторан... Мы открыто рекомендуем, если люди спрашивают про гастрономическую составляющую. А рекомендуют нас как культурный досуг, как технический музей (И5).

Отчасти он оказывает финансовую помощь с ремонтом, организацией поездок:

Пытаемся и с промышленными предприятиями контактировать (И1).

У нас есть частный завод... помогают нам финансами, продвижением, изготовлением деталей (ИЗ).

Сейчас же мода стала. Появились лишние деньги у предпринимателей – лучшее вложение в ретромехнику (И9).

¹ Журналы «Автомир», «Авторынок», «Мото».

² Специальная серия почтовых мопедов, созданных для помощи женщинам-почтальонам после ВОВ.

Крупный бизнес зачастую не оказывает помощь АТМ, за исключением проекта одного из музеев в сотрудничестве с государственным учреждением культуры и ОАО «РЖД»: *с железной дорогой так глубоко, как мы, никто не дружит... автомобильные тусовщики отдельно, железнодорожные – у них свои клубы по интересам... в лице нас и автомобили, и железная дорога с паровозом, с историческим составом, еще с губернским оркестром* (И1).

Резюмируя особенности типа «хранителей автотранспортного наследия», стоит отметить, что большинство из них находятся в предпенсионном и пенсионном возрасте. Тем не менее они активно строят планы на будущее и формулируют предложения, которые не всегда находят отклик у представителей региональной и муниципальной власти. Несмотря на то, что сохранение автотранспортного наследия рассматривается как призвание и нравственный долг, они трезво оценивают ситуацию в отношении ресурсов и возможностей, активно действуют для формирования прочного фундамента дальнейшей работы музея и создают множественные горизонтальные связи. Однако им необходимо показывать свои идеи и проекты на федеральном уровне (участие во всероссийских форумах, создание сообщества), где бы они выдвигали идеи, объединяющие усилия подобных музеев.

II. Энтузиасты технологий автопрома. Данный тип представлен директорами Музея ретромотоциклов Я. Кузнецова, Музея классических ретроавтомобилей Ets Classic Cars и НКО «Пожарная техника всегда в строю».

Мотивы создания музея у данного типа следующие.

1. Яркость впечатлений от посещений зарубежных и отечественных АТМ или угрозы потери важного экземпляра:

В Вене есть музей автомобилей, мотоциклов. Меня очень удивило, там сидят ребятишки лет 6–9 с мольбертами и рисуют мотоциклы (И6);

Экспонаты стоят у нас в УГМК (И7);

Я увидел, как сдают в металлолом старую пожарную машину, и задался вопросом, почему бы их не сохранить для истории... чтобы не заплакать, я просто ушел (И8).

2. Связь основателей с профессиональной сферой, которая также является источником финансирования деятельности АТМ, который при этом не рассматривается как источник дохода.

Мне как инженеру интересны все технологические, конструкторские решения... Я занимаюсь в последние 25 лет автобизнесом (И6).

Когда-то я восстановливал автомобили различного рода (И7).

Я служил в пожарной охране... работал, выйдя на пенсию... Когда у нас был первый слет коллекционеров и мастеров, у меня в сквере его проводили... Коллекция (моделей пожарной техники) занесена в книгу рекордов России (И8).

По сути у данного типа культурный капитал в его инкорпорированном состоянии (компетенции в ремонте техники) переходит в объективированное – коллекция. Для данного типа не имеет значения историко-географическая специфика автотранспортного наследия, так как нет избирательности в критериях страны происхождения экспонатов, времени создания. Исключением является музей «Пожарная техника всегда в строю»: *я думал сохранить старые пожарные машины для истории*. Зачастую они позиционируют свой музей как коллекцию: *Я не позиционирую себя как музей, это просто моя коллекция... Это мой интимный уголок* (И6); *Мы сами по себе* (И7).

3. Основной интерес связан с общением с единомышленниками:

Есть наши авто-ретро клубы... я в нем состоял всегда... Сюда приезжают друзья, знакомые... очень много приезжало байкеров, даже иностранцы, американцы, французы... заезжали поговорить о наших байкерских делах (И6).

Мы взаимодействовали в семи клубах... между друг другом, как друзья, товарищи, мы все очень сильно дружим. Замечательно общаемся и посещаем выставки и мероприятия. Например, ко Дню города (И7).

У директора НКО «Пожарная техника всегда в строю» общение основывалось на работе с сослуживцами, что после выхода на пенсию привело к закрытию АТМ. Отмеченная информантами роль автомобильного сообщества в основании и развитии музеев указывает на их функционирование в качестве «ресурсов коллективной мобилизации, источника формирования групповой идентичности» [Кононенко, 2010, с. 10]. Клубы автолюбителей выполняют функцию коммуникации (в нашем исследовании, внутри сообщества и с внешними акторами, например различными органами власти) и накопления социального капитала посредством участия в культурной жизни горожан, побуждая участников к коллективным действиям.

Особенности социального капитала директоров данного типа:

– взаимодействие (на уровне отдельных мероприятий, без возмещения расходов на участие) с органами власти субъектов и муниципалитетов идет скорее через ассоциации автолюбителей и клубы: *с органами власти общаются представители нашего клуба, с управлением культурой...* *Это клубная работа, не моя* (И6);

– они выполняют функции, связанные с просвещением населения, но эта работа не является системной, поэтому не возникает долгосрочного сотрудничества с другими акторами (образовательными и культурными учреждениями). Единственным музеем, который не смог выстроить взаимодействие с региональным и муниципальными властями и различными организациями и учреждениями, стал НКО «Пожарная техника всегда в строю». Вся деятельность (образовательные занятия по пожарной безопасности и реставрация техники) велась из собственных средств. Этому также способствовало отсутствие стремления рассказать о местном техническом наследии и полноценно заниматься им, поэтому не получилось привлечь сторонников и спонсоров. Это произошло

ло в силу недостатка компетенций в музейно-выставочной деятельности, фандрайзинге, продвижении. Фокус делался только на пожарной технике и ее реставрации без учета истории местного автопрома.

Все представленные выше особенности директоров объясняются их работой в сфере технического обслуживания и ремонта дорожной техники. Вышеупомянутое как значимое жизненное увлечение сближает их с директорами первого типа, однако призванием становится не само сохранение автотранспортного наследия, а реставрационная деятельность. Это приводит к идентификации себя как коллекционера, большей ориентированности на тесное взаимодействие с клубами автолюбителей и слабой заинтересованности во взаимодействии с властями как АТМ, а также в получении дохода от его посещений.

III. «Идейные» управляющие. Данный тип представлен директорами Заводского музея истории Ижевского автозавода и Музея истории автомобилестроителей АО «АЗ «УРАЛ». Создание музеев не входит в компетенции данных директоров, поэтому для данного типа выделены следующие особенности их профессиональной и корпоративной идентичности:

1. Часть директоров нанимаются благодаря компетенциям в музейной и экскурсионной деятельности, рекламе и PR: *Я ранее работала в других музеях... я телевизионщик, 20 лет проработала в СМИ. Я знала, что когда-то я буду экскурсоводом, пойду работать в музей* (И2). *Работала на Ижевском автозаводе в качестве переводчика 10 лет... развивался проект сотрудничества с Nissan* (И4).

В отличие от первых двух типов у них отсутствуют профильные знания в автомобилестроении или их ремонте.

2. Профессиональный опыт обуславливает выбор других форматов мероприятий и продвижения через развитие множества культурных функций:

...музей должен шире выполнять свои задачи. Я хочу в наш музей заманить всех творческих людей. Есть мысль – создать клуб амбассадоров, медиашколу, в которую будут набирать пишущих, талантливых ребят, с которыми позанимаются тренеры, преподаватели на площадке нашего музея... чтобы в нашем музее проходили небольшие концерты, музыкальные вечера и танцевальные... Можно подвесить цирковое оборудование... Нестандартная форма – это иммерсивное представление, которое имеет элемент театрализации. Мы сделали фото- и видеореконструкцию, пригласили духовой оркестр, создали атмосферу, имитируя XV съезд ВКП(б), собрание партийной ячейки... Еще хор поставить, оркестр посадить, потанцевать, поставить елку на Новый год... в музыкальный колледж Миасский я позвонила. Это привлечет еще больше молодежи (И2).

Ориентация директоров музея на расширение форматов мероприятий с другими культурными организациями соответствует постиндустриальной парадигме музеификации промышленного наследия, которая предполагает «создание особых видов городских пространств, использующих

культурный ресурс (индустриальное наследие) для разностороннего развития территории» [Кузовенкова, 2015, с. 10]. В музейной практике данная парадигма реализуется через связку «музей индустриального наследия – культурное событие (фестивали в том числе научные, выставки современного искусства, театральные представления, концерты, просветительские и образовательные проекты – лекции и школы дизайна и креативных индустрий)» [Кузовенкова, 2015].

3. Позиционирование предприятия – главная задача, поставленная перед директорами, поэтому они выбираются из числа людей с компетенциями в области рекламы и PR, медиапропаганды и т.п. Корпоративные ATM создают собственные формы привлечения туристов: автомобильный туризм и тематические мероприятия (ралли, автомобильные гонки), связанные с автомобильной техникой, гармонично включаясь в маркетинговую стратегию автопроизводителей. Кроме узнаваемости брендов, создания репутации и увеличения продаж предприятий, музеи при автомобильных компаниях приносят дополнительную прибыль [Michnicka, Kołodziejczyk, 2022, с. 130, 150]. В сравнении с первым типом, для которых также характерно стремление к разнообразию форматов мероприятий, для третьего типа это хоть и обусловлено профессиональным бэкграундом, но жестко регламентируется целью позиционирования предприятия. Если компания-учредитель ATM производит автомобили не для повседневного использования, задача музея состоит в улучшении социального имиджа предприятия и демонстрации его значимости для развития территории:

...важно людям показывать лицо завода, музей – это лицо завода, то самое окно, которое дает представление о работодателе, прошлом и будущем предприятия... Не все сегодня могут зайти на завод, посмотреть... мы формируем у людей положительный имидж. Сегодня потребность в таких музеях, чтобы нести бренд работодателя, заниматься профориентационной работой, привлекать кадры на завод (И2).

4. Вовлеченность в изучение содержания наследия предприятия, несмотря на отсутствие технического образования, ведет к погружению в историю автопрома:

Впервые я ощущала вклад тыловиков в исход ВОВ, их подвиг. Сейчас я понимаю, насколько мощны войны влияют на развитие экономики и на развитие целых стран. Мы это видим по развитию автомобилестроения (И2);

Экскурсия в музей автотранспорта – это урок истории, которую можно потрогать руками... хорошо знаю историю предприятия, всегда интересовалась ею... очень много читала про автопром в целом (И4).

В сочетании с желанием показать значимость музея как часть наследия их предприятия и территории это делает из них «идейных» управляющих: *ощущаю себя, как человек, который рожден для этого музея (И4).*

Характерная для данного типа сильная территориальная и корпоративная идентичность ориентирует на работу с нематериальной составляющей индустриального наследия (воспоминания, социальная жизнь трудовых сообществ), управление идентичностью местного населения, культурную преемственность, тогда как их культурный и социальный капитал, связанный с музеинм делом, PR, организацией культурных событий, способствует активному расширению музейных форматов.

Условия сохранения автотранспортного наследия

Опираясь на метод осевого кодирования обоснованной теории [Страусс, Корбин, 2001, с. 83–89] отметим, что движущей идеей (призванием) всех руководителей АТМ (с некоторыми отличиями) является «необходимость сохранения автотранспортного наследия» (феномен¹). В качестве каузальных условий, то есть событий, ведущих к осознанию этой необходимости можно выделить несколько:

1. Любовь и уважение к автотранспортному предприятию как к месту работы:

Завод был мощный... я проработал более четверти века в отделе главного конструктора, был в качестве испытателя и закончил руководителем одного из производственных подразделений... приватизаторы стали дела делать, у них появилось желание продать коллекцию мотоциклов... когда я узнал об этом, я поднял волну (И9);

Работала на нашем прекрасном предприятии 10 лет. Строила свою карьеру здесь... завод стал родным домом, поэтому свою любовь к предприятию оказалось легко транслировать гостям музея: детям, студентам, взрослым гостям (И4).

2. Детские впечатления, увлечение техникой и конструированием в семейном или близком окружении, которые определяли сферу деятельности (авто-, мотоспорт, автобизнес):

Среда сформировала все мое будущее целиком... Я очень удачно родился на той улице, где практически в каждом доме жил и работал водитель (И1).

Я с детства увлекался мототехникой, мастерил руками. Рано начал ездить, во взрослом возрасте уже захотелось почему-то собрать то, чего касались руки в детстве. Что-то из металломолма, что-то купил на авто, восстановил все (И2).

У меня дед был потрясающе технически грамотный человек, папа тоже... сама любовь к мотоциклам, к философии мотоциклетных путешествий у меня с детства... У меня были свои мотоциклы, и я всячески поддерживал папино коллекционирование (И5).

¹ Феномен в обоснованной теории – это объект, который анализируется с помощью процедур кодирования качественных данных (в данном случае транскриптов интервью). Он обозначает «центральную идею, событие, случай, в связи с которым и для управления которым предпринимается ряд действий или взаимодействий» [Страусс, Корбин, 2001, с. 84].

Взрослые впечатления связаны с посещением других АТМ (*сподвигли меня маленькие дети с мольбертами, которые рисовали мотоциклы в городе Вена (И6)*), а увлечения – с реставрацией (*когда-то я восстанавливал автомобили различного рода, некоторые из экспонатов стоят у нас в УГМК (И7)*), которые подкрепляются через взаимодействие с клубами любителей дорожной ретротехники, сообществами коллекционеров или обычным коллекционированием (*сначала была коллекция моделей. Потом ребята сказали, что ты переходишь с маленьких на большие (И8)*).

3. Работа с культурным наследием в связанный сфере (СМИ и туризм):

Мы приезжали в муниципалитет, освещали культурные достопримечательности, исторические, ландшафтные памятники природы. Я видела, как красив наш край, и всегда очень сожалела, что этого не знают и не видят другие люди... это впечатляет, история техники, конструкторские разработки (И2).

Поскольку необходимость сохранения наследия в исследуемых случаях приобрела форму создания музея, важно также указать на контекст, т.е. на ряд свойств феномена и ряд условий, в рамках которых принимаются определенные стратегии действия. К контексту можно отнести следующее:

А. Время создания музеев. АТМ Урала появились в разное время (рис. 1, раздел легенды «Период создания»), условно можно выделить три периода. (I) Первые музеи (1960–1980-е годы) при автопроизводителях появились благодаря деятельности главных инженеров или ветеранов производства [Колесникова, 2024, с. 12]. Музею отводилась роль воспитателя молодежи на примерах старших товарищей, а функция сохранения наследия была встроена в формирование трудовой этики и поддержку творческих начинаний молодых. (II) В 2000-е годы создание музея прекращало расхищение наследия предприятий (продажа коллекций экспериментальной техники, коллекций иностранной техники). (III) В 2010–2025 гг. – сохранение наследия с учетом местной специфики в условиях экономического подъема и наличия средств и возможностей для превращения своего увлечения автотранспортным наследием в музей или выставку коллекции.

Б. Промышленная специализация города (автомобильная или смежная) в прошлом или в настоящем – создает потенциал для основания АТМ благодаря наличию материальных (экспонаты) и нематериальных (традиции профессиональных праздников, архивы истории создания и развития производства, их отражение в массовой печати и др.) элементов автотранспортного наследия, специалистов в данной области и сети их профессиональных контактов, специализированных образовательных учреждений (рис. 1, раздел легенды «Населенные пункты»):

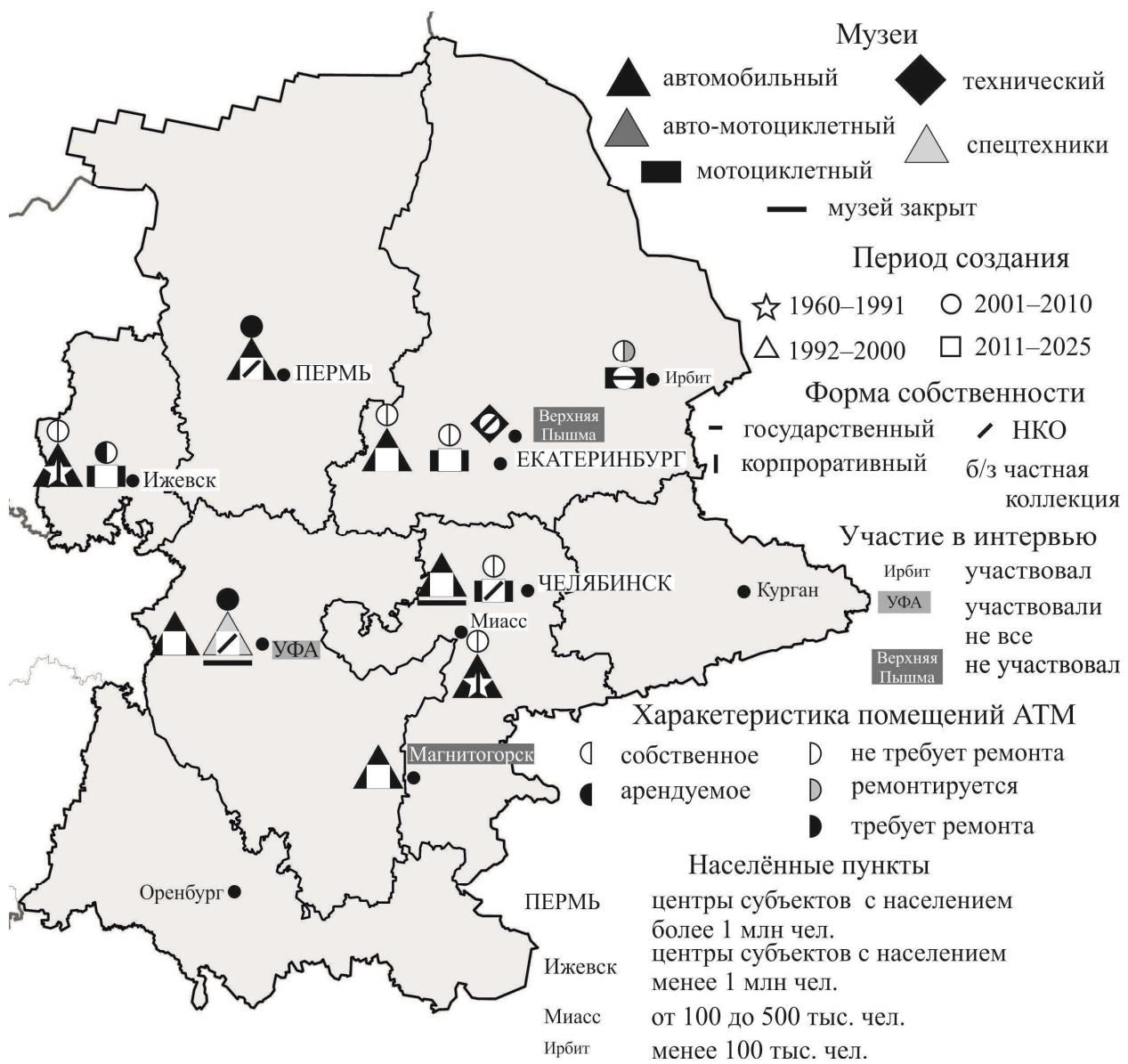

Рис. 1. Автотранспортные музеи УЭР*

* Источник: составлено авторами по результатам исследования

...хорошая инвестиция... если у вас есть музей, то это что значит?.. если огромный классный, то это возможность предприятия вкладывать в свою историю. А кто должен заниматься вашей историей? Только само предприятие (И2);

Стали давить на хозяев... губернатор встал на мою сторону... Написал мне письмо. Председатель Правительства области: «Как так?» А ему из ФСБ написали «разобраться надо срочно»... нашли компромиссное решение с хозяином завода... (И9).

Важной чертой специализации городов и субъектов РФ является тема эвакуации предприятий на Урал:

Трактора воевали в войну. Тушили Чернобыль... Поднимали экономику страны после войны... Почему не сделать трактор в масштабах государства значимым?.. Но это забыто. Государство отделено. Если не хватает у лидеров на эти вещи внимания, я считаю, что государство

от этого только теряет. Частники не могут в таких масштабах создать... Это все большая история (ИЗ).

В. Тип экспозиции. Сложность и длительность создания музея определяется типом транспортных средств, составляющих основу коллекции (мало- и крупногабаритные), затратами на реставрацию, включением в экспозицию исторического контекста, демонстрациями экспонатов от других коллекционеров. Среди рассматриваемых музеев наблюдается разнообразие состава экспозиций (история автопрома, спецтехника, тематические музеи) и направлений их работы (когда кроме экспозиции моделей есть демонстрация процесса реставрации, а также предметов быта советского периода). Поскольку некоторые виды дорожной техники менее масштабны, чем другие, то специализирующимся на них музеям легче организовывать хранение, экспонирование и реставрацию (рис. 1, раздел легенды «Музеи»).

Г. Тип помещения. Наличие в собственности у основателя музея или аренда на выгодных условиях помещения, соответствующего требованиям для размещения коллекции (в аварийном / неаварийном состоянии, достаточно места или нет), значительно упрощает создание АТМ. Аренда помещения выступает заметной статьей расходов музея, существующего зачастую на средства основателя. Аварийное состояние арендуемых помещений выступает препятствием для приема посетителей, получения соответствующих документов на ведение музейной деятельности и охраны ценных экспонатов. Даже в относительно благополучных случаях АТМ могут жаловаться на недостаток помещений в случае, если у них есть долгосрочные планы на расширение экспозиции (рис. 1, раздел легенды «Характеристика помещений АТМ»).

Д. Организационная форма. Процесс основания музея зависел от вовлеченности в его создание профильных предприятий или органов власти. Если музей основан исключительно по инициативе энтузиаста, он встает перед необходимостью регистрации в качестве НКО или частного учреждения культуры. Рассматриваемые музеи являются главным образом частными коллекциями, но только два из них имеют статус НКО. Также два музея являются корпоративными или различными подразделениями компаний (АО Автомобильный завод «УРАЛ», АО Иж-Лада). Отличительная особенность Урала заключается в том, что здесь, в г. Ирбите, находится единственный в стране государственный музей мотоциклов. Так как он не выполняет функции корпоративного музея при действующем производстве (ООО Ирбитский мотоциклетный завод), последнее не участвует в его поддержании (рис. 1, раздел легенды «Форма собственности»).

Е. Источники финансирования. Практически все корпоративные музеи имеют стабильные источники финансирования в лице своих предприятий (Музей истории Ижевского автозавода, Музей истории АО Автомобильный завод «УРАЛ»), государственные – в лице государственного бюджета (Ирбитский государственный музей мотоциклов). Остальные являются структурами, которые не всегда приносят доход, но финансируются из средств бизнеса основателя музея (Ижев-

ский мотомузей Кожушковых, Музей Ретро-ГаражЪ, Музей «МотоЭпоха», Музей ретромотоциклов Я. Кузнецова, «Пожарная техника всегда в строю», Музей классических ретроавтомобилей Ets Classic Cars). Единственный музей, который полностью работает на средства от продажи билетов и гранты Фонда Президентских грантов и Фонда губернаторских грантов Пермского края, – ПАМ «Ретро-гараж». Отметим, что ни один из частных музеев не имеет стороннего спонсора, хотя хотел бы (рис. 1, раздел легенды «Форма собственности»).

Условия деятельности и стратегии руководителей

Необходимо рассмотреть, какие еще внешние условия влияют на выбор стратегий действия и взаимодействия руководителей АТМ. К их числу относится следующее.

1. Отсутствие нормативно-правового регулирования в области частных, корпоративных музеев и учреждений музейного типа [Юренева, 2024а; Юренева, 2024б, с. 22]. В результате региональные и муниципальные органы власти не могут проводить собственную музейную политику (например, перевод частных музеев в муниципальные): *надо условия создавать, законодательные, прежде всего... если бы законодательно были какие-то поблажки в отношении ОСАГО, например (И1)*. Однако ряд руководителей видит законодательное регулирование как возможное ограничение их деятельности: *ты вроде как лишаешься уникальности..., с одной стороны, получаешь поддержку, с другой – эта поддержка тебе выходит боком (И5)*.

Адекватной стратегией стало бы создание ассоциации АТМ для лоббирования своих интересов в органах законодательной власти. Однако за исключением двух информантов большая часть директоров АТМ не видят в этом проблему и продолжают действовать в рамках существующего правового поля.

2. Материальные ограничения. Частный характер основания большинства музеев подразумевает их существование в форме НКО или частного учреждения культуры. Зачастую, как НКО, АТМ могут получить поддержку через грантовые конкурсы, но у их заявок нет гарантии успеха. Даже в случае получения грантов есть ограничения статей расходов. Например, большинство фондов не разрешают расходы на приобретение недвижимого имущества (включая земельные участки, а также капитальное строительство новых зданий).

В результате основной стратегией стало содержание музея за счет самостоятельного поиска средств. Дополнительной стратегией является подача заявок на гранты, при этом из-за риска проигрыша каждая новая заявка должна отвечать актуальным запросам общества и государства (далеко не все информанты опираются на эту стратегию).

3. Отсутствие поддержки со стороны региональных и муниципальных властей. Директора музеев ожидают поддержку от органов власти в решении ключевых проблем, например, с покуп-

кой или арендой помещений, земельных участков необходимой площади и соответствующих требованиям для размещения и хранения экспонатов:

У нас экспонаты достаточно большие... где бензин и электричество – это определенная пожарная безопасность... из-за размеров экспонатов нужна большая площадка... Надо где-то машину перед заездом сюда помыть (И1).

Также музеям необходима поддержка с обеспечением постоянного потока посетителей, например, через систему «Пушкинская карта», для чего необходимо соответствовать ряду требований, в частности, регистрировать часть коллекции в государственном каталоге музейного фонда России [Зюзичев, 2022].

Мы активно развивали Пушкинскую карту в течение двух лет, это было существенное подспорье в нашем финансовом положении. Потом Минкульт РФ ужесточил правила, обоснованно. Самый главный пункт, который мы из этих требований не можем выполнить, паспорт безопасности помещения. Помещение не наше (И1).

Мы полностью частники, и из всех госпрограмм автоматически выпадаем... когда открылись, Пушкинская карта была запущена и действовала в частных музеях. По истечении года прекратилось финансирование, было рекомендовано экспозицию сдать в госхран (И5).

От муниципальных властей ожидается благоустройство территории вблизи музеев:

Мы понимаем, что можно формировать окружающую среду вокруг себя (И2), тут территория просто невыносимая (И1);

...разговор с главой администрации района выделить этот сквер для размещения техники. Потом разговор был с дизайнером города¹... дальше этого не пошло, потому что, когда делали план реконструкции, надо было 39 миллионов (И8).

Данные характеристики не относятся к государственным и корпоративным АТМ, потому что они получают поддержку от органов власти или от предприятия.

Изначальной стратегией руководителей АТМ был выход на местную и региональную власть с конкретными предложениями сотрудничества или решениями той или иной проблемы. В данном исследовании только один случай оказался на 100% успешным (создание государственного музея). Частично успешными оказались два случая, когда было налажено взаимодействие с региональным туристско-информационным центром. Во всех иных случаях поддержка не носила системного характера или отсутствовала. В результате АТМ либо снижают интенсивность взаимодействия с органами власти, рассчитывая только на свои силы, либо планируют выйти на органы власти при смене руководящего состава в надежде на более высокий интерес к наследию автопрома.

4. Отсутствие спонсорской поддержки от представителей крупного и среднего бизнеса, причем не только автомопромышленной направленности:

¹ Информант, вероятно, имеет в виду главного архитектора города.

Денег много не бывает, поэтому мы от спонсорской помощи не отказались бы, если бы она появилась. Но мы еще не разработали эту концепцию (И5).

Возможной стратегией было бы формирование предложения выгод для бизнеса со стороны самих АТМ. Однако такой стратегией планирует воспользоваться только один из музеев. Другой возможной стратегией был бы фандрайзинг (использование ресурсов Planeta.ru, Boomstarter, создание фонда при музее, проведение акций по сбору средств).

5. Нехватка кадров с компетенциями в области музейной деятельности (реставрация экспонатов, ведение архивов и др.) и музейного менеджмента (музейная медиация, выпуск сувенирной продукции и прочее). Более того, тех, кто уже работает в музее, недостаточно для обеспечения его каждодневного функционирования. Часто в работе АТМ задействованы семья и друзья руководителя:

Сейчас мы в связи с расширением и усилением концепции гостеприимства нуждаемся в новых сотрудниках. И с этим все очень сложно... наша планка сотрудников достаточно высокая. Но мы на протяжении нескольких месяцев не можем укомплектовать штат музея... даже сходу не смогли подключить специалистов для гранта, чтобы помогли документацию подготовить (И5).

Кадровая – это самая большая проблема, которую я пока не знаю, как решить... дайте нам экскурсовода... Только пока проблема заработной платы (И2).

Очень не хватает именно рабочих... специалистов-реставраторов, понимающих, как и что надо делать (И6).

Музеи или не знают, как решить существующие проблемы (мешает нехватка средств и компетенций), или только начали поиски их решения «вслепую». Есть музеи, для которых это не является существенной проблемой (в первую очередь корпоративные). Нехватка кадрового обеспечения в области музейного менеджмента решается за счет заимствования успешных организационных форм у других профильных и непрофильных музеев.

6. Расположение музеев отличается периферийностью в пространстве городов. Кроме Музея мотоциклов Кожушковых, располагающегося в историческом ядре г. Ижевска, остальные музеи находятся у границы центра или во внешней зоне в складских и промышленных зонах крупных городов:

Министр культуры сказал, что музей находится в промзоне, трудно его искать, но у него есть средство. Он повесит таблички от центра типового стандарта, коричневого цвета «Музей мотоциклов» до нашей территории. Два года прошло, ничего не изменилось (И3).

Поскольку перенос АТМ в центр города в силу особенности помещений затруднителен, избираемой стратегией является организация системы навигации в городе с указанием на музей по

договоренности с властями. Другим вариантом является включение в путеводители и в экскурсионные маршруты в рамках взаимодействия с ТИЦ и туристическими фирмами.

Заключение

Все музеи, кроме одного из рассмотренных случаев («Пожарная техника всегда в строю»), вне зависимости от типа директора успешно функционируют. Однако стратегические цели их развития разные в зависимости как от типа самого музея, так и от типа руководителя: первый тип – сохранить автотранспортное наследие; второй тип – реставрация коллекции, поддержание и расширение автомобильного сообщества; третий тип – расширение форматов мероприятий для продвижения предприятия. Хранители промышленного наследия и «идейные» управляющие – это опытные руководители музеев, со своими планами развития и намерением их реализовать. Поскольку для второго типа АТМ – некоторая устойчивая (организационная) форма их увлечения и взаимодействия с автомобильным сообществом, – то они не всегда задумываются над долгосрочными планами развития музея как полноценной организации и не рассматривают альтернативные стратегии преодоления имеющихся и будущих проблем.

Залогом успеха АТМ при руководстве первого и второго типов является соответствующее образование (культурный капитал), склонности и наработанные контакты (социальный капитал). В музеях с руководителями третьего типа, несмотря на то, что они являются наемными сотрудниками и не обладают профильными компетенциями в области АТМ, эти директора преданы предприятию и хорошо знакомы с историей территории, что позволяет им использовать имеющийся опыт продвижения музея во внешней среде (социальный и культурный капитал иного содержания).

Первый и второй типы руководителей ориентированы на поддержание деятельности за счет собственных ресурсов и грантовой поддержки, третий тип – на поддержку предприятия. Опыт первого и второго типов руководителей должен быть учтен при разработке мер государственной поддержки. Поскольку третий тип руководителей возглавляет корпоративные музеи, а источником материальной поддержки выступают предприятия, государственная поддержка не является приоритетной.

В историческом и страновом контексте хорошие условия для развития европейского автомобильного рынка (локализация производства в регионе, большой рынок сбыта, высокое качество продукции, собственная исследовательская и опытная база) способствовали появлению автомобильных музеев с представлением автомобильных технологий на самом высоком уровне [Карасев, 2025, с. 40; Michnicka, Kołodziejczyk, 2022, с. 133]. В данном случае, ситуации с появлением музеев связаны с «изобилием» уже имеющихся моделей и желанием их демонстрировать, в том числе для продвижения бренда и технологических достижений страны. В России создание АТМ происходило в условиях угрозы потери автотранспортного наследия. Интервью с руководителями музеев

показали, что они занимались сохранением данного наследия в исторически и структурно неблагоприятных условиях, в момент, когда интерес со стороны общественных институтов, государства и бизнеса к нему был крайне низок. Поэтому важно, чтобы усилия по сохранению автотранспортного наследия Урала и РФ, начавшиеся как частная инициатива, нашли поддержку со стороны государства и общества, а АТМ должны обрести устойчивые основания для дальнейшего функционирования и развития.

Список литературы

1. Абрамов Р.Н. Советские технократические мифологии как форма «Теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР // Социология науки и технологий. – 2017. – № 2. – С. 61–78.
2. Автотранспортные музеи Урала: особенности функционирования и роль в развитии территории / Кривошёкова А.Л., Решетникова С.П., Филатов Д.А., Чирков М.А., Шабурова И.Н., Эйсмонд Р.А. // Географическое изучение территориальных систем // ПГНИУ: сборник материалов XVIII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Пермь, 2024. – С. 96–99.
3. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – № 5. – С. 60–74.
4. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. – Москва: Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. – 2009. – № 4. – С. 31–50.
6. Запарий В.В. Роль международного комитета по сохранению индустриального наследия в России: история, современное состояние и перспективы // Индустриальное развитие региона и мира: история и современность: сборник материалов Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 19–20 октября 2018 г. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. – С. 41–50.
7. Зюзичев В. Как зарегистрировать Пушкинскую карту и начать использовать ее в музее? // Vinchi. Музей как диалог. Vinchi журнал. – 2022. – 22.11. – URL: <https://vinchi-interactive.ru/journal/pushkinskaya-karta-v-muzeyah/> (дата обращения: 25.06.2025).
8. Карасев А.В. Начало эпохи автомобильных коллекций // Музей. – 2025. – № 6. – С. 34–43.
9. Карасев А.В. Первый музей автомобильного дела // Музей. – 2023. – № 3. – С. 21–34.
10. Колесникова Н.В. Музей истории ГАЗ. Живая летопись автопрома // Музей. – 2024. – № 3. – С. 12–20.
11. Кононенко Р.В. Автомобилизация российского общества: социокультурные аспекты: автореферат дис. кандидата социологических наук. – Саратов, 2010. – 17 с.
12. Кузовенкова Ю.А. Парадигмы музеефикации индустриального наследия // Лабиринт. Журнал социально-гуманистических исследований. – 2015. – № 5/6. – С. 6–16.
13. Липовецкий М. Траектории ИТР-дискурса. Разрозненные заметки // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 6 (74). – С. 213–230.
14. Лядова А.А. Историко-географические особенности сети автотранспортных музеев России в 1960–2020-е гг. // Культурное наследие России. – 2023. – № 4. – С. 106–119.
15. Морозов И.А., Слепцова (Кызласова) И.С. С пристрастием взглядываясь в прошлое: «ад» и «рай» советской эпохи в современных музеиных нарративах // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – № 5. – С. 195–224.
16. Новаковская А., Вальчак Б. Индустриальное наследие как территориальный капитал. Случай Лодзи // Городские исследования и практики. – 2021. – № 1. – С. 100–108.
17. Перечень поручений по итогам пленарного заседания и посещения выставки Форума будущих технологий, встречи с учеными // Президент России. Документы. – 2025. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/76732> (дата обращения 25.06.2025).
18. Порозов В.А. Интеллигенция и научно-технический прогресс в условиях российской провинции на рубеже 1950–1960-х гг. (по материалам Западного Урала – Пермской области и Удмуртской АССР) // Интеллигенция и мир. – 2021. – № 2. – С. 28–50.
19. Пошли в музей? // ВЦИОМ новости. Аналитические обзоры. – 2024. – 20.06. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poshli-v-muzei> (дата обращения: 07.05.2025).
20. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория: процедуры и техники. – Москва: УРСС, 2001. – 256 с.
21. Юрнева Т.Ю. Корпоративные музеи России: типологические особенности и проблемы // Культурное наследие России. – 2024а. – № 3 (46). – С. 15–22.
22. Юрнева Т.Ю. Частный музей в пространстве культуры: проблемы определения и статистики // Вестник славянских культур. – 2024б. – Т. 71. – С. 22–33.
23. Michnicka K., Kołodziejczyk K. Evaluation of automobile museums in Poland and Czechia // Turystyka Kulturowa. – 2022. – Vol. 4, N 125. – P. 129–159.

PROFESSIONAL IDENTITY OF DIRECTORS AND THE FOUNDERS OF MOTOR TRANSPORT MUSEUMS AS A KEY TO THE PRESERVATION OF THE INDUSTRIAL HERITAGE OF THE URAL

Prokofyeva A.V.

Senior Lecturer of the Department of Sociology of Perm State University (Perm, Russia);
prokofyeva.alena@gmail.com

Lyadova A.A.

PhD (Geogr. Sci.), Associate Professor of Physical Geography and Landscape Ecology of Perm State University (Perm, Russia); geografizpermi@yandex.ru

Abstract. The article examines the features of the professional identity of the founders and directors of motor transport museums in the Urals, identified based on in-depth interviews. The managers of motor transport museums are divided into three types depending on their vision of the museum's activities. The managers differ in the presence of specialized knowledge of automotive industrial technologies, the integration of this knowledge into their biographical situation and their interest in the development of the automotive enterprises and their territory. The need to preserve the motor transport heritage is determined by the museum managers' personal experience and interests, social capital, time of museum's foundation, features of the museum exhibitions and specialization of the Ural regions of the Russian Federation, etc., which in turn influences the choice of various strategies for the operation of museums. The results can be used in developing cultural (museum) policy and preserving technical heritage of Russia.

Keywords: automobile museum; sociology of culture; professional identity; industrial heritage; Russia; Ural.

For citation: Prokofieva A.V., Lyadova A.A. Professional identity of directors and the founders of motor transport museums as a key to the preservation of the industrial heritage of the Ural // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 3. – P. 109–130.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.07

УДК 379.82

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА И ИГРОВОЙ ФОРМАТ В УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ИГРЫ «ИНВЕСТОРЫ НАСЛЕДИЯ»)

Крузе Юлия Львовна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры культурологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (Нижний Новгород, Россия); julia.kruze@tm-service.ooo

Аннотация. В статье рассматривается развивающая настольная игра «Инвесторы наследия» как элемент интеллектуальной среды, направленный на развитие территорий через развитие человеческого и социальных капиталов за счет привлечения внимания участников игры к локальным символическим ресурсам. Анализируются цель, правила и механика игры с точки зрения динамики вовлечения, группового взаимодействия для выработки навыков и освоения приемов по работе с символами территории через проектирование бизнес-цепочек, основанных на локальной идентичности и включающих символы в экономику наследия. Отмечается универсальный характер игрового пространства для разных целевых аудиторий участников. Даны рекомендации по снижению рисков и расширению применения игры «Инвесторы наследия» в урбанистической практике.

Ключевые слова: развивающая игра; символические ресурсы; интеллектуальная среда; урбанистическая практика.

Для цитирования: Крузе Ю.Л. Интеллектуальная среда и игровой формат в урбанистической практике // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3 – С. 131–144.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.08

Рукопись поступила 16.07.2025.

Принята к печати 12.08.2025.

Введение

Урбанистика занимается социально-экономическим развитием территории и ее инфраструктуры на стыке социальных, технических и гуманитарных дисциплин. Она включает в себя архитектуру, управление, географию, экономику, социологию, психологию, экологию и является комплексной дисциплиной. Урбанистические практики в целом направлены на повышение качества жизни на территориях, представляют достаточно широкий набор подходов к управлению и развитию городов, охватывая вопросы благоустройства, разработку мастер-плана, вовлечение жителей через соучастное проектирование и т.д.

Актуальность темы использования в урбанистических практиках игрового формата связана с необходимостью как можно раньше и в массовом масштабе формировать навыки создания креативных проектов и продуктов на основе локальных символов, составляющих основу экономики наследия. Задача построения креативной экономики с включением в нее локальных символических ресурсов в государственном масштабе за последние пять лет трансформировалась на наших глазах от стадии эксперимента до национального приоритета и решается за счет формирования новейшей нормативно-правовой базы [Приказ..., 2025].

Безусловно, интеллектуальная среда как сложная, многоэлементная система опирается в том числе и на нормативно-правовые акты и включает в себя базовые понятия, нормативные определения. Однако для ее устойчивого функционирования одной нормативно-правовой базы недостаточно. Необходимо отметить, что само понятие «интеллектуальная среда» не относится к правовому регулированию, является предметом междисциплинарного исследования и имеет множество определений. В настоящей работе будем опираться на подход, связывающий интеллектуальную среду с коммуникативно-информационным пространством, в котором создаются творческие, инновационные продукты в процессе взаимодействия их авторов между собой как сообществ в разных институциях [Глинчикова, 2023, с. 146]. Соглашаясь с выводом, что интеллектуальная среда – это сообщество взаимодействующих друг с другом людей, и подчеркивая особую цель их коммуникации – создание интеллектуально-творческого продукта, – дополним картину и сформируем рабочую гипотезу настоящего исследования как тезис, что среди многообразия форматов неофициальных способов коммуникации есть место и особому их виду – игровому взаимодействию.

Игра в данном случае – это особая форма человеческой деятельности, межличностной коммуникации, которая может быть как развлечением, так и способом обучения, развития и даже моделирования реальных ситуаций. В широком смысле игра – это осмыщенная, часто эмоционально окрашенная деятельность в условиях рамок, подчиненная определенным правилам, целям и за-

дачам. Игра также представляет собой систему, в которой участники по своей воле вовлечены в искусственный непродуктивный конфликт с заведомо известными правилами и измеримым, но заранее неизвестным результатом [Кобзева, Никонова, 2014]. Составляющие игры – это правила, которые могут включать в себя писаную и неписаную части; игровой процесс – состояние игры, в рамках которого участники находятся внутри магического круга, но могут его покинуть, действуют в соответствии с правилами, но могут их нарушать, и культурный контекст, т.е. ценности и подтексты игры, помогающие осваивать навыки для обычной жизни.

Понятие «игра» включает в себя огромный спектр представлений, и разные авторы по-своему подходят к трактовке этого определения. Но как бы различные авторы ни трактовали термин «игра», она всегда являлась одной из ведущих форм развития психических функций человека и способом реального познания мира [Игра..., 2025]. В настоящей публикации не стоит задача ответить на вопрос, почему люди играют в игры. Тем не менее отметим, что в игре мотиваторами могут быть и сам процесс игры, и ее результат. Стимулами для вступления в игру могут быть, в числе прочего, постижение нового, возможность сделать открытия, получение признания, само выражение, демонстрация мастерства, реальная или виртуальная награда. Если в игре для достижения победы или в целях досуга задействованы ум, интеллект, воображение, знания, эрудиция участников, в целом мыслительные способности человека, игра носит характер развивающей интеллект и называется интеллектуальной [Интеллектуальная игра..., 2025]. «Интеллектуальные игры способствуют приобретению опыта индивидуального или коллективного мышления, развивают быстроту реакции, позволяют проверить смекалку и начитанность» [Антипова, 2015, с. 175]. «Основной функцией интеллектуальных игр является развитие мышления, высших психических функций, логики, процессов анализа и синтеза, обобщения и классификации, сравнения и противопоставления. Кроме того, они ориентированы на развитие нестандартного самостоятельного мышления, интуиции, чувства юмора, интеллектуальной реакции» [Интеллектуальные игры..., 2017, с. 27].

Понятие «эдьютеймент» как процесс, в котором сочетаются обучение и развлечение, первично появилось за рубежом, распространилось в том числе и на урбанистические практики, в отечественной науке устойчиво применяется в педагогической деятельности [Дьяконова, 2012, с. 182–185].

Настоящая публикация рассматривает, как формируется интеллектуальная среда в ходе игры и взаимодействия участников по поводу прикладного вопроса – включения символьических ресурсов любой территории в экономику наследия на примере авторской развивающей настольной игры «Инвесторы наследия». В свою очередь, совокупность символьических ресурсов территории составляет ее символический капитал, в структуре которого Н.Г. Федотова выделяет компоненты узнавания территории (ее идентификационный потенциал) и положительной оценки территории

(потенциал престижа и доверия) [Федотова, 2018, с. 141–155]. Таким образом, круг «благополучателей» от результатов игры расширяется от участников и зрителей игрового процесса до заинтересованных во включении символических ресурсов в экономику наследия представителей территорий – органов местного самоуправления, агентств по развитию креативных индустрий и т.д.

Цель, задачи, объект, предмет и методы исследования

Традиционными формами интеллектуальной работы с символическими ресурсами территории в урбанистических практиках являются исследовательские и обучающие мероприятия – экспедиции, лаборатории и проектные форматы – мозговые штурмы, воркшопы, стратегические сессии, семинары и т.д. Через проблематизацию, генерацию идей и проектирование в рабочих группах рождаются проекты улучшения и развития территорий. Как правило, процесс занимает несколько часов и является энергозатратным для его участников [Коломенский творческий кластер..., 2022]. Игровой формат отличается от общего процесса социокультурного проектирования особенностями и возможностями создания особого «игрового» пространства как определенной модели жизненной ситуации с дополнительными возможностями, актуализацией вовлечения, безопасным вхождением в позицию творца, мобилизацией креативных способностей, погружением в состояние азарта.

В данной работе представлено исследование авторской развивающей настольной игры «Инвесторы наследия» как мобильной интеллектуальной среды, не привязанной к конкретному пространству, информационную основу которой, кроме самой механики игры, формируют символические ресурсы любой территории. Для достижения цели ставятся следующие задачи:

- проанализировать элементы самой игры – правила, игровую механику и культурный контекст для определения ее сильных и слабых сторон и дальнейшего совершенствования для наработки человеческого капитала непосредственных игроков и символического капитала включенных в игру конкретных территорий, расширения целевых аудиторий, заинтересованных в применении игры в своей профессиональной деятельности;
- исследовать, какие экономические и социальные эффекты имеет игра для пользователей и территорий;
- определить, в какие урбанистические практики может быть интегрирована игра.

Объектами исследования и эмпирическими объектами стали правила, игровая механика и проведенные раунды развивающей настольной игры «Инвесторы наследия» для разных категорий участников: школьников, студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, предпринимателей, общественных деятелей, урбанистов в течение первого года апробации игры.

Игра появилась в результате обучения автора в летней школе социокультурного проектирования «Правила игры» Московской высшей школы социальных и экономических наук в партнер-

стве с Выкса-фестивалем в июле 2024 г. С июля 2024 по июль 2025 г. прошла ее апробация и состоялись следующие раунды: на фестивале «Арт Луга» в Нижегородской области при участии членов сообщества «Лидеры наследия» в июле 2024 г.; на празднике Герба села Починки Нижегородской области в августе 2024 г.; на вручении премии «Жить вместе» при участии членов сообщества «Городские герои» в августе 2024 г. в Москве; среди участников форума «Креативных территорий» в Нижнем Новгороде в сентябре 2024 г.; с участием преподавателей, магистрантов, аспирантов и студентов географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в январе 2025 г. в Выксе; среди членов предпринимательского клуба «Делавары» в Нижнем Новгороде в марте 2025 г.; среди школьников – участников фестиваля идей «Гайва – это мы!» в г. Пермь в мае 2025 г.; среди школьников, участников стратсессии в Вачском муниципальном округе Нижегородской области «Продюсеры территории – дети» в мае 2025 г. Всего в играх приняли участие более 200 человек. Ими были рассмотрены символические ресурсы из Нижегородской, Ульяновской, Воронежской, Рязанской, Свердловской, Кировской, Калининградской, Ярославской областей, Пермского края и республик Башкирии, Карелии.

Методологической основой картирования символических ресурсов территорий, извлечения из них смыслов и их интерпретации для бизнес-цепочек выступила инфраструктурно-сервисная модель Д.Б. Ойнаса (см.: [Крузе, 2024]). Эмпирическая база сформирована отзывами участников игры на местах, непосредственным наблюдением за процессом и результатами индивидуальной и командной работы участников ведущих игры, анализом заполненных карточек победителей в конкретных играх.

Описание настольной развивающей игры «Инвесторы наследия»

Для игры требуется игровое поле; карточки с нанесенными на них названиями символов и территорий, где они географически расположены; фишки – условные деньги или «тугрики», которые раздаются каждому игроку или каждой паре, команде игроков; чистые листы бумаги; ручки для каждого игрока или команды. Для наглядности, как из полученного символа проектировать идеи и выстраивать проекты, распечатаны примеры эмоционально-смысловой растяжки нескольких общеизвестных символов. Игра происходит на игровом поле, на котором нанесены культурно-исторические символы определенных территорий. Размер поля не менее 60×60 см.

Карточки с символическими ресурсами территорий могут быть сформированы по разным признакам – например, по территориальному: по различным субъектам РФ, по различным муниципальным образованиям внутри одного субъекта РФ в зависимости от целей игроков – лучше узнать про свои локальные символические ресурсы или ознакомиться с ними в масштабе всей России.

Например, стратегической сессии «Продюсеры территории – дети» с участием школьников Вачского муниципального округа Нижегородской области специально были выявлены и отобраны

следующие локальные символы: Воцкий Стародуб, «Вачский азимут», «Княжий берег», пристань, д. Чулково, аллея Р. Ростроповича и Г. Вишневской, Мраморное озеро, с. Филинское, Водонапорная башня в АО «Труд-Вача», с. Арефино – дворцовое село, герб Вачского МО, кузнечный цех – с. Арефино, «Терема», сундуки со звоном, Кондратов пруд, р. п. Вача, паровая машина, Земская школа, Владимирский тракт, с. Арефино, топоры, Вачский МО, Жайский откос, мозаика Дальне-Давыдовского монастыря, казаковская филигрань, подстаканник, с. Казаково, завод АО «Труд-Вача», кондратовские ножи, тихое убежище – В.Г. Короленко, Н. Некрасов, д. Клин, Вачский муниципальный округ, Иссак Левитан, Вачский МО, купцы и промышленники Кондратовы. Проработав по нижеуказанной методике эти символы и выявив лидерские проекты в каждой группе, идеи школьников поступили для дальнейшего использования и реализации в администрацию округа и местному предпринимательскому сообществу.

Если же перед игроками стоит задача расширить кругозор и теоретически «прокачать» навыки проектирования, можно использовать карточки с символическими ресурсами из разных субъектов РФ. Например, в первом круге игры для подростков на фестивале идей в Перми были следующие символы и территории:

- буква Ё (с двумя точками сверху) (г. Ульяновск);
- сбежавший цирк Дурова, квартал Девичек (г. Воронеж);
- Дарт Вейдер «Звездные войны» (г. Уфа);
- река Ветлуга (Нижегородская область);
- Дмитрий Ваганов, DS Crew (г. Пермь);
- «Телеграмма» (Солотча, Рязанская область);
- ящерица (г. Полевской, Свердловская область);
- соленые уши (г. Пермь);
- Артемовские Луга (Нижегородская область);
- мастер Василий Иванович Зуев (р. п. Чердаклы, Ульяновская область);
- камень симберцит (Ульяновская область);
- «Золотая цепь» (г. Киров);
- маскароны (г. Черняховск, Калининградская область);
- озеро Выг и 360 островов на нем (г. Сегежа, Карелия);
- Александр Пересвет, монах (г. Брянск);
- купцы братья Чирковы (г. Бирск, Башкирия);
- река Волга (г. Рыбинск);
- автомат Калашникова (г. Ижевск, Удмуртия);
- Максимилиан Факторович (г. Рязань);
- «Аленький цветочек» (Ульяновская область);

- памятник Барклаю де Толли (г. Черняховск, Калининградская область);
- соцгород деревянный (г. Сегеж, Карелия);
- Сергей Павлович Дягилев (г. Пермь);
- дымковская игрушка (г. Киров);
- терновое кладбище (г. Воронеж).

С каждой стороны поля может располагаться по одному игроку, пара или тройка игроков. Игра состоится, если играют все четыре стороны или минимум три, для комфорта игроков не рекомендуется более шести пар за одним столом.

В центре игрового поля расположен «Базар символических ресурсов». Это карточки, может быть колода с одинаковыми обложками. На другой стороне каждой карточки обозначен словами и / или фотосимвол и определенная территория, где этот символ расположен. Например: «Единорог, г. Выкса», или «Буква Ё, г. Ульяновск», или «Золотая цепь, г. Киров».

Каждый игрок (пара, тройка) получает от ведущего фишки – валюту инвестора «тугрики», от одного до четырех нельзя оставлять себе, а надо отдать проекту инвестиций в символический ресурс, который больше всего вызвал доверие или понравился у других игроков.

Предварительно, до начала игры, ведущий показывает игрокам заполненные листы размером А4 – примеры эмоционально-смысовой «Ромашки смыслов» по методике Д.Б. Ойнаса [Ойнас, 2022], как можно по ассоциациям и интерпретациям разложить «Пеньку» в Брянске, «монокль Бурлюка» в Уфе, мастера Василия Зуева в р. п. Чердаклы Ульяновской области и другие примеры. Рассказываются правила игры.

Далее ведущий раздает игрокам по карандашу или ручке и чистому листу бумаги формата А4.

Первый шаг. Каждый игрок идет на «Базар символических ресурсов» на игровом поле и вытаскивает одну карточку, переворачивает ее, помещает в центр своего чистого листа и записывает свои эмоционально-смысловые ассоциации, интерпретации взятого символа в ромашку, по полученному примеру, в отведенное время. Время зависит от степени подготовленности игроков. Обязательно допускается использование гаджетов, сотовых телефонов, ноутбуков, планшетов и т.д., поиск информации в открытых источниках как по символу, так и по территории, на которой он находится. В целом, на первый шаг не рекомендуется отводить более 7–10 мин. Он направлен на расширение кругозора участников, на получение информации о неизвестных им историко-культурных ресурсах, гениях локальных мест, самих населенных пунктах и фактах из их истории.

Второй шаг – озвучивание полученных эмоционально-смысловых связок – «ромашек смыслов» игроками. По команде ведущего и по истечении времени каждый игрок (пара, тройка) представляет свой символ (и территорию) и кратко рассказывает о нем, какие ассоциации и интерпретации тот вызвал и почему (не более 5–7 минут на каждого участника в каждую сторону).

Третий шаг. Игроки каждой стороны обсуждают между собой и выбирают «фаворита», какой-то один смысл – ассоциацию – идею и формируют на его основе смысловую цепочку «символ-идея-проект (бизнес)» в течение нескольких минут, формулируют цель – запрос, на что им нужны вложения для других инвесторов.

Четвертый шаг. По команде ведущего все делают свой выбор «фаворита» и по очереди отвечают на вопрос ведущего: «На что просите деньги?», кратко рассказывают о трансформации символа в идею проекта или в бизнес. Можно уточнять, задавать вопросы. На описание своей идеи – «фаворита» у каждого игрока (пары, тройки) есть не более 5–7 мин. Ведущий следит за временем, в конце каждой мини-презентации спрашивает, уточняет у других игроков: «Понятно, на что просят финансирование, инвестиции?».

Пятый, последний шаг. Каждый игрок двигает свои условные деньги – фишки – «тугрики» к чужому проекту, который ему более всего понравился, вызвал доверие при реализации и т.д. Можно распределять несколько тугриков между несколькими проектами пропорционально, не-пропорционально, как каждому нравится. По итогам ведется подсчет лидера, получившего максимум инвестиций – символических инвестиций в тугриках. Аплодисментами игроки награждают победителя каждого коня.

После первого пробного круга можно усложнять правила игры, включать правила «со звездочкой» и идти в глубь идей и проектов от символа и его смыслов. Заранее, например, договориться, что запрещен выпуск соответствующей сувенирной продукции. Можно при выявлении одного фаворита у инвесторов в следующий круг предложить всем участникам игры разрабатывать «ромашки смыслов» только с этим символом или идеей.

Окончательный формат игры зависит от уровня подготовки целевой аудитории – школьники или действующие предприниматели – и от того, на какую конкретную цель направлена игра. Например, для школьников важно показать, какие интересные люди, факты, возможности есть в их родной деревне и на других территориях. Для предпринимателей из определенной сферы бизнеса – например, туристическая отрасль, ресторанный бизнес, гастрономия – важно показать, как задействовать местные рецепты или топонимику (которая тоже относится к символическим ресурсам территории) при разработке блюд локальной кухни или их названия, авторского оформления меню, для выбора самого названия точки общественного питания. Пока местные предприниматели предпочитают для брендирования своих локаций делать ставку на международные раскрученные названия типа «Жозефина» или «Сладкая жизнь».

По окончании игры можно предложить победившему или каждому участнику внести свой символ в игру, заполнить пустую карточку каким-то новым символом или новой территорией.

После описания правил, игровой механики и смысла игры рассмотрим результаты исследования.

Результаты исследования и выводы

Анализ этапов игры.

1-й шаг («ромашка смыслов»). Сильные стороны: развивает ассоциативное мышление, стимулирует творческий подход к символам. Ограничение по времени (7–10 мин.) помогает фокусироваться на ключевых идеях. Слабые стороны: без базовых знаний (краеведение, культурология) участники могут генерировать поверхностные ассоциации, что снижает качество дальнейших этапов.

2-й шаг (презентация «ромашек смыслов»). Сильные стороны: учит кратко и ясно формулировать мысли, тренирует навыки публичных выступлений. Слабые стороны: если игроки не разбираются в теме, презентации сводятся к описанию очевидного, что снижает ценность для инвесторов.

3-й шаг (выбор «фаворита»). Сильные стороны: формирует навык выделения ключевой идеи из множества вариантов. Слабые стороны: без понимания проектирования и монетизации выбор фаворита может быть случайным или эмоциональным.

4-й шаг (питчинг идей). Сильные стороны: имитирует реальный процесс поиска инвестиций, учит аргументировать ценность проекта. Слабые стороны: отсутствие критериев оценки (например, реалистичность, бюджет) приводит к тому, что идеи остаются сырьими.

5-й шаг (распределение «тугриков»). Сильные стороны: создает соревновательный элемент, мотивирует участников улучшать презентации. Слабые стороны: если игроки не обладают экспертым мнением, инвестиции распределяются по принципу «кто симпатичнее», а не по качеству идеи.

Основные целевые аудитории для игры: а) студенты и преподаватели гуманитарных направлений (история, культурология, социология) – помогает развивать аналитические навыки; б) локальные активисты и краеведы – способствует генерации идей по популяризации культурного наследия; в) новички в социокультурном проектировании – может служить как вводный инструмент для понимания связи символов и бизнес-идей. При доработке игрового механизма целевые аудитории могут быть дополнены: бизнес-тренерами и стартап-сообществами – если добавить модули по бюджетированию и монетизации; школьниками старших классов – в упрощенном формате для профориентации.

Рассмотрим результаты обратной связи от игроков в виде ответов на вопросы о том, где они видят игровой момент, где в игре азарт, а где он теряется. Участники игр отметили следующие основные источники азарта:

- конкуренция за «тугрики»: участники стремятся создать самую убедительную презентацию, чтобы привлечь максимум инвестиций;
- творческий вызов: нужно быстро генерировать идеи и адаптироваться под обратную связь;

– динамика голосования: возможность влиять на исход игры, распределяя ресурсы между проектами.

Также участники отметили следующие риски потери азарта:

- если игроки не понимают, как оценивать проекты, азарт смещается в сторону межличностных отношений («кто понравился»);
- отсутствие прогресса (например, переход от сырой идеи к проработанной) также снижает мотивацию.

Разработаны возможные рекомендации для усиления игры:

1. Добавить обучающий модуль: перед игрой провести мини-лекцию по основам социокультурного проектирования и монетизации; раздать чек-листы с критериями оценки идей (например: уникальность, реализуемость, бюджет).
2. Ввести роли: назначить «экспертов» (из числа игроков или ведущих), которые дают обратную связь по проектам; добавить карты-подсказки (например, «Грант на исследования», «Помощь маркетолога»).
3. Усложнить механику для продвинутых игроков: ввести этап «SWOT-анализа» для фаворитов; добавить ограничения, например, минимальный бюджет проекта или сроки реализации.
4. Создать систему достижений: награждать бонусными «тугриками» за креативность, реалистичность идеи или лучшую презентацию.

В механике игры «Инвесторы наследия» отсутствуют следующие, присущие обычно настольным развивающим играм, элементы: 1) правила взаимодействия между игроками: не указано, как происходит обсуждение проектов, конкуренция за инвестиции или возможность задавать вопросы / критиковать идеи; нет ограничений на количество проектов, в которые можно вложить «тугрики», что может привести к неоднозначности в распределении ресурсов; 2) механика получения дополнительных ресурсов: игроки получают фиксированное количество «тугриков» (1–4), но нет возможности заработать их в процессе игры, что снижает динамику и стратегическую глубину; 3) контроль времени и использования гаджетов: не прописаны штрафы или ограничения для игроков, которые затягивают поиск информации в открытых источниках; 4) структура формирования бизнес-цепочки: отсутствуют шаблоны или этапы (например, SWOT-анализ, бюджет, целевая аудитория), которые помогли бы перейти от ассоциаций к конкретному проекту; 5) механика внутригруппового взаимодействия: неясно, как принимаются решения в парах / тройках (голосование, распределение ролей и т.д.); 6) элементы случайности или стратегии: нет карт событий (например, «Кризис», «Грант»), которые могли бы влиять на проекты и добавлять неожиданные повороты; 7) не рассмотрен вариант, какие есть критерии победы при равенстве «тугриков»: не описано, как определяется победитель, если несколько игроков набрали одинаковое количество

инвестиций; 8) финальная стадия игры: не указано, как именно победитель вносит новый символ в игру (формат карточки, голосование за его принятие и т.д.).

В результате вышеприведенного анализа можно дать следующие рекомендации по минимизации рисков и улучшению правил игровой механики:

- добавить фазу обсуждения с ограничением времени для вопросов / возражений;
- ввести бонусные «тугрики» за креативность или убедительность презентации;
- предоставить игрокам чек-листы для разработки проектов;
- включить карты-события для повышения динамики;
- описать процедуру разрешения спорных ситуаций (например, голосование).

Последствия в экономических и социальных аспектах возникают у непосредственных участников игры и способствуют:

1) развитию краеведения, углублению знаний о локальной истории, культуре и идентичности;
2) развитию «мягких навыков» (soft skills): креативности, созданию эмоционально-смысло-вых цепочек, ассоциаций («ромашек смыслов») и интерпретаций символов, что стимулирует нестандартное мышление; коммуникации, презентации идей, обсуждению проектов и вопросов от других игроков, что улучшает навыки публичных выступлений и аргументации; командной работы: совместному принятию решений в парах / тройках, умения договариваться, распределять роли и учитывать разные точки зрения.

3) развитию социально-экономических навыков: финансовой грамотности, распределения средств, умению оценивать риски, потенциал и конкурентоспособность идей; критическому мышлению, умению задавать вопросы, выявлять слабые места в проектах и находить решения.

4) развитию предпринимательских навыков: умению трансформировать абстрактные идеи в конкретные проекты или бизнес-модели, развитию стратегического и проектного мышления, работе с новой информацией, умению выбирать достоверные источники и структурировать информацию.

Для территорий последствия проведенных игр выражаются в возникновении нестандартных, новых идей, которые не появились в ходе регулярно проводимых стандартных семинаров, круглых столов и мозговых штурмов. Так, например, в ходе игры в Починковском муниципальном округе Нижегородской области из ассоциаций с символом «стальные кольца», г. Кулебаки, в качестве «фаворита» участниками-подростками практически единогласно был выбран проект организации детского кукольного театра-студии, впоследствии представленного в администрации округа. В экспедиции студентов географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в Нижегородской области игра была использована как один из способов рефлексии и структурирования информации. В ходе игры из локального символа – заборов из стальных пресс-форм для ножей, типичных

для Вачского муниципального округа, – родилась идея интерактивного музея советской смекалки, положительно встреченная местным сообществом и принятая им для дальнейшего внедрения.

Для локальных сообществ игра помогает непрофессионалам – жителям территорий – осознать ценность местных символов, генерировать идеи для развития туризма или малого бизнеса, моделирует процессы питчинга, запускает процесс поиска инвестиций и эффективной работы с ограниченными ресурсами.

Образовательными учреждениями среднего, профессионального и высшего образования, в летних лагерях и выездных мероприятиях игра может использоваться на уроках географии, истории, обществознания, проектной деятельности или в рамках внеурочной деятельности для активизации интереса к предмету. Игровой формат и соревновательный элемент повышают вовлеченность и интерес к обучению, способствуют мотивации участников, дают им уверенность через успешную защиту проектов и получение «инвестиций», укрепляют самооценку.

Включение игры в урбанистические практики. В ходе первого года проведения игра продемонстрировала достаточную адаптивность и была модифицирована под разные аудитории (школьники, студенты, предприниматели), цели (образовательные, развлекательные, профессиональные), территории (крупные города – Нижний Новгород, Пермь; сельские муниципальные округа), что показало ее универсальность. Поскольку игра апеллирует к символическим ресурсам и историко-культурному наследию, ее результаты могут быть применимы в развитии локальной экономики, туристической инфраструктуры, городской экологии и культуры, создании «умных городов», вовлечении жителей в процесс принятия решений по комплексному развитию территорий.

Таким образом, развивающая настольная игра «Инвестор наследия» не только знакомит с культурным наследием, но и комплексно развивает навыки, востребованные в современном мире: от критического мышления до управления проектами. В игровом процессе могут быть созданы некоторые интеллектуальные модели, представляющие практическую ценность и для участников игры, и для территории. Несмотря на условный характер игры, в ней сочетаются и потребление, и создание культурных ценностей, что делает ее частью интеллектуального досуга в контексте определения Дж. Келли [Андреева, 2014, с. 13].

Игра носит универсальный характер, может использоваться с разным уровнем сложности при проведении уроков в старших классах, колледжах, вузах, профессиональных и деловых, локальных сообществах. Она мотивирует участников узнать информацию о разных территориях и символических ресурсах на них, развивает образное, ассоциативное мышление. В игровом формате вырабатывается индивидуальный или групповой навык проектирования цепочки от символа через идею к проекту или бизнесу, включенному в экономику наследия. Таким образом, игра относится к понятию «эдьютеймент» как процессу, где сочетаются развлекательный и обучающий форматы, и пополняет уже сложившуюся отечественную урбанистическую практику [Деханова, 2016].

Заключение

В настоящем исследовании прослеживается принадлежность развивающих игр к форме интеллектуального досуга в актуальном прикладном аспекте – включении символических ресурсов территории в экономику наследия.

Несмотря на относительно небольшой период внедрения – один год – и выявленные риски, игра «Инвесторы наследия» обладает существенным потенциалом для распространения и внедрения в различных целевых аудиториях и новых территориях. Проведенное исследование подтверждает, что системные решения по вовлечению символических ресурсов и историко-культурного наследия РФ в экономические процессы возможны при объединении усилий различных специалистов, исследовании потенциала страны и использовании разных форм работы, креативных подходов для распространения новых форматов и игровых практик.

Список литературы

1. Андреева А.В. Интеллектуальный досуг как сфера полисубъектного взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12 (50). – С. 13–16.
2. Антипова В.Б. 100 форм работы по продвижению чтения, и не только: словарь-справочник для библиотекаря. – Москва: Библиомир, 2015. – 175 с.
3. Глинчкова А.Г. Интеллектуальная среда как объект исследования: факторы развития и точки уязвимости // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – № 16 (5). – С. 146–166.
4. Деханова П.Ю. Урбанистические игры: профессионализм городской жизни со школьной скамьи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 18. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/76206.htm>. (дата обращения 04.05.2025).
5. Дьяконова О.О. Понятие «эдьютеймент» в зарубежной и отечественной педагогике // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 6. – С. 182–185.
6. Игра. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Игра> (дата обращения 15.04.2025).
7. Интеллектуальная игра. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Интеллектуальная_игра (дата обращения 15.04.2025).
8. Интеллектуальные игры как форма игровой деятельности молодежи в библиотеке: методическое пособие / ГБУК НСО НОЮБ; сост. В.Ю. Иост, С.И. Кулакова. – Новосибирск: ГБУК НСО НОЮБ, 2017. – 27 с.
9. Кобзева Н.А., Никонова Е.Д. Дидактические игры в методике обучения иностранным языкам // В мире научных открытий. – 2014. – № 11–5 (59). – С. 1847–1856.
10. Коломенский творческий кластер – Дмитрий Ойнас. Интервью // Библиотека наследия. – 2022. – URL: <https://rhlib.ru/2022/01/kolomenskij-tvorcheskij-klaster-dmitrij-ojnas/> (дата обращения 21.03.2025).
11. Крузе Ю.Л. Символический капитал населенных мест как ресурс для развития локальных сообществ и креативных индустрий // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 3 (16). – С. 26–43.
12. Ойнас Д.Б. Технология «Ромашка смыслов» // Деловой клуб «Наследие и экономика». – 2022. – URL: <http://heritageclub.ru/category/experts/> (дата обращения 02.04.2025).
13. Приказ Министерства экономического развития РФ от 23 апреля 2025 г. № 266 «Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности». – 2025. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/documents/block/foiv294.../> (дата обращения 20.05.2025).
14. Федотова Н.Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 29. – С. 141–155.

INTELLECTUAL ENVIRONMENT AND GAME FORMAT IN URBAN PRACTICE

Kruse Yu.L.

PhD Law Sci., Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (Nizhny Novgorod, Russia);
julia.kruze@tm-service.ooo

Abstract. The article considers the educational board game "Heritage Investors" as an element of the intellectual environment aimed at developing territories through the development of human and social capital by attracting the attention of game participants to local symbolic resources. The goal, rules and mechanics of the game are analyzed from the point of view of the dynamics of involvement, group interaction for developing skills and mastering techniques for working with symbols of the territory through the design of business chains based on local identity and including symbols in the heritage economy. The universal nature of the game space for different target audiences of participants is noted, recommendations are given for reducing risks, expanding its application in urban practice.

Keywords: developmental games; symbolic resources; intellectual environment; urban practice.

For citation: Kruse Yu.L. Intellectual environment and game format in urban practice // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 3. – P. 131–144.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.08

УДК 719: 37.03: 51

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Павлова Оксана Алексеевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики дошкольного, начального и специального образования КГУ им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия);
oksanapav@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается потенциал влияния на умственное и нравственное развитие личности математических артефактов в составе интеллектуального компонента городской среды. Проанализированы исторические и современные практики математизации городской среды, представлены примеры и перспективы использования математических артефактов городской среды для решения образовательных задач. Постулируется значимость осознанного отношения к возможностям интеллектуализации городской среды в интересах устойчивого развития.

Ключевые слова: интеллектуальное развитие; математические артефакты; образовательный потенциал; городская среда.

Для цитирования: Павлова О.А. Математический потенциал городской среды для интеллектуального развития личности // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 145–159.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.09

Рукопись поступила 17.07.2025.

Принята к печати 15.08.2025.

Введение

Известный феномен детей-маугли доказывает, что развитие ребенка невозможно вне социальной среды. Свойственные человеческому мозгу наблюдательность и подражательность позволяют освоить только те паттерны поведения и ценности, с которыми ребенок сталкивается в процессе своего развития. Люди, выросшие в богатых или бедных семьях, в городской либо сельской среде, обладают специфическими чертами личности и навыками. Между уровнем жизни населения и качеством социальной среды наблюдается тесная связь [Henderson, 2003]. У городского населения возможностей в целом больше, чем у сельского, но и среди горожан ресурсы распределены неравномерно, что вызывает в городе процессы сегрегации и джентрификации¹ [Florida, 2017]. Граждане, которые ставят перед собой амбициозные цели (получить образование, найти престижную работу, обеспечить себе комфортную среду для проживания или создать новые возможности для себя и своих детей) переезжают в районы, населенные пункты и даже страны с лучшими социально-экономическими условиями. Эти устремления связаны не только с доходами, жильем, уровнем жизни, но и собственно с восприятием городской среды как богатой или бедной, обладающей высокими или низкими возможностями для развития, творчества, общения.

Выстраивание, обновление либо модернизация городской среды – это многокомпонентная, финансово затратная, но актуальная задача. Наиболее часто дискутируются вопросы реконструкции и регенерации городской застройки в условиях необходимости сохранения некоторых культурно-исторических объектов и ландшафтов. В поле зрения теоретиков и практиков также находятся вопросы экологии, комфорtnости проживания и стилистических архитектурно-дизайнерских решений в целях достижения гармонии и отражения индивидуального образа города. Благоустройство городской среды обычно рассматривается как инструмент развития города, повышения его инвестиционной или туристической привлекательности. Но его можно рассмотреть и как способ развития человеческого капитала за счет внедрения интеллектуального компонента непосредственно в физическую, предметно-вещную среду города, который будет содействовать интеллектуальному развитию жителей. Ментально развитые жители города могут выстроить разумные успешные бизнесы, которые будут создавать благоприятную среду для местного населения и стимулировать интерес к городу у гостей и потенциальных новых горожан.

Именно поэтому целью данного исследования выступает выявление тех артефактов городской среды, которые формируют ее интеллектуальный компонент, в том числе способствуют раз-

¹ Транслит с английского слова «gentrification», обозначающее процесс изменения статуса районов за счет притока более состоятельных жителей («джентри») и инвестиций. – Прим. ред.

витию, воспитанию и повышению уровня образованности горожан всех возрастов, а также интересны жителям других городов в силу своей уникальности, с акцентом на формировании математических представлений.

Интеллект и его развитие в онто- и филогенезе

Интеллектуальная или умственная характеристика человека отражает его мыслительные способности, связанные с восприятием, пониманием, объяснением и прогнозированием происходящего вокруг него [Интеллект..., 2025]. Ребенок в процессе личностного развития постепенно накапливает банк ассоциативных образов и связей между ними. Такой банк для жителей городских и прочих поселений (например, более близких к природе) безусловно различается по своему содержанию.

Врожденная способность к логическому мышлению позволяет анализировать, сравнивать воспринимаемые органами чувств образы между собой и осуществлять их классификацию в условиях определенной социальной среды (контакты со значимыми взрослыми и другими детьми). Отдельные наблюдаемые ребенком объекты и явления, а позднее и их обобщенные группы начинают получать «имена». Продуктивное наблюдение за устройством окружающего мира, осмыщенное копирование существующих в нем природных объектов всегда служило средством оптимизации быта и одновременно способствовало реализации взаимообусловленных процессов развития отдельных индивидов (онтогенез) и человеческого сообщества в целом (филогенез).

В результате освоения новых видов деятельности постепенно развивалось логическое мышление и формировалось собственно математическое знание (один, много, бесконечность; счет, число, цифра; понимание свойств времени и вычленение геометрических форм и пр.). Благодаря накапливаемому и передаваемому из поколения в поколение знанию окружающий человека мир силами его интеллектуальной деятельности менялся. Так, в природе чаще всего можно столкнуться с круглой формой, реже – с треугольной. Многие объекты живой и неживой природы обладают разными видами симметрии (снежинки, ягоды и фрукты), проявляются также разнообразные фрактальные свойства (самоподобие и дробная размерность). Первые жилища человека уподоблялись природным объектам, однако в современной городской среде наиболее часто встречаются прямые углы и формы, основанные на таком пространственном объекте, как параллелепипед.

Появление поселений городского типа предопределено сочетанием разных факторов, но для нашего исследования актуальна именно наблюдаемая концентрация интеллектуальных ресурсов, которые аккумулируются в городской среде. Накопленные профессиональные (они же интеллектуальные, но в определенной сфере) знания, опыт, мастерство можно было перенять в результате взаимодействия с человеком (мастером, учителем, педагогом-наставником), который ими обладал.

В филогенезе интеллект рассматривается как высшая степень развития психики человека. Наличие такого развития подтверждается фактами из истории науки, появлением новых отраслей знания и современным уровнем развития технологий, значительной трансформацией различных сторон человеческой жизни: от вопросов добывания пищи до проявления себя в творчестве через возможности искусственного интеллекта. Поскольку интеллект – продукт социализации, люди с разными жизненными траекториями и опытом (жители городских или сельских поселений; люди, сознательно или в связи со стечением жизненных обстоятельств оторванные от цивилизации) находятся на разных ступенях интеллектуального развития, что влияет на эффективность принятия ими решений в сложных и необычных ситуациях.

Доступ к интеллектуальным ресурсам городской среды во всем их многообразии может способствовать умственному развитию конкретных людей и человеческого сообщества в целом.

Городская среда: цифровой и внецифровой компонент

Границы городской и внегородской среды в настоящее время условны (нет крепостных стен или рва, ограничивающего город) и определены, по сути, только законодательно. При этом наблюдаются два взаимообусловленных процесса: все больше людей стремятся приобщиться к городской среде, чтобы получить ее ценности, и, как следствие, территория города все время пристрастает.

В целом среди более 10 000 городов встречаются всевозможные их представители: от городов-призраков до ультрасовременных. Среди ценностей современного этапа значимыми являются доступность образования и досуга для жителей всех возрастов, развитая транспортная инфраструктура и экологичность городской среды. Все эти факторы (вместе с рядом других) в совокупности обеспечивают комфорт городского жителя. При этом решением конкретных жизненно необходимых задач (от обеспечения жителей водой и организации торговли до вопросов освещения общественных пространств, безопасности, экологии и уборки территорий, предоставления услуг) занимаются различные городские структуры. В том случае, если в их деятельности используются возможности цифровых технологий (включая специализированное оборудование и программное обеспечение к нему), то возникает континuum, к которому применяют термин «умный город» (что уже понятия «интеллектуальная среда», которое включает и нецифровые объекты, и собственно жителей как носителей интеллекта). Цифровизация городской среды позволяет оптимизировать существующие процессы жизнеобеспечения города; прогнозировать развитие событий на основе моделей «цифровых двойников» реальных городов; объединять данные разных служб, устранивая дублирование их функций.

Например, в Барселоне умные светофоры анализируют загруженность дорог и регулируют сигналы. В Сингапуре ведется контроль энергопотребления, и на улицах с более низкой активно-

стью освещение отключается автоматически. Мусорные контейнеры Копенгагена сообщают о наполнении, минимизируя поездки мусоровозов. Для ряда городов разработаны приложения, позволяющие находить свободные парковочные места и прочее. Приложения для обратной связи и онлайн-платформы способствуют вовлечению жителей в систему решения разнообразных насущных задач и улучшения различных сторон городской жизни (например, приложение «Я здесь живу», которое используется в Санкт-Петербурге).

Внечеральные компоненты городской среды можно подразделить на преобразованные природные (парки, скверы, клумбы и пр.) и искусственные, такие как жилища, здания и сооружения разной функциональной направленности, системы коммуникации и жизнеобеспечения, а также объекты духовно-культурной среды (городская скульптура, произведения живописи, книги и пр.), включая нематериализованные формы: идеи и знаки, иные элементы уникальной атрибутики. Например, в Калуге, в соответствии с брендом колыбели космонавтики, по всему городу размещены «космонавтики» – миниатюрные бронзовые фигурки («урбанист», «зумер», «тестоеды» и пр.).

Следует отметить, что ценность города для горожан и его гостей различна, что иногда приводит к конфликтам. Так, местные жители и активисты выступали против проведения «свадьбы века» между основателем Amazon Джеффом Безосом и журналисткой Лорен Санчес, которая состоялась в Венеции 26–28 июня 2025 г. По мнению митингующих, «мероприятие ухудшает жизнь горожан ростом цен на жилье, создает неудобства жителям и наносит ущерб жизненно важной экосистеме лагуны» [«Свадьба века»..., 2025]. В то же время очевидно, что современная жизнедеятельность Венеции, как и многих других городов, являющихся объектами всемирного культурного наследия, определяется именно ее культурно-исторической ценностью для туристов, а значит необходимо согласовывать интересы всех заинтересованных сторон.

Для решения проблемы переизбытка посетителей (*overtourism*) в Венеции создана интеллектуальная (основанная на цифровых технологиях) система, которая позволяет контролировать количество находящихся на территории города людей, регулировать туристические потоки и определять временные границы «высокого» и «низкого» периодов. В свою очередь, путешественников интересует внецифровой компонент «столицы морей», а именно, как можно было построить город на 118 островах; как удалось создать и сохранить такую красоту, в которой на протяжении нескольких веков жили и творили выдающиеся художники, архитекторы и музыканты. По сути, Венеция является живым памятником изобретательности, человеческому упорству и творчеству. Несомненно, что именно сложившаяся в городе среда способствовала реализации творческих и продуктивных личностей. В связи с этим развитие городской среды в сторону повышения ее уровня интеллектуальности (или интеллектуализацию) можно представить как создание комфортных условий для накопления человеческого капитала и ведения инновационной деятельности.

Артефакты городской среды: материальный и нематериальный компонент (на примере Италии)

Понятие «артефакт» многозначное, но в рамках данного исследования под артефактом будем понимать любой продукт деятельности человека. Искусство создания чего-либо предполагает преднамеренность действия, а значит творец продукта закладывает в него некий смысл. С течением времени первоначальный смысл может утрачиваться, а также могут возникать новые смыслы, связанные с артефактом, в зависимости от интеллектуального уровня человека, который с ним контактирует.

В соответствии с выбранным направлением интеллектуального развития рассмотрим комплекс материальных и нематериальных артефактов, созданных в эпоху Средневековья, которые находятся на территории современных итальянских городов. В данном разделе круг возможных артефактов современных городов заужен до территории современной Италии в силу того, что именно благодаря болонским, венецианским, пизанским, флорентийским и миланским ученым не только произошло распространение математических знаний по Европе, но и их приращение за счет новых открытий. В мировом процессе развития математического знания роль отечественных математиков значима, однако их наследие в пространстве современных городов невелико, а наша авторская позиция заключается в том, чтобы усилить данный компонент интеллектуального пространства городской среды.

К числу артефактов относятся фрагменты исторических изданий, которые можно увидеть в национальных библиотеках. Например, «Книга абака» (трактат «*Liber abaci*» написан в 1202 г., сохранилась вторая редакция 1228 г.) Леонардо Фибоначчи из Пизы с примерами использования десятичной арифметики с индусскими («арабскими») цифрами для коммерческих расчетов [Семенюта, 2022]. Этот объект является материальным артефактом. При этом для потомков, которые не могут прочитать написанный текст, он может потерять свою ценность. К нематериальным артефактам можно отнести описанную в книге последовательность чисел, названную впоследствии его именем. Однако Фибоначчи не был ее первооткрывателем, а просто применил к решению новых задач. И здесь логично вспомнить обратный пример, когда расшифровка позволила вернуть ценность материальному артефакту. Так, на фасаде собора Святого Николая в Пизе была обнаружена и впоследствии расшифрована серия геометрических рисунков, выполненная на мраморе, за которой скрывалась известная последовательность чисел Фибоначчи [На фасаде..., 2015].

На торговых площадях итальянских средневековых городов также можно встретить материальные артефакты, созданные в Средневековье. К ним относятся эталоны различных мер. Например, местные меры длины и веса (так как унифицированной системы мер и весов до середины XIX в. не существовало), а также указание на параметры рыбы, допускаемой к продаже.

Исторические здания на центральных площадях городов часто украшены величественными, но непривычными для современного человека часами и календарями, на циферблатах которых используется римская нумерация. Так, астрономические часы на Часовой башне собора Святого Марка (Торре-делл'Оролоджо) на площади Сан-Марко в Венеции (см. иллюстрацию ниже) показывают не только время (циферблат имеет 24 деления), но и сезоны, фазы Луны и движение Солнца от одного зодиакального созвездия к другому.

Иллюстрация 1. Часовая башня Св. Марка, 1499

Способы использования римской нумерации в современном мире; путь возникновения и распространения «арабской» нумерации из Индии через Европу и далее по всему миру; средневековые школы абака, в которых детей учили счету, и математические поединки по решению задач – все это можно отнести к нематериальным артефактам. Вышеуказанные примеры аккумулированы вокруг математической тематики, но в городской среде можно найти примеры артефактов, которые относятся к разным наукам или творческим практикам. Но продолжим линию математических артефактов.

Материальное воплощение математики и ее творцов можно найти в художественных музеях и галереях. Выдающийся математик Пифагор в окружении учеников изображен на картине Рафаэля «Афинская школа» (1510). На картине «Портрет Луки Пачоли¹ и неизвестного юноши» (ок. 1495–1500, художник предположительно Якопо де Барбари, Музей Каподимонте, Неаполь, см. иллюстрацию 2) можно рассмотреть циркуль и угольник, многогранники (один из которых – додекаэдр²) и непосредственно чертеж к некоторой задаче или теореме.

¹ Лука Пачоли – францисканский монах и, одновременно, математик, один из основоположников современной бухгалтерии. В 1464 г. Пачоли приехал в Венецию, где стал домашним учителем в доме купца Антонио де Ромпиази. В 1470 г. он написал для своих воспитанников учебник коммерческой арифметики.

² Додекаэдр (от греч. Dodeka – «двенадцать» и hedra – «грань») – правильный многогранник, поверхность которого состоит из двенадцати правильных пятиугольников.

Иллюстрация 2. Портрет Луки Пачоли и неизвестного юноши. ок. 1495–1500

На картине итальянского художника Бернардо Строцци (1581–1644) «Аллегория математики» (первая половина XVII в.) пожилой мудрец с циркулем олицетворяет математику. Зависть (юноша) и невежество (девушка) – препятствия, которые нужно преодолеть ученикам, чтобы постичь науку. Несомненно, подобные картины передают ценность научного способа познания и образования.

Интерес к математике, который проявляли итальянские скульпторы и художники, был связан с темой идеальных пропорций человеческого тела и архитектурных сооружений, пониманием красоты и гармонии, выраженных в золотом сечении и линейной перспективе. Для музыкантов математика проявлялась в сольфеджио, а разработанный пифагорейский строй музыки предопределил ее развитие в Европе на долгий срок.

К артефактам, косвенно связанным с математикой, можно отнести продукты картографирования. Например, карта Венеции Якопо де Барбари (1500 г.) «наглядно показывает, насколько город, *urbs*, преображен математической оптикой. Венеция обретает идеальные черты, идеальные пропорции благодаря знанию линейной перспективы, соблюдению идеальных соотношений. Ее нагромождение, теснящиеся домики, извилистые каналы, улочки предстают в стройных ритмических формах» [Под знаком..., 2024].

Таким образом, артефакты представляют собой некие следы, которые оставили представители предыдущих поколений. При должном внимании и желании современные горожане и путешественники могут попытаться расшифровать те смыслы и ценности, которые в них заложены, а также задуматься о том, какое наследие они сами оставят будущим поколениям.

Математические артефакты в современных городах

В результате обобщения личного опыта наблюдений математических артефактов в городской среде удалось сделать следующие выводы.

Антропогенный компонент городской среды не может существовать вне математических смыслов. Все объекты городской инфраструктуры (здания, сооружения, детские площадки, зоны отдыха и пр.) имеют свою форму и размеры. Геометрические орнаменты используются для внутренней отделки помещений и фасадов зданий, геометрическим и адаптивным является дизайн современных коворкинговых зон и пространств городской среды нового типа (многофункциональные пространства с зонами для работы, отдыха и творчества; умные спортивные площадки; арт-объекты (инсталляции), которые трансформируют восприятие среды). В зависимости от специфики города частота встречаемости тех или иных объектов различна.

Наиболее распространенной в городской среде формой является параллелепипед, значительно реже встречаются призмы, иногда можно встретить окружные формы. Так, Тульский цирк имеет цилиндрическую форму с куполообразной (в форме полусферы) крышей. Пирамиду можно встретить в Казани (культурно-развлекательный комплекс «Пирамида») и Витебске (торгово-развлекательный центр «Марко-Сити»).

За счет своей редко встречающейся формы особую группу объектов составляют башни: Эйфелева в Париже, Останкинская и Шуховская в Москве, Шуйская водонапорная башня в Шуе и т.д. Например, Шуховская башня в Москве имеет форму гиперболоида¹. Нечасто, но можно увидеть в городской среде и многогранники с большим числом сторон. Так, здание Национальной библиотеки Беларуси имеет форму ромбокубооктаэдра (его грани – 8 треугольников и 18 квадратов). В Туле рядом с Кремлем (см. иллюстрацию ниже) размещена инсталляция из шести додекаэдров, соседствующих с разноуровневой прогулочной зоной.

Иллюстрация 3. Инсталляция в городе Тула

¹ Гиперболоид – это незамкнутая поверхность, образуемая вращением гиперболы вокруг одной из ее осей.

Менее распространены в городах мира здания социальной инфраструктуры нестандартных математических форм (шара-, сотово- и торообразные, в форме синусоиды или ленты Мебиуса и пр.). Например, ландшафтный аттракцион на ВДНХ, транспортный терминал в Арнеме (Нидерланды), мост в Чэнду (Китай) являются архитектурными воплощениями ленты Мёбиуса¹.

Чаще всего на улицах городов можно встретить цифры и геометрические фигуры: элементы нумерации домов (четные и нечетные числа), улиц, районов и пр.; элементы зданий, сооружений и городской инфраструктуры разных геометрических форм (сами здания, окна, антенны, дорожные знаки, дороги и пешеходные дорожки и пр.), но преимущественно прямоугольной. Наиболее ре-презентативным представителем разнообразия плоских геометрических фигур являются дорожные знаки.

Во многих городах присутствуют нулевые отметки расстояний, а также километровые столбы вне города. Так, в Калуге памятный знак «Нулевой километр автомобильных дорог Калужской области» расположен на пешеходной части Театральной улицы. Уровневые отметки встречаются в тех городах, где есть угрозы подтопления. Например, в Санкт-Петербурге.

Дизайнерским элементом городской среды могут служить измерительные приборы, из которых наиболее часто встречаются часы и календари в стандартном и нестандартном техническом воплощении. В них могут быть встроены термометры и барометры. Весы встречаются значительно реже. Чаще всего они расположены под дорожным полотном для взвешивания транзитных машин.

Особого отношения заслуживает создание объектов городской инфраструктуры для детей. При их проектировании стараются следовать принципам безопасности и экологичности, инклюзии и идентификации, а также разнообразия. Включение тех или иных элементов соизмеряется с их возможностями для стимулирования как физического, так и интеллектуального развития ребенка [Город для детей..., 2020]. Современные игровые площадки могут быть оснащены такими элементами, связанными с математикой, как счеты, геометрические фигуры, часы и пр. На территории современных школ и пол, и стены используются для формирования развивающей среды (в том числе с использованием математической информации). Так, существуют проекты, согласно которым таблица умножения размещается на ступенях лестничных пролетов.

Нечасто, но встречаются улицы и другие объекты, названные в честь известных учёных-математиков. Для Калуги это улицы Пафнутия Львовича Чебышева, Константина Эдуардовича Циолковского, Александра Леонидовича Чижевского. Именем основателя космонавтики названы аэропорт в Калуге и государственный университет. В административном центре Калужской области функционируют мемориальные музеи К.Э. Циолковского и А.Л. Чижевского. Благодаря

¹ В математике лента Мёбиуса – это поверхность, которую можно получить, соединив концы полоски бумаги полуоборотом. Как математический объект она была открыта Иоганном Бенедиктом Листингом и Августом Фердинандом Мёбиусом в 1858 г., но уже встречалась в римских мозаиках третьего века н.э.

творчеству краеведа и художника В.А. Овчинникова жители и гости города Боровска могут увидеть портреты именитых земляков – К.Э. Циолковского и П.Л. Чебышева, нарисованные на стенах домов (илл. 4). Памятные артефакты посвящены Кирику Новгородцу в г. Ярославле, Л.Ф. Магницкому на его малой родине в г. Осташкове, а также Н.И. Лобачевскому и К.Э. Циолковскому в нескольких городах России [Павлова, 2017]. Реализованная таким образом персонификация городской среды вносит свой вклад в формирование гуманистических компонентов личности с опорой на фундаментальные общечеловеческие ценности [Methods of Using Cases..., 2021].

Иллюстрация 4. Фрески с изображением К.Э. Циолковского (слева) и П.Л. Чебышева (справа) в городе Боровске Калужской области (художник В.А. Овчинников)

В разных городах мира можно встретить памятники числам. Наиболее распространены те из них, которые посвящены числу «пи»: например, в Сиэтле перед зданием Музея искусств и в Парке скульптур штата Нью-Джерси (США), в Тольятти на Инженерной улице (зеленом холме) и в Волгограде перед Музеем занимательных наук Эйнштейна, в Минске (Беларусь) и Будве (Черногория).

Наиболее интересной средой для развития интеллектуальных возможностей как детей, так и взрослого населения выступают математические музеи и парки – в виде особых самостоятельных пространств или части других объектов. Самым известным математическим музеем является Национальный музей математики (MoMath) в Нью-Йорке. Математические экспонаты для изучения и экспериментирования можно встретить в музеях занимательных наук разных городов мира, включая Россию. Например, математический парк под открытым небом находится в Майкопе (Республика Адыгея) и представляет собой коллекцию арт-объектов, иллюстрирующих известные математические задачи и факты. Математический парк Рамануджана (Ramanujan Math Park) в Индии представляет собой одновременно музей и образовательный центр, ориентированный на практический метод обучения.

Население как целевая аудитория изменения городской среды в интересах устойчивого развития

Городские власти могут подойти к решению проблем эстетического характера с пользой для жителей и гостей города. Так, в финском городе Турку трубу ТЭС смогли трансформировать в арт-объект, изобразив на ней вышеупомянутую последовательность чисел Фибоначчи. Идея арт-инсталляции принадлежит итальянскому художнику М. Мерцу. В результате город приобрел новую местную достопримечательность. В темноте числа последовательности светятся, и просто невозможно не задаться вопросом, как образован представленный на трубе ряд чисел (1, 2, 2, 3, 5, 8, 13 и т.д.) и какой смысл он передает. С одной стороны, жители города получили памятник, но не самому Л. Фибоначчи, а числам, с которыми ассоциируется его имя. С другой стороны, благодаря данной инсталляции пытливый ум вовлекается в интеллектуальный поиск, который может быть впоследствии трансформирован в более глубокие математические исследования.

Соответствующий процесс, когда существующие или вновь созданные артефакты приобретают математические смыслы, можно назвать математизацией городской среды, и это всего лишь одно из возможных направлений ее развития и увеличения образовательного потенциала. Оно предполагает расширение возможностей заинтересовывать целевую аудиторию разными объектами и явлениями, которые отражают необычные и оригинальные достижения разных наук. В свою очередь, данный тренд соответствует целям устойчивого развития и может быть реализован только силами всех заинтересованных сторон.

К разработке интересных инновационных проектов следует привлекать научные и профессиональные сообщества, способные учесть разные факторы, включая роль интеллектуализации городской среды, т.е. такого ее наполнения, которое не будет оставаться вне внимания детей и взрослых и будет способствовать возникновению интереса к научному познанию и творческим практикам. Также необходимы «агенты», которые могут расшифровать смыслы, воплощенные в артефактах интеллектуальной городской среды, и реализовать ее образовательный потенциал. В этом отношении важна роль СМИ, которые могут информировать о существующих или создаваемых артефактах, а также работников учреждений культуры и педагогических коллективов образовательных учреждений основного и дополнительного образования, которые будут трансформировать интеллектуальный потенциал городской среды в человеческий капитал.

Педагогические практики, которые позволяют детям и взрослым активно взаимодействовать с городской средой – это различные городские квесты и игры (исторические, архитектурные, экологические и пр.), проекты по изучению различных сторон городской жизни («История улиц», «Городская среда», «Культурное наследие» и пр.); творческие (фотоэкспедиции и видеопроекты, зарисовки), социальные (по благоустройству и проектированию территорий; разработка экскурсионных маршрутов и проведение экскурсий; встречи со старожилами) и цифровые практики (раз-

работка интерактивных карт и чат-ботов для гостей города, ведение блогов и создание виртуальных экскурсий); интерактивные форматы (городские фестивали, мастер-классы, флешмобы и перформансы). Осуществленное в активной форме знакомство с интеллектуальными артефактами городской среды, «встречи» с известными деятелями прошлого и современности на улицах города и в ходе реализации вышеуказанных педагогических практик способствуют формированию чувства сопричастности ребенка к истории своей малой родины и его гражданской идентичности, стимулируют интерес к саморазвитию [Павлова, 2017].

Заключение

Интеллектуальное развитие личности, включающее формирование понятийного и логического мышления, проходит те же стадии, что прошло человечество в целом: от наблюдения за окружающим миром до его продуктивного изменения (преобразования) в доступных конкретному индивиду формах. В свою очередь, окружающая личность среда аккумулирует в себе пространственные координаты (какой вектор развития мне интересен), временные диапазоны (на территории современного города можно столкнуться как с прошлыми периодами, так и с современными трендами) и количественные параметры образовательных возможностей (разнообразные формы контактов), создавая различные условия для интеллектуального роста. Особое значение для этого имеет интеллектуальное пространство городской среды (или интеллектуальная городская среда), под развитием которого понимается улучшение условий для наращивания человеческого капитала и ведения инновационной деятельности.

Одним из компонентов интеллектуальной городской среды служат материальные и нематериальные артефакты. Они не возникают сами собой, а появляются в результате осознанных волевых решений высокоинтеллектуальных творческих личностей, отражая различные исторические эпохи и разные стороны жизни города.

Примеры высокоразвитых для своего времени городов с яркой историей, артефакты которых бережно сохранены для потомков, позволяют увидеть и осознать, что культурные и научно-образовательные средства развития личности взаимодополняют друг друга. Среди значимых факторов богатства и могущества средневековых городов можно отметить своевременное и успешное внедрение десятичной системы счисления (реализованное через написание отечественных учебников и последующее обучение по ним) и развернутую систему школ.

Представленные в исследовании математические артефакты на самом деле являются многофункциональными и в новых обстоятельствах могут быть рассмотрены под другим углом зрения, значимым для решения задач интеллектуального развития личности. Однако в целом при формировании и модернизации городской среды следует помнить о возможных направлениях ее математизации и интеллектуализации. Интеллектуально насыщенная городская среда способствует как

умственному, так и нравственному развитию его жителей. Повышение интеллектуального уровня горожан, в свою очередь, позволяет им принимать оптимальные решения по организации пространства своего города, обеспечивая баланс между сохранением культурного наследия и привлечением новых технологий для решения задач в условиях возникающих вызовов.

Список литературы

1. Город для детей: способ улучшения городской среды или оздоровления общества? // Проект Россия. – 2020. – URL: <https://prorus.ru/interviews/gorod-dlya-detej-sposob-uluchsheniya-gorodskoj-sredy-ili-priem-ozdorovleniya-obshchestva/> (дата обращения 30.06.2025).
2. Зaborova Е.Н. Городская среда как фактор развития человеческого капитала // Управленец. – 2017. – № 6 (70). – С. 65–71.
3. Интеллект // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/intellekt-47cb87> (дата обращения 30.06.2025).
4. На фасаде церкви в Пизе нашли числа Фибоначчи // Дилетант. – 2015. – URL: <https://diletant.media/news/26025863/> (дата обращения 30.06.2025).
5. Павлова О.А. Использование регионального материала при решении воспитательных задач средствами истории математики // Математика в школе. – 2017. – № 4. – С. 1–8.
6. Под знаком божественной пропорции. Город в XVI веке // Республика Святого Марка. – 2024. – URL: https://vk.com/wall-77048542_1803 (дата обращения 30.06.2025).
7. Ревянкина Н.В. Гуманизм и городские школы Италии XV в. // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2019. – Вып. 55. – С. 94–109.
8. «Свадьба века» ознаменовала торжество олигархии // РИА Новости. – 2025. – URL: <https://ria.ru/20250630/prizrak-2026148777.html> (дата обращения 30.06.2025).
9. Семенюта Н.Ф. «Liber abaci» – великий труд великого математика // Академия тринитаризма. – 2022. – URL: <https://trinitas.ru/rus/doc/0232/009b/1325-sm.pdf> (дата обращения 30.06.2025).
10. Florida R. The New Urban Crisis: How Our Cities Are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class – and What We Can Do About It. – Hachette, UK: Basic Books, 2017. – 336 p.
11. Henderson V. The urbanization process and economic growth: the so-what question // Journal of Economic Growth. – 2003. – Vol. 8. – P. 47–71.
12. Methods of Using Cases from the Life of Outstanding Mathematicians in the Training of Future Teacher / Pavlova O.A., Zaripova Z.F., Zagitova L.R., Zakirova V.G. // Eurasia Journal of Mathematics. Science and Technology Education. – 2021. – Vol. 17, N 10. – P. 1–10.

MATHEMATICAL POTENTIAL OF THE URBAN ENVIRONMENT FOR INTELLECTUAL DEVELOPMENT

Pavlova O.A.

PhD (Ped. Sci.), Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Preschool, Primary and Special Education at the Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russia); oksanapav@yandex.ru

Abstract. The article examines existing artifacts of the intellectual space of cities around the world from the point of view of their influence on the mental and moral development of the individual. Historical and modern practices of mathematization of the urban environment are analyzed. Examples of using the educational potential of mathematical artifacts are presented. Promising directions and possibilities of the intellectual urban environment for solving educational problems are determined. The importance of a conscious attitude to the possibilities of intellectualization of the urban environment in the interests of sustainable development is postulated.

Keywords: intellectual development; mathematical artifacts; educational potential; urban environment.

For citation: Pavlova O.A. Mathematical potential of urban environment for personal intellectual development // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 3. – P. 145–159.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.09

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

УДК 314.92:316.42(470.41)"2030"

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «УМНОГО ГОРОДА» ИННОПОЛИСА

Хурамшина Айгюль Зуфаровна

Кандидат социологических наук, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия);
aigulsuf@mail.ru

Талибова Фарида Тагировна

Научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия);
efar.galimova@yandex.ru

Рустамова Гульшат Махмудовна

Младший научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия);
rustamova.gulshat@inbox.ru

Аннотация. В статье в рамках теоретико-методологической концепции «умного города» анализируются социально-демографические характеристики молодого города России – Иннополиса. На основе открытых статистических данных описаны и рассчитаны социально-демографические показатели Иннополиса, а также прогнозные оценки численности его населения

в сравнении с целевыми показателями Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г.

Ключевые слова: Иннополис; Республика Татарстан; «умный город»; городские интеллектуальные пространства; социально-демографические характеристики.

Для цитирования: Хурамшина А.З., Талибова Ф.Т., Рустамова Г.М. Демографические характеристики «умного города» Иннополиса // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 160–171.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.10

Рукопись поступила 31.05.2025.

Принята к печати 15.08.2025.

Введение

На сегодняшний день более 75% населения России проживают и ведут активную социально-экономическую деятельность в городах. Привлекательность городов объясняется разнообразной, по сравнению с сельскими поселениями, трудовой занятостью, развитой инфраструктурой, культурным и социальным многообразием, образовательными и научными возможностями. В современных условиях, когда цифровая экономика и инновации становятся неотъемлемой частью жизни общества, «умная» городская среда, учитывающая потребности и обеспечивающая комфорт жителей, упрощая повседневные практики, выдвигается на передний план.

Согласно концепции Smart City, современные технологии должны удовлетворять потребности жителей города и делать их жизнь максимально комфортной. Развитие по модели Smart City может быть только долгосрочным, поскольку требует комплексности [Ишкинеева, Озерова, Ишкинеева, 2021, с. 147].

Парадигма «умного города» появилась в 1900-е годы в качестве инновационной концепции городского планирования и благоустройства [Патракеева, 2022]. В 1980-е годы фокус сместился на использование городскими службами ИКТ и оказание услуг в электронном виде [Graham, Marvin, 1996]. Исследования современных ученых подчеркивают необходимость комплексного подхода к разработке и реализации инициатив «умного города», которые учитывают как технологические, так и социальные факторы. В. Альбино, У. Берарди и Р. Данжелико в своей работе 2015 г. особое внимание уделили тому, что модель «умного города» не сводится только к распространению информационно-коммуникационных технологий, но исходит из нужд людей, непо-

средственно создающих город путем перманентных взаимодействий. Развитие по данной модели требует «интеграции технологий, социальных аспектов и устойчивого управления [Albino, Berardi, Dangelico, 2015]. Развитие цифровой социологии¹ предоставляет нам дополнительные возможности изучения таких сложных объектов, как «умный город» [Рустамова, 2023].

В настоящее время по всему миру создаются или модернизируются существующие «умные» города. Они имеют миллиардные бюджеты и отличаются сложностью и дороговизной в обслуживании. Следует отметить, что на сегодняшний день существует несколько методик оценки уровня цифрового развития города. Кроме того, ежегодно рассчитываются международные и российские рейтинги «умных» городов².

Формирование и развитие интеллектуальных пространства «умных» городов является инновационным процессом. В связи с этим актуально его многостороннее рассмотрение и описание. С социологической точки зрения важно изучение городского интеллектуального пространства как социально-демографической системы.

Республика Татарстан отличается высоким уровнем цифровизации и соответствующей компетенцией жителей [Хайруллина, 2023; Хурамшина, 2022]. Уникальное многообразие этносов и конфессий Республики Татарстан отражается на динамике условных и реальных поколений [Динамика..., 2019]. В свою очередь, состояние городской среды влияет на демографическую ситуацию.

В настоящей работе представлены результаты анализа демографических показателей самого молодого «умного» города России – Иннополиса.

Инфраструктура Иннополиса

Город Иннополис (Верхнеуслонский район Республики Татарстан) образован на месте бывшей деревни Елизаветино, в 40 км от Казани при слиянии рек Волга и Свияга. В России это самый молодой «умный город»: «в 2014 г. Иннополис официально был зарегистрирован как город, а официальное открытие города состоялось в 2015 г.» [Иннополис..., 2020].

Градообразующим для Иннополиса является Университет Иннополис. В настоящее время в нем занято 2740 человек, из которых 1200 человек – сотрудники вуза [Университет Иннополис за год нанял 200 новых сотрудников, 2023], а 1540 – студенты из 31 страны прибытия [Об университете, 2025].

¹ Термин «цифровая социология» впервые был использован американским ученым Дж. Уинном в работе «Digital sociology: emergent technologies in tire field and the classroom». В статье автор раскрывал роль информационно-коммуникационных технологий и новых медиа в расширении возможностей для преподавания социологии и проведения социологических исследований [Wynn, 2009, p. 450].

² Например, по итогам 2024 г. Москва заняла четвертое место в мировом рейтинге технологического и пространственного развития (Urban & Innovation Environment Index), а в рейтинге инновационной привлекательности мировых городов HSE Global Cities Innovation Index 2024 – девятое место [Москва обошла Шанхай, Токио и Сингапур ..., 2024].

Инфраструктура Иннополиса, созданного в качестве центра инновационных технологий и образования, представляет собой систему, направленную на поддержку стартапов и высокотехнологичных компаний. Ключевыми элементами инфраструктуры этого «умного города» являются следующие.

1. Технологический парк – включает в себя офисные площади, исследовательские лаборатории и бизнес-инкубаторы. Здесь работают более 100 компаний, занимающихся разработками в сфере ИТ и высоких технологий. Технопарк предлагает услуги по поддержке стартапов, включая менторство и доступ к инвестициям [Организации и услуги, 2025].
2. Образовательные учреждения. В Иннополисе расположен «Университет Иннополис», который предлагает программы бакалавриата и магистратуры в области информационных технологий и инженерии. Университет активно взаимодействует с ИТ-индустрией, что позволяет студентам проходить практику и участвовать в реальных проектах [Образование, исследования и разработки в ИТ и робототехнике, 2025].
3. Жилые районы города представляют собой современные комплексы с многоквартирными домами, оборудованными всем необходимым для комфортного проживания. В Иннополисе созданы благоустроенные дворы, а также предусмотрены зоны для отдыха и детские площадки.
4. Социальные объекты. В Иннополисе функционируют две школы, два детских сада и 14 медицинских учреждений. Это создает полноценную инфраструктуру для жизни семей с детьми.
5. Транспортная инфраструктура. Город обладает развитой системой автомобильных дорог, велосипедных дорожек и пешеходных зон, что обеспечивает удобный доступ к различным частям города. Иннополис также связан с крупными транспортными узлами Татарстана [Организации и услуги, 2025].
6. Цифровая инфраструктура. Высокоскоростной Интернет и современные телекоммуникационные услуги играют ключевую роль в развитии бизнеса в Иннополисе. Это обеспечивает возможность эффективного взаимодействия между компаниями и их клиентами.
7. Экологическая инфраструктура включает в себя зеленые зоны, парки и скверы, способствуя созданию комфортной городской среды. Город реализует проекты по управлению отходами и энергосбережению, что подтверждает его стремление к экологической устойчивости [Организации и услуги, 2025].

Инфраструктура Иннополиса не только способствует развитию инновационной экономики и бизнеса, но и обеспечивает комфортность проживания.

Динамика населения Иннополиса

Изменение численности населения города происходило волнообразно, вместе с развитием инфраструктуры, социально-экономического и образовательного секторов. Город начал запол-

няться жителями с 2015 г., первая зарегистрированная численность – десять человек. За десять лет количество официально зарегистрированных местных жителей увеличилось в 445 раз (рис. 1).

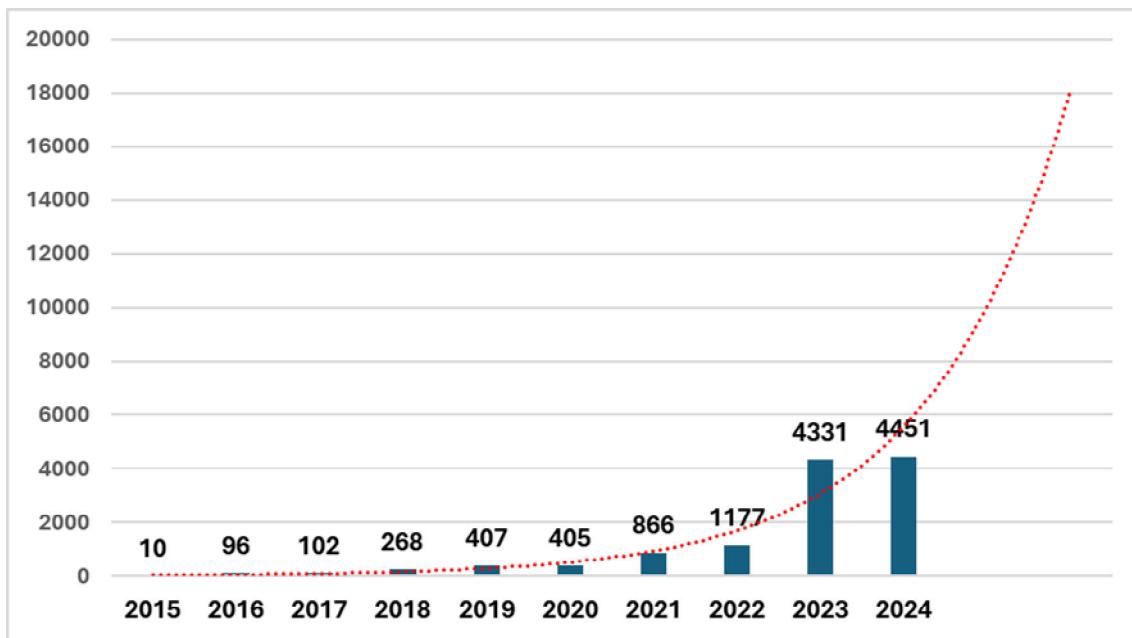

Рис. 1. Изменение численности населения г. Иннополиса в 2015–2024 гг., человек

Источник: составлено авторами по: [Численность населения Верхнеуслонского района..., 2022; Численность населения муниципальных образований..., 2025; Возрастно-половой состав..., 2023; Возрастно-половой состав..., 2024].

Линия тренда, позволяющая рассчитать прогноз изменения численности населения города, демонстрирует рост населения, что также отражено в оценках экспертов и руководства города [Численность жителей Иннополиса..., 2022].

Важной социально-демографической категорией для Иннополиса является дневное население. Дневное население – «это совокупность людей, находящихся на данной территории в дневное время суток. Оно складывается из постоянного и временного населения, пребывающего в течение дня на этой территории» [Постановление Правительства Москвы..., 2000]. По данным на 2024 г., дневное население города Иннополиса составляло около 7800 человек (включая официально зарегистрированное население), которые проходили обучение в университете или осуществляли трудовую деятельность [В Иннополисе..., 2024]. Дневное население формируется, в том числе, за счет мятниковской миграции сотрудников и обучающихся из близлежащих населенных пунктов, а также из столицы региона. Ежедневно из Казани в Иннополис отправляются 15 автобусных рейсов с общей вместимостью около 600 человек [Расписание автобусов..., 2025].

Половозрастная структура населения Иннополиса

Численность населения города, по данным на начало 2024 г., составляет 4451 человек [Численность населения Российской Федерации..., 2024]. Следовательно, доля жителей, занятых в Университете Иннополис составляет 61,6% от общего количества проживающих в городе. Таким образом, Иннополис можно отнести к категории моногородов.

Примечательно, что средний возраст населения – 26,6 лет, – что демонстрирует важность Университета Иннополис как основного фактора, привлекающего в город молодых людей.

Половозрастной состав населения характеризуется превалированием представителей мужского пола в возрасте 20–24 лет, что составляет 18% от общего числа проживающих в городе и 29% от численности мужского населения (рис. 2). Для сравнения, по Республике Татарстан в целом эта половозрастная группа составляет 5,2% от общего количества мужчин и 2,4% – от общей численности населения [Возрастно-половой состав..., 2024].

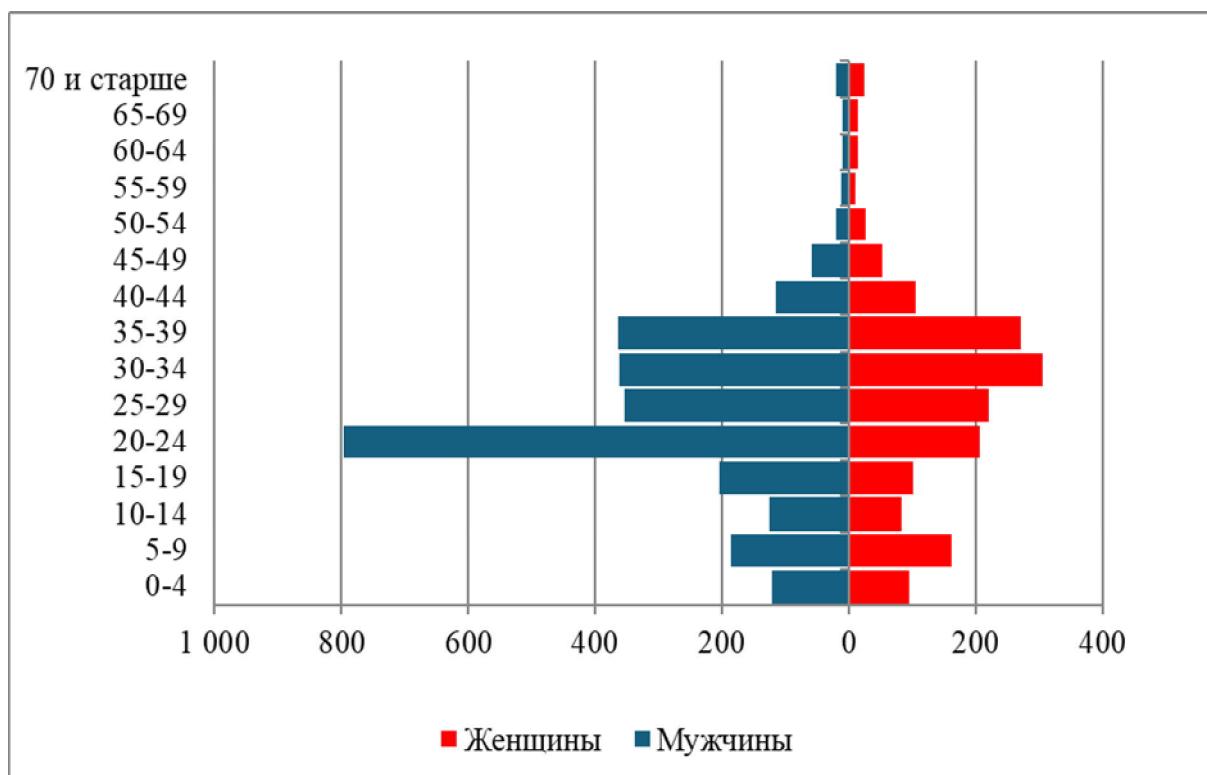

Рис. 2. Половозрастная пирамида населения г. Иннополиса на начало 2024 г., человек

Источник: составлено авторами по: [Численность населения..., 2024].

Рождаемость и смертность в Иннополисе

В свете демографических вызовов, стоящих как перед Россией в целом, так и перед ее регионом, важной является оценка демографического потенциала города. За 2023 г. общий коэффици-

ент рождаемости¹ в городе Иннополисе составил 3,23%, что на 4,7% меньше, чем по Верхнеуслонскому району в целом и на 5,9% меньше, чем по Республике Татарстан.

Более того, показатель рождаемости с 2021 по 2023 г. сократился на 26% (рис. 3).

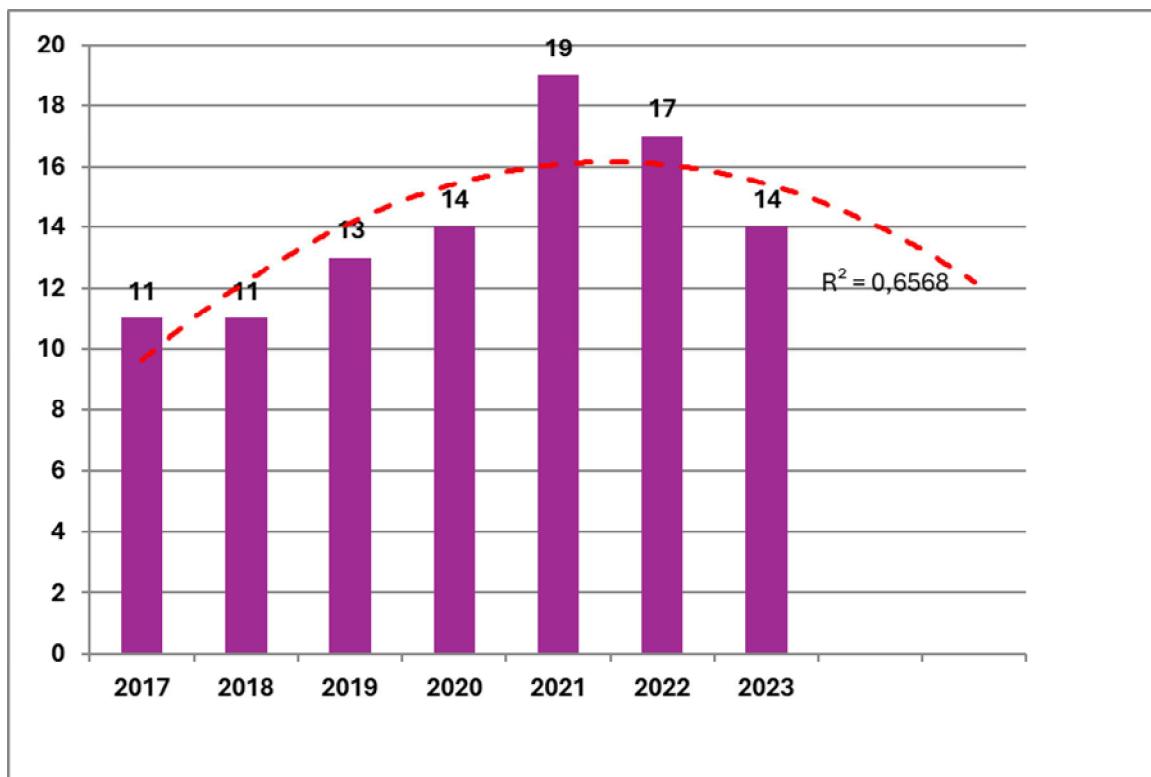

Рис. 3. Динамика рождаемости в Иннополисе в 2017–2023 гг., человек

Источник: составлено авторами по: [Число родившихся..., 2024].

Линия тренда, позволяющая сделать прогноз показателя на следующий год, демонстрирует падение, что в целом вписывается в общую картину последних лет (рис. 3). Это можно объяснить следующими причинами. Структура населения Иннополиса демонстрирует превалирование мужского населения, преимущественно в возрасте, который россияне считают ранним для вступления в брак и рождения детей. По данным за 2023 г., в Республике Татарстан мужчины чаще всего заключали браки в возрасте 25–29 лет, а женщины чаще выходили замуж в 20–24 года [Демографический доклад..., 2024]. Также мы наблюдаем относительно незначительную численность женщин в возрасте 15–49 лет (репродуктивного возраста в соответствии с методикой расчета) в Иннополисе: по данным на начало 2024 г., она составляет 1263 человека, или 28,4% от общего количества зарегистрированных в городе человек и 78% от общего количества женщин в структуре населения

¹ Оценен авторами по формуле:

$$n = \frac{N}{T \cdot P} * 1000 (\text{в \%});$$

где N – число рождений в течение периода T лет (T = 1 год),
P – средняя численность населения,
n – общий коэффициент рождаемости.

города [Возрастно-половой..., 2024]. Учитывая характер экономики рассматриваемого города, можно предположить высокий уровень образования большей части женского населения. Существует ряд исследований, которые фиксируют корреляцию между снижением рождаемости и повышением уровня образования женщин [Архангельский, Шульгин, Зинькина, с. 547]. Таким образом, для города характерна относительно малая доля женщин fertильного возраста с высоким уровнем образования, которые не торопятся к исполнению роли матери.

По данным за 2023 г., в Иннополисе не было зарегистрировано ни одной смерти, в предыдущих 2022 и 2021 гг. – зафиксировано по одному смертельному случаю [Решение Совета муниципального образования..., 2023].

Таким образом, рассчитывать общий коэффициент смертности не является целесообразным. Показатели рождаемости в городе превышают показатели смертности и демонстрируют поступательный естественный прирост населения при наметившемся тренде падения коэффициента рождаемости.

Брачность и бракоспособное население Иннополиса

Более половины населения города (75,8%) – это мужчины и женщины бракоспособного возраста. Среди мужчин – это 2106 человек (47%), среди женщин – 1266 человек (28%). Такой разрыв – особенность социально-демографического распределения мужчин и женщин в структуре населения Иннополиса. На 1000 мужчин бракоспособного возраста в городе приходится 601 женщина [Возрастно-половой..., 2024]. Для Верхнеуслонского района и Республики Татарстан в целом характерна иная картина: женское население бракоспособного возраста превалирует. Такая специфика половозрастного состава официально зарегистрированного в Иннополисе населения объясняется структурой занятости. Как было показано ранее, это моногород, в котором занятость населения обеспечивается Университетом Иннополис, специализирующимся на ИТ-технологиях. В этой сфере экономики традиционно задействованы именно молодые мужчины до 35 лет [Калитко, 2023].

Известно, что в 2016 г. в Иннополисе были зарегистрированы три брака, в 2017 г. – семья, в 2018 г. – четыре [Власти Иннополиса..., 2019]. Следовательно, за 2016–2018 гг., благодаря заключенным бракам, бракоспособное население города уменьшилось всего лишь на 0,8%. Данные о количестве зарегистрированных браков в Иннополисе в 2019–2024 гг. в открытых источниках не представлены.

Прогноз численности населения Иннополиса и факторы влияния

Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан предусматривает, что до 2030 г. в Иннополисе «численность студентов достигнет 5000 человек, а численность населения

всего города – 155 тыс. человек, из них 60 000 высококвалифицированные специалисты» [Стратегия социально-экономического развития..., 2015].

Учитывая актуальную численность населения города Иннополиса на начало 2024 г. (4451 человек) и средний прирост населения (444 человека в год) можно сделать прогноз численности населения города к 2030 г. в количестве 7115 человек. Для того, чтобы достигнуть показателя численности населения города, запланированной в Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г., ежегодный прирост населения, начиная с 2025 г., должен составлять более 25 тыс. человек.

Обращая внимание на характерную для России в целом и Республики Татарстан в частности тенденцию увеличения численности населения благодаря миграционному приросту, рассмотрим такие показатели миграции, как число прибытий и убытий.

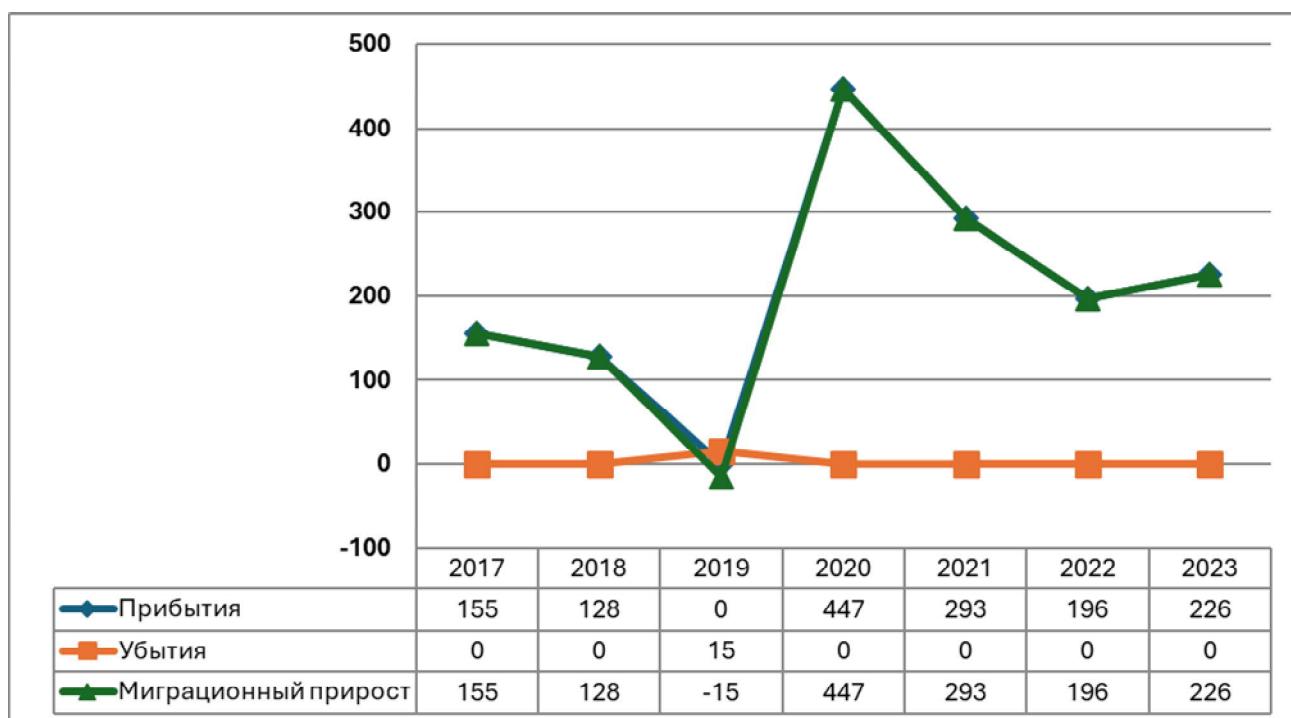

Рис. 4. Показатели миграции для г. Иннополиса в 2017–2023 гг., человек

Источник: составлено авторами по: [Миграционный прирост..., 2024].

В последние семь лет миграционный прирост в Иннополисе демонстрирует положительную динамику: количество прибытий превышает количество убытий (рис. 4). Однако масштабы миграционного прироста недостаточны для интенсивного увеличения численности населения города. Нужно помнить и о рисках, которые влечет за собой интенсификация иммиграции: культурных, языковых, духовных, политических, экологических, конфессиональных, информационных и др. [Зинурова, Фатхулина, 2020, с. 58].

Вместе с тем «умный город» Иннополис имеет все перспективы для дальнейшего демографического развития. Этому способствует инфраструктурная обеспеченность и половозрастная

структурой. Следует отметить и социально-психологическую привлекательность города. По результатам исследования казанских социологов, большинству опрошенных (72%) ближе образ Иннополиса как города, где они хотели бы жить и работать. Рассчитанный ими индекс счастья достаточно высокий и составляет 82,5 пункта, что на 20,5 пунктов выше среднего индекса по России в целом [Ишкинеева, Озерова, Ишкинеева, 2021].

Заключение

Иннополис представляет собой молодой, интенсивно развивающийся моногород, в котором занятость основной массы населения обеспечивает Университет Иннополис, специализирующийся на ИТ-направлении. Данный фактор определяет ряд специфических черт демографического положения в городе:

- половозрастная структура населения с относительным преобладанием молодых мужчин;
- значительное преобладание мужчин над женщинами в бракоспособном возрасте;
- низкая смертность;
- низкая рождаемость по сравнению с показателями муниципального образования и региона в целом;
- интенсивная маятниковая миграция;
- значимость феномена дневного населения;
- прирост численности населения за счет миграции, а не естественного прироста.

В целях комплексного развития Иннополиса в рамках реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г. необходимо учитывать текущую демографическую ситуацию в городе, способствовать не только созданию комфортной городской среды и благоприятной социально-экономической ситуации для жителей города, но и привлекать в «умный город» новых жителей. Иннополис не может развиваться в отрыве от муниципального района, республики и всей страны. В то же время он может стать точкой притяжения, открытой для межрегиональных, российских и международных миграционных потоков.

Список литературы

1. Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2020. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnoe-povedenie-rossiyskih-zhenschin-v-zavisimosti-ot-obrazovatelnogo-statusa> (дата обращения 30.07.2025).
2. В Иннополисе реализуются инвестиционные проекты на более чем 22 млрд рублей // Официальный Татарстан. – 2024. – 19.03. – URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/2289522.htm> (дата обращения 20.02.2025).
3. Власти Иннополиса будут регистрировать браки и рождение детей // Татар-Информ. – 2019. – 29.04. – URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/vlasti-innopolisa-budut-registrirovat-braki-i-rozhdenie-detey-649037> (дата обращения 15.02.2025).
4. Возрастно-половой состав населения городских округов и муниципальных районов Республики Татарстан на начало 2023 г.: статистический сборник // Татарстанстат. – 2023. – URL: [https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%92%D0%9F%D0%A1-2023\(1\).docx](https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%92%D0%9F%D0%A1-2023(1).docx) (дата обращения 20.02.2025).

5. Возрастно-половой состав населения городских округов и муниципальных районов Республики Татарстан на начало 2024 г.: статистический сборник // Татарстанстат. – 2024. – URL: <https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BPS-2024.docx> (дата обращения 20.02.2025).
6. Динамика демографических показателей в муниципальных образованиях Республики Татарстан / Гневашева В.А., Талибова Ф.Т., Хайруллина Ю.Р., Хурамшина А.З. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2024. – 72 с.
7. Зинурова Р.И., Фатхуллина Л.З. Миграционные процессы и риски в регионе // Управление устойчивым развитием. – 2020. – № 4 (29). – С. 56–61.
8. Иннополис. Город районного значения в Республике Татарстан // TATARICA. – 2020. – URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/municipalnye-obrazovaniya/gorodskie-poseleniya/innopolis> (дата обращения 14.08.2025).
9. Ишкнеева Ф.Ф., Озерова К.А., Ишкнеева Г.Ф. Образ «Умного города» Иннополис: концепты и повседневность // Вестник Института социологии. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-umnogo-goroda-innopolis-kontsepty-i-povsednevnost> (дата обращения 03.02.2025).
10. Калитко С.А., Ефимиади Л.К. Гендерные и возрастные особенности стиля управления в сфере информационных технологий // Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – № 5 (49). – С. 403–406.
11. Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиглантоконфессиональном обществе / Максимова О.А., Беляев В.А., Нагматуллина Л.К. [и др.]. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Бук», 2019. – 158 с.
12. Миграционный прирост в г. Иннополис 2017–2023 гг. // Федеральная служба государственной статистики. – 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst92/DBInet.cgi> (дата обращения 15.02.2025).
13. Москва обошла Шанхай, Токио и Сингапур в рейтинге самых технологичных городов мира // TRASHBOX. – 2024. – 24.12. – URL: <https://trashbox.ru/link/2024-12-24-oboshla-shanhaj-tokio-i-singapur> (дата обращения 22.02.2025).
14. Ершов А.Н., Ахметова Э.Ш. Направления регулирования экосистемы моногорода как фактора повышения качества жизни населения // Регионология. – 2015. – № 2 (91). – С. 49–55.
15. Об университете // Университет Иннополис. – URL: <https://innopolis.university/about/> (дата обращения 23.02.2025).
16. Образование, исследования и разработки в ИТ и робототехнике // Университет Иннополис. – URL: <https://innopolis.university> (дата обращения 23.02.2025).
17. Организации и услуги // Иннополис. – URL: <https://innopolis.ru/ru> (дата обращения 23.02.2025).
18. Патракеева О.Ю. «Умный город»: концепции, вызовы, тенденции развития // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 125–136.
19. Постановление Правительства Москвы от 29 февраля 2000 г. № 154 «О Программе регулирования миграции в г. Москве на 2000–2001 годы» // ГАРАНТ. – 29.02. – 2000. – URL: <https://base.garant.ru/373632/59024ce80075e0ec41eba94e1d33ae69/> (дата обращения 15.02.2025).
20. Расписание автобусов // Иннополис. – URL: [URL:https://www.innopolis.com/ru/city/bus-schedule](https://www.innopolis.com/ru/city/bus-schedule) (дата обращения 15.02.2025).
21. Решение Совета муниципального образования «город Иннополис» Верхнеуслонского муниципального района Республики Татарстан от 27.10.2023 № 24–135 «О прогнозе социально-экономического развития муниципального образования «город Иннополис» Верхнеуслонского муниципального района Республики Татарстан на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // Официальный Татарстан. – 2023. – 27.10. – URL: https://verhniyuslon.tatarstan.ru/normativno-pravovie-akti.htm?pub_id=3920124 (дата обращения 15.02.2025).
22. Рустамова Г.М. Отдельные тенденции институализации отечественной цифровой социологии на примере эволюции деятельности издания «цифровая социология» // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. – 2023. – № 24. – С. 141–150.
23. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года // Министерство экономики Республики Татарстан. – 2015. – URL: <https://mert.tatarstan.ru/strategiya-sotsialno-ekonomiceskogo-razvitiya.htm> (дата обращения 15.02.2025).
24. Университет Иннополис за год нанял 200 новых сотрудников // Бизнес Онлайн. – 2023. – 9.06. – URL: <https://mkam.business-gazeta.ru/news/596783> (дата обращения 23.02.2025).
25. Хайруллина Ю.Р., Гарипова Р.Р., Хайруллин Р.Р. Цифровая компетентность населения Республики Татарстан (на материалах конкретных социологических исследований) // Ценности личности и общества в условиях геополитической турбулентности и постглобализационного мира: традиции и новации: сборник научных трудов I Международного конгресса социально-политических исследователей тюркского мира, Казань, 26–27 октября 2023 года. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2023. – С. 72–76.
26. Хурамшина А.З., Хурамшин И.Г. Социализация личности к цифровизации туризма // Влияние пандемии и ценностей цифрового трансгуманизма на перспективы развития сферы услуг: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 03 марта 2022 года. – Казань: Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2022. – С. 142–145.
27. Численность жителей Иннополиса до 2025 года вырастет до 15 тысяч человек // Коммерсантъ. – 2022. – 13.12. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5720159> (дата обращения 20.02.2025).
28. Численность населения Верхнеуслонского муниципального района Республики Татарстан с 2011–2021 гг. // Росстат. – 2022. – URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst92/DBInet.cgi> (дата обращения 20.02.2025).
29. Численность населения муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан на начало 2022 г. и в среднем за 2021 г. // Татарстанстат. – 2025. – 8.04. – URL: [https://tukay.tatarstan.ru/chislenost-naseleniya-munitsipalnih-rayonov-i.htm](https://tukay.tatarstan.ru/chislennost-naseleniya-munitsipalnih-rayonov-i.htm) (дата обращения 20.02.2025).

30. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года: статистический бюллетень // Федеральная служба государственной статистики. – 2024. – 20.12. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO-2024.xlsx (дата обращения 20.02.2025).
31. Число родившихся (без учета мертворожденных) в Верхнеуслонском муниципальном районе с 2017–2023 гг. // Росстат. – 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst92/DBInet.cgi>(дата обращения 20.02.2025).
32. Albino V., Berardi U., Dangelico R.M. Smart cities: definitions, dimensions, performance, and initiatives // Journal of Urban Technology. – 2015. – N 22(1). – P. 3–21.
33. Graham S., Marvin S. Telecommunications and the city: electronic spaces, urban places. – London: Routledge, 1996. – 456 p.
34. Wynn J. Digital sociology: emergent technologies entire field and the classroom // Sociological Forum. – 2009. – № 24 (2). – C. 448–456.

DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE INNOPOLIS SMART CITY

Khuramshina A.Z.

PhD (Sociol. Sci), Director, Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russia); aigulsuf@mail.ru

Talibova F.T.

Researcher, Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
far.galimova@yandex.ru

Rustamova G.M.

Junior researcher, Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russia); rustamova.gulshat@inbox.ru

Abstract. The article analized the socio-demographic characteristics of a young city of Russia – Innopolis – within the framework theoretical and methodological concepts of a «smart city». Based on open statistical data, the socio-demographic indicators of Innopolis are described and calculated, as Well as the forecast estimates of the population in comparison with the target indicators of the Strategy for socio-economic development of the Republic of Tatarstan until 2030.

Keywords: Innopolis; Republic of Tatarstan; Smart City; urban intellectual spaces; socio-demographic characteristics.

For citation: Khuramshina A.Z., Talibova F.T., Rustamova G.M. Demographic characteristics of the Innopolis “smart city” // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 3. – P. 160–171.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.10

УДК 374.3:316.35(470.62\67)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ЦИФРОВОЙ ДИСКУРС И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ¹

Гапич Александр Эрикович

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных инноваций ФГАОУ ВО Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Россия);
eversor@mail.ru

Шаповалов Алексей Викторович

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных инноваций ФГАОУ ВО Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Россия);
alex-shapoval@yandex.ru

Аннотация. В работе вводится авторское определение интеллектуальных траекторий молодежи Северного Кавказа как нелинейных, полифункциональных и динамически формируемых стратегий саморазвития, основанных на когнитивных, образовательных и коммуникативных компетенциях. Интеллектуальные траектории выражаются в практиках волонтерской и проектной деятельности, участия в цифровых инициативах, создании образовательного и информационного контента, в онлайн-дебатах и интеллектуальных играх. Цифровой дискурс молодежи региона насыщен проблемами социальной справедливости, межэтнических отношений и профессионального самоопределения. Полученные результаты подчеркивают тенденцию роста интеллектуальной самостоятельности, критического мышления и социальной мобильности молодежи Северного Кавказа в условиях доминирования цифровых каналов коммуникации. Сделан вывод о

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания FSRN-2025-0010 «Маркирование и классификация политических ориентиров молодежи Северного Кавказа в социальных медиа» при поддержке Минобрнауки России.

формировании зрелой и ответственной интеллектуальной среды в макрорегионе, интегрирующей локальные традиции и глобальные тренды.

Ключевые слова: интеллектуальные траектории; цифровая социализация; молодежь; Северный Кавказ.

Для цитирования: Гапич А.Э., Шаповалов А.В. Интеллектуальные траектории и политические ориентиры молодежи Северного Кавказа: цифровой дискурс и социальные практики // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 172–186.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.11

Рукопись поступила 08.07.2025.

Принята к печати 09.08.2025.

Введение

В условиях стремительного развития цифровых технологий и распространения социальных медиа интеллектуальная среда молодежи также интенсивно трансформируется, приобретая принципиально новые формы и смыслы. Социальные сети становятся не только пространством развлечения и коммуникации, но и важнейшим инструментом для формирования политических взглядов, выработки гражданской позиции, развития критического мышления и самоидентификации молодых людей. Особенно ярко эти процессы проявляются в многонациональных и поликультурных регионах, к числу которых относится Северный Кавказ.

Молодежь региона традиционно характеризуется высокой вовлеченностью в процессы культурной и политической социализации, в том числе под воздействием семейных, религиозных и этнических институтов. Однако современная интеллектуальная среда формируется не только под воздействием локальных традиций, но и глобальных тенденций. Социальные медиа становятся ареной столкновения и интеграции различных ценностных систем, новых форм гражданской активности и политического самовыражения, которые требуют особого внимания со стороны исследователей и практиков молодежной политики.

В последние годы именно в онлайн-среде молодежь Северного Кавказа активно вырабатывает индивидуальные и коллективные траектории интеллектуального и политического развития. Здесь происходят не только потребление и распространение информации, но и маркирование, артикуляция и классификация политических ориентиров, выражющихся в самоописаниях, дискуссиях, тематических сообществах и даже мемах. В результате социальные медиа оказываются свое-

образным катализатором формирования новой идентичности, гражданских установок и паттернов участия в общественной жизни.

Актуальность обращения к данному феномену обусловлена несколькими факторами. Во-первых, налицо усиливающаяся поляризация информационного пространства и усложнение процессов идентификации молодежи на фоне одновременного воздействия глобальных и локальных дискурсов. Во-вторых, политические и гражданские ориентации молодежи все чаще формируются не в традиционных институтах социализации, а в гибридных цифровых средах, ключевую роль в которых играют горизонтальные связи, неформальные лидеры мнений, цифровые сообщества и системы искусственного интеллекта. В-третьих, недостаточная изученность именно региональных аспектов цифровой интеллектуальной среды обуславливает важность анализа особенностей Северного Кавказа как уникального полиэтнического пространства.

Целью настоящей статьи является анализ интеллектуальных траекторий и политических ориентиров молодежи Северного Кавказа на основе эмпирических данных, полученных в результате комплексного исследования цифрового дискурса и социальных практик в новых медиа. Особое внимание уделяется тому, как с помощью виртуальных сетей осуществляется маркирование и классификация политических установок, какие типы идентичностей и сценариев социально-политического участия складываются в молодежной среде и каким образом взаимодействуют традиционные и инновационные элементы интеллектуальной среды региона.

Проведенное исследование позволило не только выявить специфику цифрового самоопределения молодежи Северного Кавказа, но и предложить направления для развития интеллектуальной среды, способствующей формированию зрелой, ответственной и социально активной молодежи макрорегиона в условиях современной России.

Цифровая социализация как производство интеллектуального опыта

Теоретическая основа исследования базируется на синтезе современных подходов к изучению цифровой социализации, формирования политической идентичности и развития интеллектуальных траекторий молодежи в условиях глобальных сетевых трансформаций.

Основным аналитическим понятием выступает цифровая среда как пространство не только передачи информации, но и продуцирования новых форм интеллектуального и политического опыта молодежи [Livingstone, 2019]. Цифровые платформы в последние годы превратились в основное поле самоидентификации и социальной интеграции молодых поколений [Кондаков, Костылева, 2019]. Современные исследования фиксируют, что социальные сети оказывают комплексное влияние на самоописание, ценностные ориентиры, паттерны участия в общественной жизни и освоение критического мышления [Михайлов, Чагин, 2023].

Концепция сетевой социализации раскрывает механизмы образования горизонтальных сообществ, которые, в отличие от традиционных вертикальных структур, позволяют молодежи экспериментировать с идентичностью и политическими ролями, а также осваивать практики гражданской активности [Granovetter, 1973]. Особое значение в этом контексте приобретают концепции цифрового гражданства, в которых онлайн-участие рассматривается как самостоятельный канал политической социализации и выработки новых моделей социального взаимодействия [Островский, Мамедов, Островская, 2021].

Многочисленные современные эмпирические исследования свидетельствуют, что социальные медиа радикально расширяют возможности молодежи к формированию интеллектуальных и политических траекторий за счет низких барьеров входа, многообразия источников информации, интерактивных форматов взаимодействия и высокой скорости изменения медиа-ландшафта [Башева, 2020]. Появляются также и новые практики маркирования и самоописания политических позиций, в которых традиционные бинарные деления «консерватор – либерал» вытесняются множественными гибридными идентичностями и ситуативными альянсами [Клещенко, 2021].

Особую значимость приобретает анализ цифрового дискурса как среды, в которой происходит публичное артикулирование ценностей, норм и политических установок через мемы, флешмобы, онлайн-кампании и символическую самоидентификацию [Сырбу, 2023]. Современные медиа позволяют молодежи создавать уникальные паттерны коллективного действия, объединяясь вокруг локальных, региональных и глобальных проблем [Романова, 2022]. При этом появляется новая напряженность между локальной традиционалистской идентичностью и глобальными трендами политического участия, что ярко проявляется в полигэтнических регионах [Croteau, Hoynes, 2012].

Важную роль играют также механизмы политического брендинга и маркирования в социальных сетях, с помощью которых молодежь выражает свои взгляды, отстаивает определенные позиции и участвует в обсуждении социально значимых проблем [Лемешова, 2020, с. 121]. Цифровые платформы становятся пространством генерации и презентации новых гражданских идентичностей, а также классификации политических ориентаций не только по содержанию, но и по форме проявления [Крайнов, 2024].

В рамках российских исследований заявленной тематики подчеркивается значимость социальных медиа как уникального инструмента региональной социализации и формирования молодежных гражданских стратегий, а также сложность соотношения между онлайн-идентичностями и реальными политическими практиками [Кочеткова, 2024, с. 87].

Таким образом, теоретическая рамка исследования интегрирует подходы из социологии цифровых медиа, политической коммуникации, исследований идентичности и теорий социального активизма. Она позволяет интерпретировать интеллектуальные и политические траектории моло-

деджи Северного Кавказа как результат многоуровневого взаимодействия локальных традиций, глобальных трендов и новых форм сетевого участия.

Организация выборочного опроса

В выборочную совокупность исследования вошли молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, проживающие во всех семи субъектах Северо-Кавказского федерального округа. Общий объем выборки составил 2356 респондентов. Структура выборки формировалась по многоступенчатой стратифицированной схеме, позволяющей наиболее широко представить многообразие молодежных сообществ макрорегиона.

На первом этапе осуществлялось квотирование по региональному признаку на основании данных официальной статистики. На втором этапе внутри каждой региональной квоты производилась стратификация по гендерным и возрастным группам. Дополнительно выборка характеризуется разнообразием образовательного и профессионального статуса.

Сбор эмпирических данных осуществлялся в период с февраля по май 2025 г. с использованием онлайн-платформы «Анкетолог», позволяющей не только минимизировать территориальные ограничения, но и обеспечить высокий уровень стандартизации инструментария и контроля качества заполнения анкет. Перед запуском основного этапа были проведены пилотные тестирования анкеты на фокус-группах представителей целевой аудитории для уточнения формулировок вопросов и проверки релевантности шкал.

Для формирования базы респондентов использовалась система целевой рассылки приглашений пользователям, соответствующим основным критериям включения (возраст, регион проживания, отсутствие участия в схожих исследованиях за последние 12 месяцев). Обеспечение достоверности данных инструментария исследования обеспечивалось контрольными вопросами, позволяющими выявлять формальные или противоречивые ответы.

Интеллектуальная среда молодежи Северного Кавказа

Исследование интеллектуальной среды молодежи Северного Кавказа позволило выявить и охарактеризовать как общие тенденции цифровой вовлеченности, так и специфику тематических и платформенных предпочтений. Анализ эмпирических данных позволил определить высокую частоту использования Интернета и социальных сетей в повседневной жизни. Так, более 94% респондентов выходят в сеть ежедневно, что является отражением глобального сдвига информационной и коммуникативной активности в цифровую среду. Лишь 3% участников исследования отмечают использование Интернета реже одного раза в неделю и менее 1% респондентов не пользуются сетевыми ресурсами регулярно.

Наиболее востребованными социальными медиа среди молодежи региона стали платформы VK (83%), Telegram (72%), а также видеохостинг YouTube (64%). Существенная часть респондентов (около 29%) использует Instagram (запрещен в РФ), несмотря на ограничения, а 16% отмечают регулярную активность в образовательных и профессиональных группах в мессенджерах. Присутствие в более чем одной социальной сети отмечают 92,7% молодых людей региона, что свидетельствует о развитии мультиплатформенной цифровой среды.

Анализ тематики и характера цифровой активности демонстрирует, что наибольшую популярность имеют информационно-аналитический контент (68%), образовательные материалы (61%) и развлекательные форматы (74%). В создании собственного контента, в частности постов, видеороликов, инфографики, принимают участие 32,3% респондентов. Данная тенденция свидетельствует о формировании не только потребительской, но и креативной интеллектуальной среды [Татаринов, 2020]. В то же время в онлайн-дискуссиях, дебатах и тематических интеллектуальных играх хотя бы раз в месяц принимают участие 28,7% опрошенных, что позволяет говорить о росте активной когнитивной вовлеченности.

Членство в онлайн-сообществах различной направленности указывает на высокую степень цифровой интеграции. Наиболее популярными являются образовательные и профориентационные группы (47%), волонтерские и патриотические сообщества (26%), а также креативные клубы и сетевые проекты (22%). Около 14% респондентов состоят сразу в нескольких тематических объединениях, что свидетельствует о полифункциональности цифровой идентичности и гибкости интеллектуальных траекторий молодежи [Косарева, 2023, с. 69].

Анализ ответов на вопрос с возможностью множественного выбора позволил выявить, что подавляющее большинство респондентов (68,9%) указывают социальные сети в качестве основного источника получения информации о значимых событиях. Более половины участников опроса (59%) отметили, что ориентируются на мессенджеры и Telegram-каналы при поиске и потреблении важной информации. Доля тех, кто регулярно читает интернет-СМИ и новостные сайты, составляет 44% от числа всех опрошенных. Кроме того, 31% респондентов заявили о регулярном обращении к блогерам и независимым экспертам. Данный тренд отражает растущее значение альтернативных каналов коммуникации в молодежной среде. Традиционное телевидение сохраняет стабильную, но относительно низкую аудиторию. Его регулярно смотрят лишь 18,1% опрошенных. При этом исключительно официальным СМИ доверяют не более 9% молодых людей. Эти данные подтверждают общий тренд снижения влияния традиционных медиа и усиления горизонтальных сетевых коммуникаций в молодежной среде.

В целом интеллектуальная среда молодежи Северного Кавказа характеризуется высокой степенью цифровизации, полиплатформенностью информационного потребления, а также акцентом на образовательные и гражданские формы активности. Формирующаяся в этом контексте цифро-

вая идентичность опосредована не только выбором платформ, но и вовлеченностью в дискуссионные практики, онлайн-инициативы и создание собственных медийных продуктов [Храпов, 2024]. Указанные параметры интеллектуальной среды во многом определяют дальнейшие траектории политической социализации, самоидентификации и формирования гражданских установок молодежи региона.

Интеллектуальные траектории молодежи представляют собой сложные, динамичные и индивидуализированные пути формирования, развития и реализации когнитивных, образовательных и творческих ресурсов молодых людей, которые проявляются в выборе образовательных стратегий, самообразования, профессионального и личностного самоопределения, а также в освоении и применении новых знаний и компетенций в меняющихся социокультурных и цифровых условиях [Ядова, 2020].

С социологической точки зрения интеллектуальные траектории молодежи представляют собой процессуально организованные последовательности жизненных выборов, решений и практик, определяющих характер взаимодействия индивида с образовательными, научными и культурными институтами, сообществами и цифровыми платформами. Данные траектории опосредуются структурными условиями, доступностью образовательных и культурных ресурсов, спецификой социальной среды, а также индивидуальными мотивациями, ценностями и представлениями о будущем. В структуре интеллектуальных траекторий особое место занимают образовательные планы и стратегии [Онипко, 2013]. Так, около половины респондентов (46,3%) однозначно выразили намерение поступать в колледжи, техникумы или высшие учебные заведения с целью получения профессионального образования. Эта группа молодых людей характеризуется выраженной образовательной мотивацией и осознанным стремлением к профессиональному развитию, что отражает понимание роли образования как ключевого фактора успешного трудоустройства и социальной мобильности в современных условиях. Еще 14,5% опрошенных выбрали вариант ответа «скорее да, чем нет», демонстрируя условную готовность продолжить обучение при определенных внешних или внутренних обстоятельствах, таких как экономическая ситуация, поддержка семьи или личные карьерные планы.

В то же время у части молодежи Северного Кавказа наблюдаются и противоположные установки. В частности, 9,6% респондентов затрудняются с принятием решения и склоняются к отрицательному ответу («скорее нет, чем да»), а 29,6% участников опроса заявили о категорическом отсутствии планов по получению профессионального образования. Таким образом, совокупная доля негативных и неопределенных ответов достигает почти 40%, что свидетельствует о наличии существенных барьеров и ограничений, влияющих на образовательные стратегии молодежи.

Свыше половины респондентов (52,0%) уже сделали осознанный выбор профессии и намерены активно осваивать выбранную сферу деятельности. Данная группа демонстрирует высокий

уровень профессионального самоопределения и мотивации, свидетельствующий о сформированных карьерных ориентирах и эффективном функционировании системы профессиональной ориентации в образовательных учреждениях субъектов Северного Кавказа.

Еще 17,0% молодых людей имеют лишь общее представление о будущей профессии, но не приняли пока окончательного решения. Данный показатель фиксирует промежуточную стадию профессионального выбора, отражающую неопределенность и влияние таких факторов, как ограниченность информации о специальностях и сомнения в их востребованности. Неуверенность в возможности достижения профессиональных целей, несмотря на наличие соответствующих планов, высказали 7,6% опрошенных. Это свидетельствует о существовании объективных или субъективных барьеров, препятствующих реализации профессиональных намерений. Наконец, 23,4% респондентов заявили о полном отсутствии определенности в выборе профессии, что подчеркивает значимость развития программ профессионального консультирования и сопровождения молодежи на этапе самоопределения.

Менее половины опрошенных (44,7%) рассматривают высшее или среднее профессиональное образование как необходимое условие для достижения жизненного успеха. Данный показатель отражает сохраняющееся в молодежной среде традиционное восприятие формального образования в качестве основного социального лифта и гарантии профессионального становления. Для значительной доли молодежи Северного Кавказа образование продолжает выполнять функцию структурного капитала, способствующего интеграции в рынок труда и обеспечивающего социальную устойчивость. Выявленная тенденция соответствует общероссийским наблюдениям, согласно которым примерно половина населения оценивает образование как ключевой ресурс жизненного успеха [Гладилина, 2023].

Почти половина респондентов (47,5%) положительно или умеренно положительно оценивают онлайн-образование как достойную альтернативу традиционным формам обучения. Так, 22,6% участников исследования полностью уверены в этом, еще 24,9% склоняются к такому мнению. Полученный результат свидетельствует о формировании устойчивой группы молодежи на Северном Кавказе, воспринимающей цифровые образовательные форматы как современный и эффективный способ получения знаний. В то же время, более половины (52,5%) участников исследования выражают скептицизм. В частности, 26,4% респондентов скорее не поддерживают идею онлайн-обучения, еще 26,1% категорически ее отвергают. Такая зеркальная поляризация мнений отражает противоречивое отношение молодежи региона к цифровым образовательным технологиям.

Результаты исследования фиксируют устойчивый запрос на гибкие и современные форматы обучения среди части молодежи Северного Кавказа, наряду с сохранением значимой доли сторонников традиционных образовательных моделей, для которых личное взаимодействие, организационная структура и формальная сертификация знаний сохраняют приоритетное значение.

Следующий блок инструментария исследования был призван способствовать раскрытию структуры политической самоидентификации и репрезентации гражданских позиций молодежи Северного Кавказа. Систематизация ответов по вопросам о политической идентичности, выражаемой в принадлежности к определенным социальным и ценностным группам, показала высокий уровень разнообразия форм самоописания. Около 81,3% респондентов в первую очередь соотнесли себя с категорией «граждане России». При этом, 52,6% выделили в качестве значимого маркера свою национальную или культурную принадлежность, а еще 34,1% участников исследования отметили принадлежность к людям схожих политических взглядов или общности традиций. Существенная доля (29,8%) идентифицировала себя через региональную или локальную принадлежность. Данный тренд указывает на сохранение многоуровневой структуры идентичностей и усложнение процессов самоопределения молодежи в полигэтнических регионах.

Особое внимание уделялось тому, как молодежь реализует свою политическую активность и гражданскую позицию в цифровой среде. Так, по данным исследования, 46,2% молодых людей указывали, что обсуждение общественно-политических вопросов с друзьями и знакомыми, а также участие в тематических онлайн-дискуссиях, стало важной частью их повседневной интеллектуальной практики. Примерно 18,4% опрошенных сообщили о регулярной публикации или репостах контента на социально-политические темы, а 12,7% участников исследования принимают участие в сетевых кампаниях, связанных с вопросами социальной справедливости, патриотизма или защиты прав различных групп населения.

Важным показателем зрелости интеллектуальной среды молодежи выступает готовность открыто обозначать и защищать свою позицию в цифровой среде. Среди респондентов, идентифицирующих себя с группой людей схожих политических взглядов, около 63% демонстрируют высокую степень толерантности к альтернативным мнениям и готовности участвовать в полемике, опираясь на аргументы и данные. Около 39% отметили, что в цифровой среде им легче корректировать собственные взгляды под влиянием рациональной аргументации, примеров из жизни или участия в экспертных дискуссиях.

Наряду с этим, эмпирические данные показывают рост числа гибридных, нефиксированных политических идентичностей, когда молодые люди сочетают патриотические, региональные и глобальные элементы самоописания, варьируя способы публичного выражения в зависимости от контекста дискуссии. Анализ тематических акцентов и частоты публичного выражения позиций выявил корреляцию между уровнем вовлеченности в онлайн-активность и степенью сформированности аналитических навыков. Молодежь, активно участвующая в обсуждении политических тем и практике гражданского сетевого активизма, чаще демонстрирует способность критически осмысливать противоречивую информацию, аргументированно обосновывать свои взгляды и вести содержательный диалог с представителями иных точек зрения.

В совокупности, полученные результаты демонстрируют, что в условиях развития цифровой среды маркирование политических идентичностей молодежью Северного Кавказа приобретает многоуровневый и динамичный характер. Процессы политического самоописания, выражающиеся как через явное позиционирование в социальных сетях, так и через участие в коллективных дискуссиях и цифровых практиках, становятся важным индикатором интеллектуальной зрелости, социальной мобильности и формирования гибких гражданских стратегий.

Анализ структуры политических интересов молодежи Северного Кавказа позволил определить значительную неоднородность установок и поведения в публичной и гражданской сферах. Прежде всего, по пятибалльной шкале самооценки интереса к политике распределение ответов сместилось к средним и низким значениям. В частности, лишь 9,2% опрошенных оценили свой интерес к политике на максимально высоком уровне (пять баллов), еще 18,5% респондентов выбрали четыре балла. Большинство респондентов продемонстрировали умеренный интерес (три балла – 33,7%), указывающий на преобладание латентной вовлеченности, тогда как 27,4% участников исследования отметили низкий интерес (два балла) и 11,2% полностью дистантировались от политической повестки. Подобное распределение подтверждает данные исследований политической апатии и дистанцирования, характерные для молодых поколений в транзитивных обществах [Thorson, Wells, 2016].

Показатель публичной и сетевой дискурсивной активности также демонстрирует высокую степень поляризации. Регулярно обсуждают политические и общественные вопросы с друзьями или в Интернете 17,8% респондентов, еще 27,6% делают это время от времени, преимущественно в контексте обсуждения острых или кризисных событий. Почти половина опрошенных прибегают к подобной коммуникации эпизодически, в основном в рамках повседневных неформальных диалогов. И лишь 7,5% участников заявили о полном отсутствии интереса к обсуждению политических тем.

Параметры гражданской активности находят выражение в участии в волонтерских и гражданских инициативах. В течение последнего года 31,2% молодых людей принимали участие в волонтерских, благотворительных либо иных формах гражданской деятельности, при этом 68,8% не имели подобного опыта.

Восприятие общественных институтов, медиасистем и общественных организаций исследовалось по шкале доверия от одного до пяти. Высокий уровень доверия к государственным институтам зафиксирован у 14,6% респондентов, максимальное же недоверие выразили 22,9% участников исследования. На промежуточных позициях, выражающих критический или амбивалентный подход, находятся 38,4% молодых людей.

Анализ участия в выборах и отношения к избирательным процедурам выявил устойчивый разрыв между нормативными ожиданиями и реальными моделями поведения. Участие в последних выборах подтвердили 27,5% респондентов, еще 16,3% заявили о намерении участвовать в бу-

дущем. Более половины (56,2%) не участвовали в выборах или не видят в этом смысла, обосновывая свою позицию недоверием к результатам, отсутствием веры в эффективность индивидуального голоса и недостаточной информированностью о кандидатах.

В числе наиболее значимых общественных и политических тем, волнующих молодежь региона, доминируют вопросы социального неравенства (49,8%), состояния образования и доступности рабочих мест (44,1%), а также межэтнических и региональных отношений (32,6%). Проблемы патриотизма и национальной безопасности обозначили 21,7% респондентов, гражданские права и свободы считают наиболее актуальными 19,4% опрошенных.

Почти четверть (22,8%) молодых людей симпатизируют волонтерским и благотворительным инициативам, 16,1% поддерживают патриотические движения. Еще 12,4% респондентов интересуются образовательными и профессиональными сообществами. Либеральные и правозащитные движения вызывают сочувствие у 6,8% опрошенных.

Политическая позиция молодых людей региона свидетельствует о фрагментации и вариативности политических стратегий. Традиционалистами себя считают 28,3% молодых людей, 23,9% идентифицируют себя как патриоты, 12,5% назвали себя приверженцами либеральных взглядов. Аполитичными называют себя 11,7% респондентов. К общественным активистам относят себя 8,6% респондентов, тогда как 15% затрудняются с определением собственной политической идентичности.

В структуре интеллектуального дискурса молодежи макрорегиона отчетливо прослеживается приоритет тем образования, профессионального самоопределения и карьерного развития. Большинство респондентов назвали образование (71,9%), профессиональное развитие и материальное благосостояние (67,3%), а также здоровье и безопасность (65,4%) в числе важнейших сторон собственной жизни. Значительная часть молодежи акцентирует внимание на значимости семьи, близких, дружбы, возможности творческой самореализации, участия в общественной жизни и наличии досуга. Полученные данные говорят о полисубъектном характере интеллектуальных ориентаций современной молодежи Северного Кавказа.

Характерным элементом современного молодежного интеллектуального дискурса выступает дифференциация авторитетов. Преобладающее большинство опрошенных выделили среди значимых фигур членов семьи (61,3%), друзей и знакомых (49,5%), а также педагогов (36,8%) и представителей культурной и научной среды (33,7%). Интересен факт, что блогеры и лидеры общественного мнения были выбраны 27,2% респондентов, тогда как представители силовых структур и политические деятели заняли существенно менее значимые позиции в системе авторитетов (12,4 и 9,1% соответственно). Полученные данные свидетельствуют о формировании в молодежной среде Северного Кавказа новых каналов легитимации авторитета и передачи ценностных моделей, в значительной мере опосредованных горизонтальными цифровыми коммуникациями.

Анализ ответов на вопросы о типах и направлениях общественной активности показал, что, несмотря на сохранение доминирующих традиционных ориентаций, в среде молодежи формируются новые формы коллективной и индивидуальной субъектности. Более трети опрошенных участвуют в различных добровольческих, образовательных и экологических инициативах, используют сетевые коммуникации для обсуждения общественно значимых вопросов, а также проявляют инициативу в организации и реализации социальных проектов. Подобный дискурсивный паттерн свидетельствует о росте когнитивной автономии, переходе от пассивного восприятия к активному участию и стремлении к самореализации через социально значимые практики.

В совокупности, классификация и анализ интеллектуального дискурса молодежи Северного Кавказа позволяют утверждать, что его структура определяется высокой проблемной насыщенностью, ценностным плюрализмом и возрастающей ролью горизонтальных коммуникаций.

Заключение

Проведенное исследование интеллектуальных траекторий и политических ориентиров молодежи Северного Кавказа в условиях цифрового дискурса позволило комплексно охарактеризовать динамику и специфику формирования интеллектуальной среды данного макрорегиона. Анализ полученных эмпирических данных подтвердил гипотезу о значительной роли цифровых медиа в процессе самоидентификации молодых людей, артикуляции ими собственных политических позиций и активного включения в социально значимую повестку. Цифровые платформы, в частности VK, Telegram и YouTube, становятся не просто каналами распространения информации, но и пространством социального взаимодействия, формирования и корректировки политических взглядов и гражданских стратегий, стимулирующих критическое осмысление действительности и способность вести публичный диалог.

Интеллектуальные траектории молодежи Северного Кавказа можно определить как нелинейные, полифункциональные и динамически формируемые жизненные стратегии, отражающие когнитивные, образовательные и социально-коммуникативные компетенции индивида, направленные на адаптацию и самоактуализацию в условиях интенсивной цифровизации общества. Даные траектории проявляются в разнообразных практиках молодежи, среди которых доминируют потребление и создание образовательного и информационного контента, участие в тематических цифровых дискуссиях и дебатах, волонтерских и экологических проектах, а также выражение гражданских позиций с помощью сетевых форматов.

В структуре социальных практик молодежи Северного Кавказа следует особо выделить участие в добровольческих инициативах, цифровых кампаниях и общественно значимых проектах, направленных на поддержку уязвимых групп населения, решение локальных экологических и социальных проблем. Значительную роль играет активность в среде образования, выражаясь в

посещении онлайн-курсов, вебинаров и интеллектуальных игр, формирующих новые знания и на-
выки. К числу значимых практик также относится регулярное обсуждение общественно-полити-
ческих вопросов в цифровой среде, сопровождаемое репостами тематического контента и вклю-
чением в сетевые коммуникации с экспертами и лидерами мнений.

Маркирование политических идентичностей посредством цифровых медиа является еще од-
ним показательным элементом интеллектуального дискурса молодежи. Наблюдаемый рост гиб-
ридных политических ориентаций и ситуативных идентичностей указывает на высокую степень
мобильности и адаптивности молодежного сознания. Молодые люди сочетают элементы тради-
ционализма, патриотизма и либеральных взглядов, варьируя публичное выражение собственных
позиций в зависимости от конкретного дискурсивного контекста. Данный феномен отражает спо-
собность к критическому осмыслению, интеллектуальной гибкости и рациональной аргументации
собственных взглядов, выступая важным индикатором интеллектуальной зрелости молодежи Се-
верного Кавказа.

Цифровой дискурс молодежи Северного Кавказа характеризуется выраженной проблемной
насыщенностью, ценностным плюрализмом и доминированием горизонтальных каналов комму-
никации. Публичное обсуждение, маркирование политических идентичностей, ориентация на со-
циальную справедливость и высокий уровень критического осмысления действительности под-
тверждают вывод о формировании зрелой, ответственной и интеллектуально развитой молодежи
региона, готовой активно участвовать в общественной жизни и эффективно адаптироваться к ме-
няющимся условиям цифровой эпохи.

Список литературы

1. Башева О.А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6, № 1. – С. 41–57.
2. Гладилина В.А. Влияние высшего образования на жизненный успех студенческой молодежи // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2023. – № 3 (67). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vysshego-obrazovaniya-na-zhiznennyu-uspeh-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения 07.05.2025).
3. Клещенко Л.Л. «Русский медведь» в испаноязычном медиадискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 806–822.
4. Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: по-
становка проблемы // Вестник РУДН. Серия Информатизация образования. – 2019. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-identichnost-tsifrovaya-samoidentifikatsiya-tsifrovoy-profil-postanovka-problemy> (дата об-
ращения 09.06.2025).
5. Косарева Е.С. Образовательные стратегии российской молодежи в условиях цифровизации общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия Социально-экономические науки. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 66–74.
6. Кочеткова Н.П. Политическая идентичность в цифровую эпоху: анализ влияния социальных медиа на формирова-
ние убеждений и ценностей молодежи // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 8 (124). – С. 81–88.
7. Крайнов А.Л. Цифровая идентичность как условие бытия человека в цифровом обществе // Известия Саратовского
университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-identichnost-kak-uslovie-bytiya-cheloveka-v-tsifrovom-obschestve> (дата обращения 08.07.2025)
8. Лемешова Т.В. Политический брендинг как маркетинговая стратегия политической партии // Научные труды Респу-
бликанского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2020. – № 19. – С. 119–125.
9. Михайлов А.П., Чагин В.С. Молодежь в цифровом обществе // Вестник Адыгейского государственного универси-
тета. Серия Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. –

2023. – № 4 (329). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodyozh-v-tsifrovom-obschestve> (дата обращения 08.06.2025).
10. Онипко А.А. Образовательные потребности и траектории современной молодежи // Дискуссия. – 2013. – № 2 (32). – С. 64–67.
11. Островский А.Н., Мамедов А.Э., Островская В.Ю. Локальные группы в социальных сетях: новые местные сообщества, социальные медиа или плацдарм цифрового активизма // Социальная политика и социология. – 2021. – Т. 20, № 1 (138). – С. 160–168.
12. Романова Г.В. Влияние цифрового дискурса на формирование новой языковой реальности // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovogo-diskursa-na-formirovanie-novoy-yazykovoy-realnosti> (дата обращения 08.07.2025).
13. Сырбу А.Г. Цифровые медиа как эффективный фактор воздействия на поведение молодежи // Вестник науки. – 2023. – № 5 (62). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-media-kak-effektivnyy-faktor-vozdeystviya-na-povedenie-molodyozhi> (дата обращения 08.07.2025).
14. Татаринов К.А. Самообразование в цифровом обществе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9, № 2(31). – С. 42–44.
15. Храпов С.А. Цифровая идентичность и гуманистическая модель цифровой образовательной среды // Вопросы философии. – 2024. – № 7. – С. 29–39.
16. Ядова М.А. Взгляды и жизненные траектории молодежи сквозь призму биографических исследований // Россия и современный мир. – 2020. – № 1 (106). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyady-i-zhiznennye-traektorii-molodezhi-skvoz-prizmu-biograficheskikh-issledovaniy> (дата обращения 08.07.2025).
17. Croteau D., Hoynes W. Media / Society: Industries, Images, and Audiences. – Sage, 2012. – 416 p.
18. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. – 1973. – Vol. 78, N 6. – P. 1360–1380.
19. Livingstone S. Audiences in an Age of Datafication: Critical Questions for Media Research // Television & New Media. – 2019. – Vol. 20, N 2. – P. 170–183.
20. Thorson K., Wells C. Curated Flows: A Framework for Mapping Media Exposure in the Digital Age // Communication Theory. – 2016. – P. 328.

INTELLECTUAL TRAJECTORIES AND POLITICAL ORIENTATIONS OF THE YOUTH OF THE NORTH CAUCASUS: DIGITAL DISCOURSE AND SOCIAL PRACTICES¹

Gapich A.E.

Ph.D. (Soc. Sci), Associate Professor at the Department of Sociology and Social Innovations,
North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia); evsor@mail.ru

Shapovalov A.A.

Ph.D. (Soc. Sci), Associate Professor at the Department of Sociology and Social Innovations,
North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia); alex-shapoval@yandex.ru

Abstract. The article introduces the authors' definition of intellectual trajectories of the youth of the North Caucasus as non-linear, multifunctional and dynamically formed strategies of self-development based on cognitive, educational and communicative competencies. Intellectual trajectories are expressed in the practices of volunteering and project activities, participation in digital initiatives, the creation of educational and informational content, online debates and intellectual games. The digital discourse of the region's youth is saturated with issues of social justice, interethnic relations, and professional self-determination. The results obtained emphasize the trend of increasing intellectual independence, critical thinking and social mobility of the youth of the North Caucasus in the context of the dominance of digital communication channels. A conclusion is made about the formation of a mature and responsible intellectual environment in the macroregion that integrates local traditions and global trends.

¹ The article is a part of the implementation of the state task FSRN-2025-0010 “Labeling and classifying political orientations of the youth of the North Caucasus in social media” with the support of the Russian Ministry of Education and Science.

Keywords: *intellectual trajectories; digital socialization; youth; North Caucasus.*

For citation: Gapich A.E., Shapovalov A.A. Intellectual trajectories and political orientations of the youth of the North Caucasus: digital discourse and social practices // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 3. – P. 172–186.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.11

УДК 316.334(470.41)

ПОТЕНЦИАЛ КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ ГОРОДА В КОНКУРЕНЦИИ ЗА ТАЛАНТЛИВУЮ МОЛОДЕЖЬ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНИ)

Ишкинеева Фарида Фалесовна

Кандидат социологических наук, доцент, кафедра общей и этической социологии, ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия);

farida1967@mail.ru

Горская Ксения Георгиевна

Кафедра общей и этической социологии, ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия);
kggorskaya.stud.kpfu@gmail.com

Аннотация. Конкурентоспособность современных городов проявляется в их привлекательности для талантливой и активной молодежи, чему способствует развитие креативных пространств и индустрий. В фокусе внимания статьи находится потенциал и характер креативных пространств города Казани, их востребованность и популярность в молодежной среде. Реальное вовлечение в эту городскую среду молодежи варьирует от пассивного потребления до активного участия и сильно зависит от доступности территории, релевантности предложения и усилий управляющих команд. В связи с чем реализация потенциала креативных пространств города предполагает разработку эффективных механизмов привлечения к ним молодежи.

Ключевые слова: город; Казань; студенческая молодежь; креативное пространство; креативная индустрия; региональное развитие.

Для цитирования: Ишкинеева Ф.Ф., Горская К.Г. Потенциал креативных пространств города в конкуренции за талантливую молодежь (на примере Казани) // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 187–197.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.12

Рукопись поступила 17.07.2025.

Принята к печати 19.08.2025.

Введение: развитие креативных пространств и индустрий в современных мегаполисах

Наблюдаемые сегодня глобальные социально-экономические трансформации свидетельствуют о становлении принципиально новой парадигмы развития. Креативный потенциал населения, интеллектуальные ресурсы и способность к инновациям выходят на первый план, становясь основополагающими факторами экономического роста и социального благополучия. Такую модель называют «экономикой знаний» или «креативной экономикой», в которой фокус смещен с традиционных материальных факторов на человеческий капитал. В человекоцентричной экономике идеи, инновации и качество среды определяют устойчивость социально-экономической динамики. Успешное развитие территорий во все большей степени зависит от их умения привлекать таланты, стимулировать творчество, создавать экосистемы для генерации и внедрения новых идей.

В результате современные мегаполисы становятся центрами формирования креативных пространств и индустрий, а наличие креативного кластера – важным фактором привлекательности и конкурентоспособности города. Развитие креативного сектора превращается в новую промышленную политику, а сам он – в катализатор, оказывающий влияние на другие сферы деятельности и увеличивающий их эффективность.

Молодые люди являются особой группой жителей города, которую в определенном отношении можно отнести к представителям креативного класса. Они наиболее восприимчивы к нововведениям, мировым и локальным трендам. Высокая доля молодежи в численности населения способствует трансформации города в центр научного и творческого образования. Создаваемый при этом уникальный социальный капитал представляет собой ресурс для формирования и развития социокультурной среды. В свою очередь, город, выступая как «совокупность точек вращения» [Зиммель, 2002, с. 112], за счет модернизации существующих и создания новых пространств реагирует на запросы различных сообществ, интегрируя современные тренды и технологии в городскую инфраструктуру. Одновременно усиливается конкуренция городов и регионов в глобальном масштабе за человеческий капитал, особенно за талантливую и мобильную молодежь.

Исследовательский опыт и практики формирования креативных пространств

Конкурентное преимущество города определяется сочетанием разнообразных факторов. Это и специфика локальной идентичности, и экономическая специализация, сложившиеся кластеры и компетенции, и ключевые акторы. Современные исследования и практика показывают сложную и динамичную картину формирования и роста влияния креативных пространств на развитие города. В теориях «креативного города» Ч. Лэндри и «креативного класса» Р. Флорида подчеркивается, что экономическое процветание и привлекательность города в постиндустриальную эпоху определяются его способностью аккумулировать и удерживать креативных специалистов – высокомобильных, ориентированных на самореализацию и восприимчивых к инновациям [Флорида, 2007, с. 100–110]. Ключевым ресурсом в этой конкуренции городов выступает наличие развитых креативных пространств, выступающих магнитом для талантов и катализатором инноваций в смежных секторах.

В России под креативными пространствами понимаются «территории (часто ревитализированные промышленные объекты или специально созданные зоны), предназначенные для свободного творческого взаимодействия, сотрудничества, обмена идеями и реализации проектов субъектами креативных индустрий и активными горожанами. Они создают инфраструктуру для генерации и продвижения креативных продуктов, развития человеческого потенциала и формирования сообществ» [Федеральный закон ... , 2024, с. 3]. С января 2025 г. креативные индустрии в стране признаны отдельным сектором экономики. Работники данной сферы и компании могут получать финансовую, имущественную и информационную поддержку от государства [Федеральный закон ... , 2024].

В теоретическом плане креативные пространства можно рассматривать как разновидность «третьих мест». В жизни города все более значимую роль начинают играть такие заведения, как кофейни, бары, клубы, фитнес-центры, парки, пешеходные зоны и другие «тусовочные» места. Подобные заведения являются центрами неформального общения, отдыха и самореализации горожан, обеспечивают формирование социальных связей между жителями [Ольденбург, 2014, с. 225–75]. Они предоставляют населению возможности для обучения и самовыражения, отличаются свободой доступа и простором для реализации идей горожан, что позволяет их считать обновленными «третьими местами» – уникальными центрами культурного взаимодействия.

Креативные пространства, по мнению М. Сторпера, могут являться олицетворением «гения места». «“Гений места” – это человек, предприятие или иной субъект, функционирующий сейчас или ранее в городе и влияющий на общий облик города, его узнаваемость, имидж и направление развития. “Гений места” проявляется в особенностях экономических трендов, городских инновациях, локализации и восприятии города» [Сторпер, 2018, с. 120–126].

Исследования показывают, что успех инноваций зависит от высокой заинтересованности и активной позиции их проводников [Гений места … , 2024, с. 20–23]. Особую роль при этом играют локальные элиты и «гении места» – авторитетные лидеры и агенты изменений, способные задавать вектор развития. Инновационные сообщества – сети активных субъектов, выступающих проводниками нового, способные генерировать и внедрять инновации, – также являются значимым фактором, определяющим конкурентоспособность города. Устойчивое развитие города и его претензии на статус «умного» невозможны без активного вовлечения жителей в формирование среды и создания условий для самовыражения и кооперации [Ишкинеева, 2021, с. 143–157].

В свою очередь, новые идеи оказываются наиболее жизнеспособными, когда они не разрушают, а органично преобразуют сложившуюся локальную идентичность. Каждый город уникален сочетанием своих местных особенностей («гений места») и воздействия глобальных трендов («дух времени»). Как отмечает экономист Л.Э. Лимонов, «дух времени» формирует запрос на новые ценности, порождая волну инноваций [Гений места … , 2024, с. 221], но только «там, где “гений места” обладает способностью к мобилизации. То есть там, где глобальные тренды могут быть использованы для сплочения местного сообщества, понимаемого не просто как совокупность жителей, а как “воображенное сообщество”, объединенное общими устремлениями и идентичностью» [Жихаревич, 2024, с. 248]. В результате возникает симбиоз экономики и культуры: устойчивая инновационность обеспечивается согласованием экономических механизмов и культурного контекста территории. При этом характер организации креативных пространств и их взаимодействия с местными сообществами имеет региональную специфику.

По мнению А.А. Желниной, креативные пространства являются своего рода инструментом реализации и способом отстаивания «права на город» (термин, введенный А. Лефевром). Последнее может быть реализовано за счет использования пространства как выставочной площадки товаров и услуг или с помощью изменения самого городского пространства. Креативные пространства разделяются по способу появления на «инициативные» – как стратегия энтузиастов, и «инвестиционные» – как бизнес-проекты [Желнина, 2015, с. 45–59]. С.И. Прохоров считает, что креативные пространства создаются в разных целях, но со временем все они все функционируют как бизнес-модели для привлечения ресурсов. Исследователь отмечает особую роль креативных пространств в привлечении туристов и инвесторов в город, а также в формировании его положительного имиджа. Выделяются как полноценные креативные кластеры, так и узкоспециализированные креативные пространства и пространства для проведения мероприятий [Прохоров, 2021, с. 107–109]. Но, несмотря на специфику создания и функционирования, все виды креативных пространств так или иначе становятся значимым ресурсом в привлечении креативной молодежи и активизации ее участия в реализации потенциала города.

Развития креативных пространств и индустрий в Казани

Казань – столица Республики Татарстан (РТ) и крупный вузовский центр, привлекающий тысячи молодых людей. Кроме того, здесь создаются условия для появления и роста креативных (творческих) индустрий, которые становятся частью креативной экономики региона [В РТ планируют урегулировать ... , 2024]. Все большее значение в развитии города играют уникальные характеристики местной среды – ее специфические социальные структуры, локальные сети взаимодействия и сложившиеся практики коллективного действия, способность местных акторов (представителей республиканских и городских органов власти, городских сообществ, предпринимателей) эффективно адаптировать разнообразные инновации. Именно это формирует институциональный ландшафт, который напрямую влияет на качество принятия решений, а также на восприимчивость территории к новым идеям и ее способность к внедрению инноваций [Казань на подъеме: как образование и сообщество ... , 2025].

В этом контексте креативные пространства (коворкинги, арт-кластеры, инновационные центры и др.) выходят за рамки простых культурных объектов. Они становятся важнейшим инструментом формирования современного имиджа Казани, дополняя и оживляя ее традиционные культурные и исторические достопримечательности. Эти пространства позиционируются не просто как «точки на карте», а как инфраструктура будущего – места генерации идей, точки роста новой экономики (особенно креативных индустрий и стартапов), площадки для развития актуальной культуры и формирования социальных связей [Мобильные и несемейные: как и зачем ... , 2022].

Сегодняшняя Казань демонстрирует уникальный баланс: сочетание уважения к историческому наследию с активным творческим поиском и открытостью инновациям. Этот синтез создает неповторимый образ города. Развитие креативных индустрий и целенаправленная поддержка творческих сообществ позволяют Казани утверждаться не только как хранительнице многовековых традиций, но и как динамичному центру инноваций, современной культуры и передовых социальных практик, укрепляя ее позиции в глобальной конкуренции за человеческий капитал и инвестиции.

Еще одной особенностью формирования креативных пространств в Казани является сочетание инициативной и инвестиционной стратегий. «Инициативная» стратегия, формируемая снизу, – это неформальные арт-кластеры, возникшие в заброшенных или неиспользуемых зданиях (часто без санкции властей на начальном этапе), а также аккумуляции сообществ, такие как галереи современного искусства («Заман», «Окно») и независимые театральные студии, литературные клубы, мастерские ремесленников, коворкинги для фрилансеров. Кроме того, к этому относятся фестивали и временные проекты: инициативы вроде уличных фестивалей, паблик-арта, тактических урбанистических проектов (благоустройство дворов силами жителей), которые могут стать точкой кристаллизации для сообщества и привлечь внимание властей. В то же время активно реализуется

«инвестиционная» стратегия, которая включает в себя проекты, создаваемые по инициативе и при поддержке органов власти (республиканских, городских) как часть планов по развитию региона, туризма, улучшению имиджа города. Так, важную роль в поддержке творческих личностей, проектов и сообществ, а также в организации образовательных программ и мероприятий, облегчающих их продвижение, играет Центр развития креативных индустрий РТ в молодежной среде «RE'ACTOR». При этом идет активный поиск маркеров локальной идентичности в уникальных аутентичных формах, которые будут привлекательны для инвестиций [В Татарстане создадут ... , 2025]. В свою очередь, бизнес участвует в обеих стратегиях – как инвестор в крупные проекты и как партнер низовых инициатив.

Возникающая синергия позволяет Казани формировать привлекательную креативную среду, способствующую привлечению талантливой молодежи и усилению конкурентоспособности региона. Город успешно позиционируется как «Третья столица России», «Казань – город, где сливаются культуры». Подобные характеристики в соединении с эффективным маркетингом и активным развитием инфраструктуры повышают привлекательность города как места для учебы, работы, туризма и инвестиций.

Запрос на креативность: итоги опроса казанских студентов

Студенческая молодежь Казани является ключевой группой потребителей и потенциальных создателей контента креативных пространств. Поэтому в фокусе внимания настоящего исследования находились студенты – как группа, взаимодействующая или потенциально взаимодействующая с креативными пространствами. Исследование проводилось с ноября 2024 по апрель 2025 г. Целью являлось определение (посредством онлайн-анкетирования) востребованности у казанской студенческой молодежи ($n=386$) креативных пространств Казани. Инструментарий (авторская анкета) включал 27 вопросов. Рассылка проходила через Telegram, WhatsApp и ВКонтакте. Опрос фокусировался на оценке привлекательности города, частоте посещения студенческой молодежью креативных пространств и причинах выбора локаций. Выборочная совокупность формировалась квотным методом по таким признакам, как: возраст (18–30), род деятельности (студент) и место проживания до поступления в вуз (казанские и иногородние студенты). Респондентами выступили студенты различных вузов Казани: Казанского (Приволжского) федерального университета, Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова и Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова. На этапе качественного сбора данных применялось включенное соучаствующее наблюдение, объектами которого стали наиболее значимые для студентов креативные пространства (выявленные по результатам анкетного опроса).

Подавляющее большинство опрошенных (85%) оценивают Казань положительно, характеризуя ее как «комфортный», «представляющий широкий спектр возможностей», «уютный» и «развитый» город. Важно, что 67% респондентов планируют остаться в городе и после окончания учебы.

В ходе исследования было выделено пять видов креативных пространств Казани – в зависимости от видов деятельности, целей и формата функционирования:

1. Многофункциональные креативные хабы, адаптированные под самые разные задачи (работа, учеба, общение, творческая деятельность). К данному виду можно отнести Национальную библиотеку РТ, ИТ-парк им. Башира Рамеева, антикафе «Баклажан».

2. Арт-кластеры возникли в результате ревитализации индустриальных зданий. В переосмысленном пространстве центра современного искусства «Смена», «Фабрики Алафузова», «Штаба», галереи «Бизон» фокус смещен на современное искусство, творческие коллаборации и культурные проекты.

3. Нишевые креативные пространства, предлагающие специализированные форматы для конкретных увлечений: театральная лаборатория «Угол», экстрем-парк «Урам», игровая площадка «Майнгеймс» (объединяющая поклонников настольных игр и ролевых систем). К этому виду относится и киберспортивное направление, представленное сетью компьютерных клубов «Godji Game» и кибер-кафе «Artcore», в которых проходят турниры и тренировки. Все перечисленные пространства характеризуются сосредоточенностью на определенных (的独特的) видах деятельности и интересах.

4. Социальные и образовательные пространства: музеи, университеты и лектории, которые предлагают мастер-классы, лекции и другие образовательные мероприятия, выполняют функцию креативных мест. В настоящее время такие пространства не только способствуют саморазвитию горожан, но все чаще создают условия для формирования сообществ и нетворкинга.

5. Открытые уличные площадки города: парки, набережные и скверы. Они становятся сценой для разнообразных событий: от городских фестивалей (Гастрофестиваль, НУР, COMBOnation) и спортивных марафонов до крупных международных форумов (Универсиада, Игры будущего, спортивные чемпионаты, «Новая Волна»). Эти пространства (и проводимые на них мероприятия) привлекают жителей к участию в культурной жизни города, создают открытую городскую среду, способствуют развитию креативных индустрий и инвестиционного потенциала.

Разнообразие пространств (многофункциональные, арт-кластеры, специализированные, образовательные, уличные) обеспечивают широкий спектр возможностей – от рекреации и нетворкинга до профессиональной самореализации и творческих экспериментов. Успешные кейсы (ИТ-парк, «Смена», «Штаб», «Урам») демонстрируют, что креативные пространства, особенно созданные через ревитализацию промышленных зон, не только оживляют городскую среду, но и становятся мощными точками притяжения талантов. Они привлекательны для иногородних студен-

тов, а также стали фактором, сдерживающим «утечку мозгов» из региона, предоставляя разнообразные возможности для самореализации молодых людей.

Каждый тип пространства удовлетворяет специфический спрос различных групп молодежи. Отношение молодежи к городским креативным пространствам и ее реальное участие – ключевой фактор успеха отдельных локаций и инициатив. Однако в этом же заключается и основная проблема: существующие пространства пока не справляются с задачей глубинного вовлечения рассматриваемого контингента.

Согласно опросу студенческой молодежи, главными критериями при выборе креативных пространств являются: возможность провести время с друзьями (76%), привлекательный интерьер и атмосфера (55,5%), удобное расположение (55%). Предоставляемые возможности для работы (24,4%) и хобби (14%) оказались для респондентов менее важными. Подавляющее большинство студентов (80%) приходят в такие пространства для отдыха и развлечений. Более половины (55%) ищут здесь вдохновение, 35,4% ценят их за возможность общения и нетворкинга, а учеба и само развитие мотивируют лишь 30% опрошенных.

Подавляющее большинство посетителей креативных пространств Казани – пассивные (64%) посетители-потребители, использующие кафе / фудкорты или отдыхающие в общественных зонах (прогулки, концерты, выставки, лекции, фестивали, магазины). Только треть опрошенных (27%) являются активными участниками: регулярно участвуют в клубах по интересам (книжные, языковые, игровые), волонтерстве на мероприятиях, в обсуждениях и инициативах. Среди них преобладают резиденты / пользователи, использующие площади для своей профессиональной или творческой деятельности (проведение собственных воркшопов, репетиций, показов), создатели контента и организаторы: молодые кураторы, ивент-менеджеры, музыканты, художники, предприниматели, которые сами создают события, проекты и наполняют пространство жизнью. Потенциал развития креативных индустрий зачастую связывается именно с этой группой.

Несмотря на декларируемую инклузивность, значительная часть креативных пространств Казани воспроизводит элитарность из-за дорогих форматов и узкой целевой аудитории. Высокая стоимость участия в мероприятиях, аренды рабочих мест или мест обучения делает их недоступными для молодежи из низкодоходных групп населения. Не все креативные пространства предоставляют прозрачные, понятные и работающие механизмы, помогающие перейти от простого присутствия к активному сотрудничеству, реализации собственных проектов, участию в инновационной деятельности. Отсутствуют устойчивые, работающие механизмы поддержки молодежных стартапов в виде финансирования и юридического сопровождения. Кроме того, креативные индустрии требуют навыков, которым не всегда владеют студенты и выпускники вузов, начинающие трудовую деятельность. Для значительной части молодежи это является определяю-

щим барьером для участия. Наконец, молодежь в креативных индустриях часто работает в формате фриланса или на условиях неформальной занятости без социальных гарантий.

Как результат, декларируемые возможности креативных пространств нередко вступают в противоречие с реальными навыками, культурным бэкграундом или доступом к необходимым технологиям у потенциальных участников из разных социальных групп. Фактически, наиболее активными участниками и бенефициарами креативных городских пространств становятся те, кто уже обладает определенным социальным, культурным или экономическим капиталом, формируя своего рода «закрытые клубы». Те же, кто нуждается в поддержке и возможностях больше всего, рискуют остаться в стороне или ограничиваются ролью пассивных зрителей, потребителей контента и участников разовых мероприятий. Из-за отсутствия грантовой поддержки и медийной видимости часть молодежных инициатив остается нереализованной. Привлеченная же аудитория не трансформируется в устойчивое сообщество активных создателей, способных генерировать значимые культурные и экономические продукты.

Следствием этих ограничений становится фрагментарность использования потенциала креативных пространств. Недостаточное взаимодействие с вузами и программами дополнительного образования лишает креативные пространства притока новых людей и затрудняет переход молодежи от учебы к практической деятельности. Кроме того, информация о возможностях профессионального роста, стажировках, грантах или резидентских программах внутри креативной экосистемы часто непрозрачна или недоступна широкому кругу пользователей. Молодые таланты, особенно из периферии или менее обеспеченных слоев, просто не знают, как ими воспользоваться. Необходимы дополнительные усилия для того, чтобы трансформировать креативные пространства в работающие социальные лифты, а также создать эффективные механизмы, обеспечивающие вовлечение молодежи в социально-экономическую и культурную сферы города. Только тогда декларации об инклюзивности станут реальной практикой, а креативные пространства – настоящей инфраструктурой будущего для всех жителей города.

Заключение

В контексте «экономики знаний» креативные пространства и индустрии выступают важнейшим инструментом привлечения и удержания талантливой молодежи, являясь стратегическим ресурсом и инвестицией в будущее. Подтверждением эффективности этого подхода служат данные о том, что подавляющее большинство опрошенных студентов (85%) оценивают Казань позитивно, отмечая ее комфорт и предоставляемые возможности.

Ключевым показателем успеха в борьбе за молодежь является их желание связать будущее с городом. Наличие креативных пространств отчасти сдерживают «утечку мозгов». Успешные при-

меры (IT-парк, «Смена», «Урам» в Казани) демонстрируют их роль в оживлении городской среды, формировании культурного кода и привлекательного имиджа.

Однако потенциал креативных пространств как инструмента реальной интеграции молодежи в экономическую деятельность и культурную сферу города реализуется не полностью. Как показал опрос, определяющей формой участия является пассивное потребление, главными целями посещения – отдых и развлечения. В ходе проведенного исследования выявлены существенные барьеры, мешающие превращению посетителей в устойчивое сообщество создателей контента и ограничивающие социальную функцию креативных пространств: элитарность и финансовая недоступность для части молодежи, недостаток навыков и прозрачных механизмов поддержки, слабая связь с образовательными институтами, непрозрачность информации о возможностях внутри экосистемы.

Ключевое направление развития креативных пространств Казани заключается в эволюции из мест притяжения для пассивного потребления в действующую инфраструктуру реального созидания, обеспечивающую доступность и поддержку для талантливой молодежи из всех социальных групп населения. Развитие креативного кластера для Казани – это создание не только инфраструктуры, но и условий для ее использования. Успешность применяемых стратегий будет определяться интеграцией глобальных трендов («духа времени») с уникальной локальной идентичностью («гением места») и формированием среды для генерации инноваций через диалог культур и сообществ. При этом должен быть обеспечен баланс между коммерческой эффективностью, социальной миссией и аутентичностью креативных пространств. В этом случае они станут катализатором преобразований городской среды, повышая качество жизни и конкурентоспособность территории в борьбе за человеческий капитал.

Список литературы

1. Акимова О.Е., Волков С.К., Хрысева А.А. Концепция «умный город»: эволюция, элементы и форма реализации // Теоретическая экономика. – 2020. – № 6 (66). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konseptsiya-umnyy-gorod-evolyutsiya-elementy-i-forma-realizatsii> (дата обращения 18.02.2025).
2. Бардин А.Л. Креативный потенциал города в контексте цифровизации // Вестник РУДН. – 2023. – С. 519–538.
3. В РТ планируют урегулировать развитие креативных индустрий // Казанские ведомости. – 2024. – 25.12. – URL: <https://kazved.ru/news/xotyat-uregulirovat-razvitiye-kreativnykh-industrii-v-tatarstane-5877676> (дата обращения 28.07.2025).
4. В Татарстане создадут два совета для развития креативных индустрий // БизнесOnline. Новости. – 2025. – 02.06. – URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/674013> (дата обращения 11.07.2025).
5. Гений места российских городов. Материалы XXII ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения» (01–02.03.2024, г. Санкт-Петербург) / под ред. Л.Э. Лимонова. – Санкт-Петербург : АНО Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2024. – 275 с.
6. Желнина А.А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства // ЖССА. – 2015. – Т. 18, № 2. – С. 45–59.
7. Жихаревич Б.С. Резюме экспертной дискуссии 2 марта 2024 года // Гений места российских городов. Материалы XXII ежегодной конференции (01–02.03.2024, г. Санкт-Петербург) / под ред. Л.Э. Лимонова. – Санкт-Петербург : АНО Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2024. – С. 246–249.
8. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. – Москва : Инфра-М, 2002. – 112 с.
9. Ишкинеева Ф.Ф., Озерова К.А., Ишкинеева Г.Ф. Образ «умного города» Иннополис: концепты и повседневность // Вестник Института социологии. – 2021. – № 2. – С. 143–157.

10. Казань на подъеме: как образование и сообщества формируют новую деловую среду // Школа управления Skolkovo. InTrend. – 2025. – 25.04. – URL: <https://www.skolkovo.ru/cases/kazan-na-podeme-kak-obrazovanie-i-soobshestva-formiruyut-novyyu-delovyyu-sredu/> (дата обращения 12.07.2025).
11. Лэндри Ч. Креативный город. – Москва : ИД «Классика-XXI», 2006. – 399 с.
12. Мобильные и несемейные: как и зачем развитие Казани будут подстраивать под поколение Z? // Казанские ведомости. – 2022. – 02.12. – URL: <https://kazved.ru/news/estetika-ekologichnost-i-komfort-kakoi-budget-kazan-pokoleniya-z-5857047> (дата обращения 12.07.2025).
13. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 55 с.
14. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкановой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.
15. Прохоров С.И. Формирование креативного пространства в современном мегаполисе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2021. – № 1 (24). – С. 100–110.
16. Сторпер М. Ключи от города. Как устроено развитие? – Москва : Новое издательство, 2018. – 368 с.
17. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – 2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения 10.05.2025).
18. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. – Москва : Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.
19. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования : учебник / пер. с польского Н.В. Морозовой. – Москва : Логос, 2007. – 168 с.

THE POTENTIAL OF CREATIVE CITY SPACES IN THE COMPETITION FOR TALENTED YOUTH (ON THE EXAMPLE OF KAZAN)

Ishkineeva F.F.

PhD (Soc. Sci), Associate Professor, Department of General and Ethical Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia);
farida1967@mail.ru

Gorskaya K.A.

Department of General and Ethical Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia); kggorskaya.stud.kpfu@gmail.com

Abstract. The competitiveness of modern cities is reflected in their attractiveness to talented and active youth, which is facilitated by the development of creative spaces and industries. The focus is on the potential and nature of the development of creative spaces in Kazan, their relevance and popularity among young people. The real involvement of the city's youth ranges from passive consumption to active participation and strongly depends on the accessibility of the territory, the relevance of the offer and the efforts of the management teams. In this regard, the realization of the potential of the city's creative spaces involves the development of effective mechanisms for attracting young people.

Keywords: city; Kazan; student youth; creative space; creative industry; regional development.

For citation: Ishkineeva F., Gorskaya K. The potential of creative city spaces in the competition for talented youth (on the example of Kazan) // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 3. – P. 187–197.

УДК 364.444:316.35–053.9(470.23–25)

ОБРАЩЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ГОРОЖАН ЗА ПЕРВИЧНОЙ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩЬЮ В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Галкин Константин Александрович

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН-филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия); Kgalkin1989@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируется доступность первичной медико-санитарной помощи для пожилых людей, проживающих в двух различных районах Санкт-Петербурга: в историческом районе и в современном жилом комплексе. Эмпирическую базу исследования составили полуструктурированные интервью с представителями данной категории населения. В качестве метода исследования был использован тематический анализ и количественный лексический анализ нарративов интервью. В рамках каждой темы рассмотрены особенности восприятия городской среды пожилыми людьми, а также возможные проблемы, обусловленные инфраструктурными ограничениями. Отмечается, что в старых районах искусственность городской среды носит ситуативный характер и связана с несоответствием исторической застройки современным требованиям. В новых районах искусственность заложена в самой проектировочной логике: городская инфраструктура не учитывает потребности пожилых людей.

Ключевые слова: городская среда; городская инфраструктура; пожилые люди; первичная медико-санитарная помощь; Санкт-Петербург.

Для цитирования: Галкин К.А. Обращения пожилых горожан за первичной медико-санитарной помощью в контексте искусственности городской среды (на примере Санкт-Петербурга) // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 3. – С. 198–209.

URL: <https://sns-journal.ru/tu/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.13

Рукопись поступила 20.05.2025.

Принята к печати 03.08.2025.

Введение

В современной урбанистике все чаще поднимаются вопросы взаимодействия человека с окружающим пространством и его связи с различными видами городской среды [Robinson, 2016; Жабина, 2014]. Эти темы постепенно занимают центральное место в исследовательских дискурсах. Возрастающий интерес к влиянию городской среды на образ жизни, ее использование различными социальными группами, а также изучение того, каким образом город может быть комфортным для разных категорий населения, органично вписываются в современные концепции урбанистики, включая устойчивое развитие городов и пространственную непрерывность [Ваньке, 2018; Прокопьева, 2017; Зaborova, 2013].

Одним из ключевых аспектов современных городских исследований становится изучение социальных отношений, формирующих основу для интеграции различных подходов к развитию городов [Hölscher, Frantzeskaki, 2021; Israilidis, Odusanya, Mazhar 2021]. В этом контексте важную роль играет исследование повседневности различных социальных групп, а также их адаптации к условиям городской среды [Wessel, 2009]. Однако остается актуальной проблема пространственной эксклюзии, а также изучение того, как различные инфраструктурные элементы способствуют или препятствуют участию различных групп населения в городской жизни [Киенко, 2019; Chib, Alvarez, Todorovic, 2022].

Одной из групп, сталкивающихся с определенными формами неравенства, являются представители старшего поколения. Их взаимодействие с городской средой во многом определяется уровнем урбанизации, размерами города и длительностью проживания в нем, доступностью магазинов и общественного транспорта, а также уровнем развития социальной сферы и системы ухода [Garner, Holland, 2022; Robertson, 2022]. В ряде городов реализуются принципы проектирования, учитывающие возрастные особенности населения, создаются «возраст-дружественные» районы, обладающие наиболее комфортной инфраструктурой [What makes..., 2009; Age-friendly cities..., 2020].

Современные урбанистические исследования все чаще обращаются к теоретическим концепциям, включающим онтологические подходы, в рамках которых бытие горожан рассматривается как континуальный процесс, охватывающий различные аспекты человеческой жизни. Важным аспектом онтологического анализа является трактовка объектов как гибридных сущностей, что подразумевает отказ от представления об их идеальности и неделимости. Согласно данной концепции, все объекты существуют на пересечении различных потоков и сетей, что делает их принципиально неоднородными [Mol, 2002].

Ключевым элементом подобного подхода выступает процесс конструирования объектов, которые впоследствии становятся акторами, включенными во взаимодействия как между людьми, так и между людьми и неодушевленными сущностями. Этот принцип лежит в основе акторно-сетевой теории, согласно которой реальность формируется через множественные практики и взаимодействия [Гобрусенко, 2015]. В данном контексте различные акторы – как одушевленные (люди), так и неодушевленные (предметы, инфраструктура) – участвуют в создании социальной реальности, что позволяет рассматривать ее как искусственную и сконструированную в конкретный момент времени [Кузнецов, 2015].

Особое значение в рамках данного подхода приобретают постоянные интеракции между людьми и материальными объектами, а также между людьми и окружающей средой. Исследователи отмечают, что искусственность городской среды проявляется наиболее отчетливо, поскольку неодушевленные объекты, включая элементы инфраструктуры, формируют специфические условия для взаимодействий [Contributions of science-technology..., 2020; Kim, 2019].

Реальность лиц старшего возраста формируется в условиях постоянных взаимодействий с материальными объектами и инфраструктурой, структурированной определенным образом [Галкин, 2021]. Эти взаимодействия зависят как от свойств самих объектов, так и от особенностей среды, которая может быть представлена в виде сети материальных и нематериальных отношений. Данная среда, будучи искусственно созданной, оказывает значительное влияние на уровень удовлетворенности жизнью представителей старших возрастных групп, а также на их желание оставаться социально активными — что является одной из ключевых идей теории активного долголетия [Парфенова, Галкин, 2023].

Одной из значимых проблем современных научных исследований, посвященных изучению обращения лиц старшего возраста за первичной медико-санитарной помощью, остается отсутствие четко сформулированных критериев оценки удовлетворенности данным видом помощи среди различных социальных и возрастных групп. В отечественной научной литературе чаще всего фиксируется общий уровень удовлетворенности системой здравоохранения, без учета специфики восприятия медицинских услуг людьми старшего поколения [Самооценка здоровья..., 2020]. Их особые потребности и индивидуальные ожидания при получении первичной помощи остаются вне поля зрения исследователей и не учитываются при разработке медицинских и социальных программ. Такая ситуация ограничивает понимание глубинных социальных, психологических и инфраструктурных факторов доверия к медицине как институту [Общественное мнение..., 2019; AlSaud, Taddese, Filippidis, 2018], что негативно сказывается как на систематической профилактике заболеваний, так и на укреплении здоровья, повышении уровня самостоятельности и реализации концепции активного долголетия. Несмотря на закрепленное законом право на равный доступ к медицинской помощи, на практике сохраняются значительные территориальные, социальные и

инфраструктурные различия. Эти различия заметны не только между городскими и сельскими районами, но и внутри одного города. Они связаны с качеством медицинских учреждений, уровнем развития транспортной и социальной инфраструктуры, а также с общим комфортом городской среды для передвижения и посещения медицинских организаций [Галкин, 2023].

Особую значимость приобретает анализ искусственного характера городской среды, который оказывает непосредственное влияние на восприятие удобства, безопасности и доступности медицинских учреждений. Люди старшего возраста зачастую воспринимают новые районы как менее гостеприимные и слабо приспособленные к их потребностям, что усиливает психологические барьеры при обращении за медицинской помощью [Галкин, 2021]. Изучение того, как люди старшего поколения оценивают искусственность городской инфраструктуры, помогает выявить скрытые механизмы формирования их мнений, опыта и поведения.

В данном исследовании используется определение первичной медико-санитарной помощи, приведенное в статье 33 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Федеральный закон ..., 2021]. Рассматривались два типа помощи: врачебная и специализированная, предоставляемые в амбулаторных условиях и в дневных стационарах. Главный акцент делается на анализе влияния особенностей городской среды на решения лиц старшего возраста обращаться за помощью и на выявлении различий восприятия городской инфраструктуры в районах с разной исторической и социальной застройкой.

Методология и эмпирическая база

Исследование проводилось в городе федерального значения Санкт-Петербурге. В рамках двух исследуемых локаций было проведено по 20 интервью, в общей сложности – 40 интервью. Выборка исследования включала представителей старшего поколения в возрасте от 68 до 80 лет. Интервью проводились в полуструктурированном формате. Все участники исследования имели различные проблемы со здоровьем и хронические заболевания. Для анализа интервью применялись два метода. Первый – тематический анализ, позволивший выделить ключевые темы в восприятии городской среды и понять, каким образом респонденты интерпретируют удобство и доступность медицинской помощи. Второй – количественный лексический анализ, включавший подсчет частотности употребления слов и семантический анализ, направленный на определение эмоциональной окраски и контекста употребления. Использовались современные технологии обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) и машинного обучения. Для реализации этих задач был разработан специализированный программный код, позволивший автоматизировать и углубить анализ текстовых данных.

Тема искусственности в контексте модернизации привычных городских пространств

В рамках проведения тематического анализа нарративов интервью с использованием метода секвенциального анализа были выявлены и систематизированы ключевые темы, отражающие структуру восприятия городского пространства пожилыми людьми в контексте обращений за первичной медико-санитарной помощью. На основе анализа нарративов и выделенных субтем сформулированы два основных тематических блока, которые легли в основу описания, представленного в настоящем исследовании.

Первая тема характеризуется отрицанием возможностей эффективного оказания медицинской помощи и, как следствие, формированием устойчивого негативного отношения к качеству медицинского обслуживания в целом. В рамках этой темы помощь воспринимается через призму отдельных конкретных случаев. Однако общий нарратив информантов не содержит детализированного описания проблем и сложностей системы здравоохранения. Вместо этого внимание сосредотачивается на отдельных эпизодах, в которых городская среда – пробки, отсутствие подъездных путей, пандусов и специализированной инфраструктуры – выступает в качестве фактора, создающего дополнительные препятствия для обращения за медицинской помощью.

Я думаю, что, во-первых, у нас сама помощь так в целом работает – то есть никак, потому что, о чем можно вообще в принципе говорить, если у нас в городе и машин скорой помощи не хватает? Но во-вторых, есть и обратная сторона этого вопроса, и она как раз в том, что сам город действует разрушительно. Ну вы где-то видели, как оборудованы у нас подъезды для скорой? Сколько машин во дворах стоит, особенно если это старый фонд? У меня было несколько случаев, что я даже не могла дойти до скорой, меня практически выносили, потому что лужи у нас во дворах такие, что ты просто не можешь нормально передвигаться.

Ключевой нарратив этой темы можно сформулировать следующим образом: наряду с проблемами в системе здравоохранения, значительное влияние на доступность медицинской помощи оказывает сама городская среда, которая создает дополнительные барьеры и препятствует оперативному оказанию медицинских услуг. Данная тема в интервью встречалась у жителей старых районов, в которых состояние городской инфраструктуры оказывает негативное влияние на скорость и удобство оказания медицинской помощи.

Важным аспектом для жителей старого фонда является соседская поддержка, которая частично нивелирует неудобства, вызванные урбанистическими изменениями. В критических ситуациях, таких как резкое ухудшение здоровья, именно помощь соседей становится ключевым фактором успешного оказания медицинской помощи.

Три года назад я серьезно заболела. Был микроинсульт, и я полностью слегла. В итоге мне соседи помогли: у нас заведено проверять друг друга, если кто-то долго не отвечает на звонок.

Когда мне стало плохо, они вызвали скорую и помогли с транспортировкой. В новых домах такое вряд ли возможно.

Таким образом, социальная среда в исторических районах выполняет компенсаторную функцию, снижая негативное влияние искусственности, связанной с модернизацией городского пространства.

Процесс обращения за первичной медико-санитарной помощью рассматривается через призму набора определенных действий, с фокусом на проблемах, связанных с приездом скорой помощи. В свою очередь, вопросы, касающиеся качества системы здравоохранения, воспринимаются как общий фон, создающий дополнительные сложности. Другим важным элементом данной темы является стремление информантов представить индивидуальные сложности обращения за медицинской помощью как часть более глобальных проблем организации здравоохранения в России.

Тема искусственности комфорта городских пространств

В рамках второй темы информанты, преимущественно жители новых районов города, связывали неудобства, возникающие при вызове скорой помощи, с особенностями инфраструктуры современных жилых комплексов. В таких районах оказание медицинской помощи вплетено в общий комфорт городской среды: больницы находятся относительно недалеко от новостроек, а планировка района предполагает удобное расположение жилых домов. Однако на практике это удобство может оказаться иллюзорным.

Информанты отмечали, что подобные инфраструктурные решения часто представляют интерес, прежде всего, в рамках маркетинговых стратегий. Главной целью таких решений, по их мнению, является не забота о жителях, а улучшение позиций застройщиков на рынке недвижимости:

Изначально, если посмотреть, то все организовано удобно: скорая помощь приезжает быстро, больницы и поликлиники находятся недалеко. Но дьявол, как известно, кроется в деталях. Если взглянуть внимательнее, выясняется, что дворы заставлены машинами, особенно служеб доставки, которые могут стоять по часу. Это создает препятствия для проезда скорой и пожарной машин. А пандусы – отдельная проблема, они не рассчитаны на подъем каталок. В таких условиях только и думаешь, чтобы с тобой ничего серьезного не случилось, иначе даже не знаешь, как смогут тебя поднять или спустить.

Наше исследование выявило множество схожих по содержанию мнений. С одной стороны, новые районы описывались как удобные, в частности благодаря близкому расположению аптек и магазинов. Однако, с другой стороны, удобство сочетается с отсутствием возможности быстрого подъезда скорой помощи к парадному входу, а также удаленностью стационаров и поликлиник. Кроме того, информанты отмечали социальную изоляцию в новых жилых комплексах, вызванную

слабой соседской связью, что усложняло получение поддержки и участия в терапевтическом общении.

Раньше жила на Петроградке. Да, соседи были разные, но, если что-то случалось, можно было обратиться за помощью. Если кто-то заболевал, соседи могли принести лекарства, поддержать. А теперь все другое. Самое сложное – осознание того, что ты одинок и изолирован, несмотря на толпы людей вокруг. Если случится что-то со здоровьем, помочь уже некому.

Для жителей новых районов основным источником искусственности становится несовершенство транспортной и медицинской инфраструктуры. Пробки, отсутствие удобных подъездов к домам, удаленность больниц – все это затрудняет своевременное оказание помощи. Респонденты отмечают, что проектировщики не учитывали потребности маломобильных групп населения, что привело к созданию формально комфортной, но на практике неудобной среды.

Дома новые построили, но никто не подумал, как здесь будут ездить скорые. Ждать помощь приходится по несколько часов из-за пробок. Дороги узкие, подъезды неудобные – об этом никто не позаботился.

Кроме того, в новых районах отсутствует естественная коммуникация между жителями, что усиливает ощущение отчужденности и искусственности социальной среды.

Одной из важных составляющих, влияющей на обращения пожилых людей за первичной медико-санитарной помощью, выступает местоположение жилого района. Жители старых районов, как правило, сталкиваются с такими проблемами, как ограниченный доступ к медицинским учреждениям, трудности передвижения, связанные с отсутствием удобных пандусов и лифтов. Подобные проблемы были выделены как в рамках интервью, так и при анализе нарративов интервью в рамках количественного лексического анализа. В то же время, в новых жилых комплексах были отмечены проблемы иного характера – искусственно созданный комфорт не всегда соответствует реальным потребностям пожилых людей, особенно в контексте экстренной медицинской помощи.

Кроме того, результаты интервью с пожилыми информантами демонстрируют связь между готовностью обращаться к медицинским услугам и восприятием города. Личная привязанность к району проживания и чувство безопасности существенно влияют на выбор медицинского учреждения и желание использовать те или иные медицинские услуги. Это важно учитывать в контексте городской политики и развития программ по улучшению медицинского обслуживания.

Результаты количественного семантического анализа показали, что искусственность городской среды воспринимается лицами старшего возраста преимущественно в негативном ключе, усиливая чувство отчуждения и недоверия к системе здравоохранения. В новых районах города доля негативной тональности в интервью составила 54%, что указывает на выраженное недовольство качеством городской инфраструктуры и доступностью медицинских услуг. В исторических районах этот показатель оказался заметно ниже – 42%, что объясняется более прочными сосед-

скими связями, лучшей доступностью социальных объектов и привычностью окружающей среды. Подробнее данные анализа семантического анализа представлены на рисунках 1 и 2.

Рис. 1. Семантический анализ отношений к искусственности городской среды у пожилых людей, проживающих в новых районах города

Составлено автором по данным исследования отношения пожилых людей к обращению за первичной медико-санитарной помощью в Санкт-Петербурге в 2024–2025 гг.

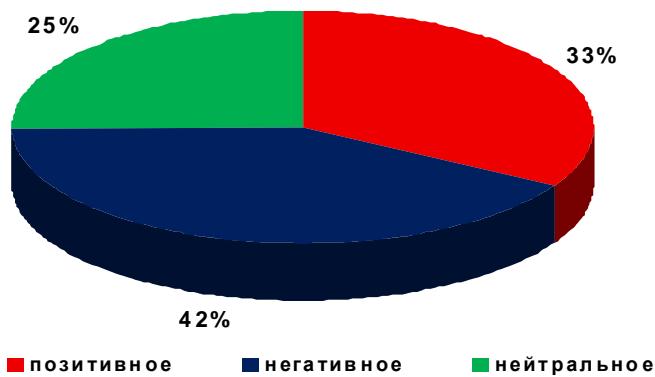

Рис. 2. Семантический анализ отношений к искусственности городской среды у пожилых людей, проживающих в исторических районах города

Составлено автором по данным исследования отношения пожилых людей к обращению за первичной медико-санитарной помощью в Санкт-Петербурге в 2024–2025 гг.

Частотный анализ лексики показал, что в новых районах наиболее часто упоминались слова «пробки», «поздний приезд помощи», «неудобный вход», «не к кому обратиться», отражающие наличие транспортных и социальных барьеров. В исторических районах респонденты чаще упоминали «соседи», «пробки», «больница рядом», «неудобные аптеки», что подчёркивает значение поддержки и близости инфраструктуры. Подробнее данные анализа частотности слов представлены на рисунках 3 и 4.

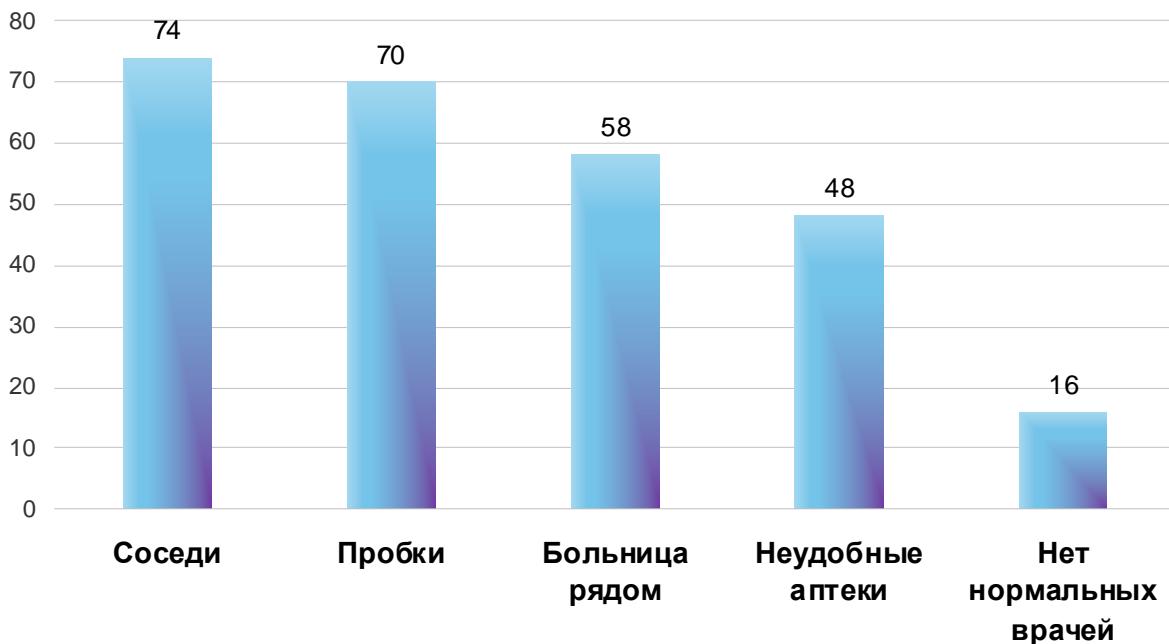

Рис. 3. Анализ частотности употребляемых слов у пожилых людей, проживающих в исторических районах города

Составлено автором по данным исследования отношения пожилых людей к обращению за первичной медико-санитарной помощью в Санкт-Петербурге в 2024–2025 гг.

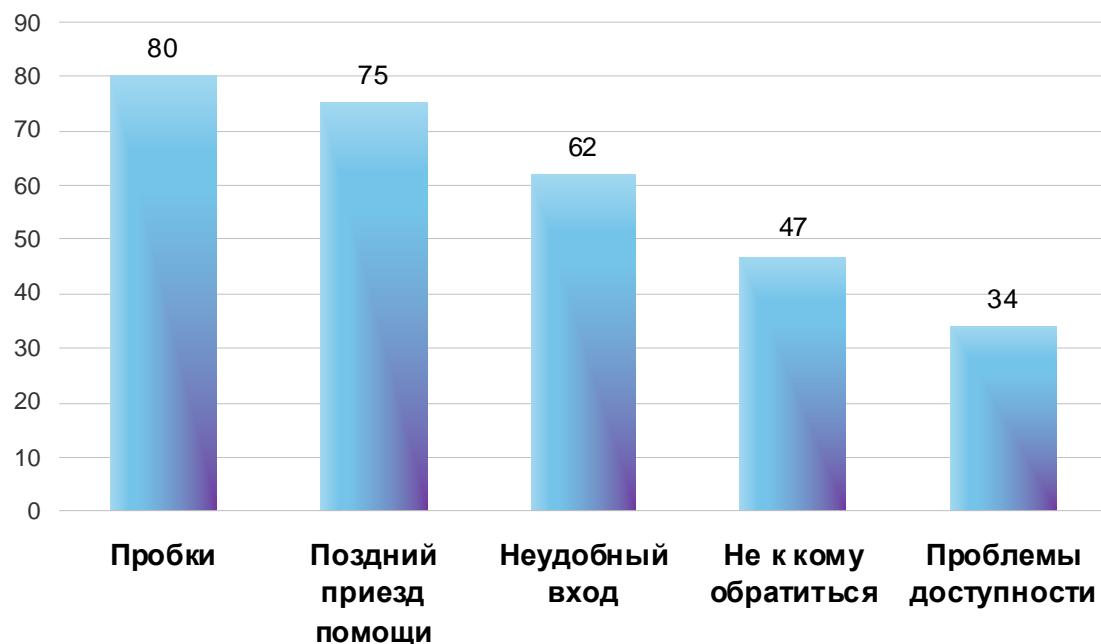

Рис. 4. Анализ частотности употребляемых слов у пожилых людей, проживающих в новых районах города

Составлено автором по данным исследования отношения пожилых людей к обращению за первичной медико-санитарной помощью в Санкт-Петербурге в 2024–2025 гг.

Данные количественного лексического анализа дополнительно подтвердили, что лица старшего возраста в новых районах испытывают наибольшие сложности при взаимодействии с городской средой.

Заключение

Проведенное исследование выявило значимую взаимосвязь между городскими инфраструктурами и особенностями обращения пожилых людей за первичной медико-санитарной помощью в различных районах города. Представленные в исследовании темы позволили обозначить связь между городскими пространствами, чувством привязанности к ним и восприятием удобства и комфорта городской среды.

При этом наблюдается явная зависимость между уровнем развития территории и инфраструктуры, скоростью оказания первичной медико-санитарной помощи пожилым людям и частотой их обращений за подобной помощью. Выявленные темы показали сложность взаимодействия пожилых людей с городскими пространствами, а также влияние этих пространств на их обращения за медицинской помощью и представления о значимости городской среды в этом контексте.

Наибольшие трудности, связанные с искусственной организацией пространства, испытывают жители новых районов, в которых инфраструктура проектировалась без учета потребностей данной возрастной группы. Ключевыми проблемами здесь становятся неадаптированность коммуникативных зон и отсутствие естественного взаимодействия между соседями.

Напротив, в районах старого фонда искусственность среды обусловлена преимущественно современными изменениями, такими как увеличение автомобильного трафика и несоответствие исторической застройки текущим транспортным потребностям. Узкие проезды, недостаток парковочных мест, включая специализированные зоны для экстренных служб, создают дополнительные сложности. Однако, как отмечают сами респонденты, социальные связи в таких районах компенсируют недостатки инфраструктуры.

Важную роль в доступности медицинской помощи играют транспортные условия. В старых районах нередко наблюдаются проблемы с подъездом машин скорой помощи из-за узких дворов, припаркованных автомобилей и отсутствия специально оборудованных зон для экстренных служб. В новых районах, несмотря на кажущуюся модернизацию, также встречаются препятствия: перегруженные подъезды, сложные схемы дорожного движения внутри жилых комплексов, не всегда удобные маршруты общественного транспорта.

Таким образом, исследование показало, что доступность первичной медико-санитарной помощи для пожилых людей является сложным и многогранным вопросом, включающим в себя как инфраструктурные, так и социальные аспекты. Улучшение городской среды, повышение транспортной доступности, развитие программ социальной поддержки и адаптация медицинской системы к нуждам пожилых людей могут стать важными шагами для решения выявленных проблем.

Количественный лексический анализ показал важность учета факторов городской среды и социальной поддержки при организации первичной медико-санитарной помощи для лиц старшего возраста. Эти результаты имеют стратегическое значение для разработки мер, направленных на

повышение качества жизни, укрепление здоровья и реализацию концепции активного старения. Комплексный учет инфраструктурных, социальных и психологических факторов способен существенно повысить уровень доверия населения к системе здравоохранения и обеспечить более широкое и комфортное обращение за медицинской помощью.

Список литературы

1. Ваньке А., Полухина Е. Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // *Laboratorium : журнал социальных исследований*. – 2018. – № 3. – С. 4–34.
2. Галкин К.А. Ограничено пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 27–40.
3. Галкин К.А. Сборки старения в различных средах: применение материальной оптики // *Социологическое обозрение*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 244–260.
4. Галкин К.А. Ситуационные неравенства в пандемию и особенности адаптации пожилых в постпандемийное время на примере Санкт-Петербурга и сельских районов Карелии // *Журнал исследований социальной политики*. – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 519–538.
5. Гобрусенко Т.К. Онтологии акторно-сетевой теории // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. – 2015. – № 7 (47). – С. 37–44.
6. Жабина С.А. Социально-экологические аспекты создания комфортной среды на примере малых городов Московской области // *Урбанистика*. – 2014. – № 2. – С. 25–33.
7. Зaborова Е.Н., Исламова А.Ф. Город как социальное пространство // *Социологические исследования*. – 2013. – № 2. – С. 97–101.
8. Киенко Т.С. Пожилые горожане и аудиовизуальная среда города: возраст как фактор солидарности с пространством // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2019. – Т. 22, № 4. – С. 57–87.
9. Кузнецов А.Г. Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории // *Социология власти*. – 2015. – Т. 27, № 1. – С. 55–89.
10. Общественное мнение о здравоохранении: основные факторы повышения удовлетворенности населения медицинской помощью / Михайлова Ю.В., Сибурина Т.А., Сон И.М., Щепин В.О., Линденбрaten А.Л., Михайлов А.Ю. // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 231–236.
11. Парфенова О.А., Галкин К.А. Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2023. – Т. 26, № 1. – С. 200–223.
12. Прокопьева Н.Ю. Особенности восприятия городского пространства // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. МК Аммосова. Серия Педагогика. Психология. Философия*. – 2017. – № 3 (07). – С. 87–93.
13. Самооценка здоровья и удовлетворенность медицинской помощью сельским населением возраста 60+ Калининградской области / Шикина И.Б., Чухриенко И.Ю., Задоркина Т.Г., Михайлов И.А., Элизов И.А. // *Менеджер здравоохранения*. – 2020. – № 10. – С. 37–43.
14. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Минздрав России. – 2011. – URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025/> (дата обращения 09.07.2025).
15. Age-friendly cities in the Netherlands: An explorative study of facilitators and hindrances in the built environment and ageism in design / van Hoof, J., Dikken, J., Buttigieg, S.C., van den Hoven, R.F., Kroon, E., & Marston, H.R. // *Indoor and Built Environment*. – 2020. – Т. 29, N 3. – С. 417–437.
16. AlSaud A.J.M., Taddese H.B., Filippidis F.T. Trends and correlates of the public's perception of healthcare systems in the European Union: a multilevel analysis of Eurobarometer survey data from 2009 to 2013 // *BMJ open*. – 2018. – Т. 8, N 1. – С. 1–26.
17. Chib A., Alvarez K., Todorovic T. Critical perspectives on the smart city: Efficiency objectives vs inclusion ideals // *Journal of Urban Technology*. – 2022. – Т. 29, N 4. – С. 83–99.
18. Contributions of science-technology studies and actor-network theory to urban studies / Rheingantz P.A., Pedro R.M., Angotti F.B., Sbarra M.H., Guerra J.M. / *Area Development and Policy*. – 2020. – Т. 5, N 1. – С. 50–74.
19. Garner I.W., Holland C.A. Age-friendliness of living environments from the older person's viewpoint: Development of the Age-Friendly Environment Assessment Tool // *Age and Ageing*. – 2020. – Т. 49, N 2. – С. 193–198.
20. Hölscher K., Frantzeskaki N. Perspectives on urban transformation research: transformations in, of, and by cities // *Urban Transformations*. – 2021. – Т. 3. – С. 1–14.
21. Israelidis J., Odusanya K., Mazhar M.U. Exploring knowledge management perspectives in smart city research : A review and future research agenda // *International Journal of Information Management*. – 2021. – Т. 56. – С. 1–8.
22. Kim J. Designing multiple urban space: an actor-network theory analysis on multiplicity and stability of public space // *Journal of Urban Design*. – 2019. – Т. 24, N 2. – С. 249–268.
23. Mol A. The body multiple: Ontology in medical practice. – Duke University Press, 2002. – 196 p.

24. Robertson J. M. ‘It gives you a reason to be in this world’: The interdependency of communities, environments and social justice for quality of life in older people //Ageing & Society. – 2022. – Т. 42, N. 3. – С. 539–563.
25. Robinson J. Thinking cities through elsewhere: Comparative tactics for more global urban studies // Progress in human geography. – 2016. – Т. 40, N 1. – С. 3–29.
26. Wessel T. Does diversity in urban space enhance intergroup contact and tolerance? //Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. – 2009. – Т. 91, N. 1. – С. 5–17.
27. What makes a community age – friendly : A review of international literature / Lui C. W., Everingham J. A., Warburton J., Cuthill M., Bartlett H. // Australasian journal on ageing. – 2009. – Т. 28, N 3. – С. 116–121.

APPEALS OF ELDERLY FOR PRIMARY HEALTH CARE IN THE CONTEXT OF THE ARTIFICIALITY OF THE URBAN ENVIRONMENT (ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)

Galkin K.A.

PhD (Soc. Sci), Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS
(Saint-Petersburg, Russia); Kgalkin1989@mail.ru

Abstract. This article analyzes the availability of primary health care for the elderly living in two different districts of St. Petersburg: in the historical district and in a modern residential complex. The empirical basis of the study was made up of semi-structured interviews with representatives of this population category. The research method used was thematic analysis and quantitative lexical analysis of interview narratives. Within the framework of each topic, the peculiarities of the perception of the urban environment by the elderly, as well as possible problems caused by infrastructural constraints, are considered. It is noted that in the old districts, the artificiality of the urban environment is situational in nature and is associated with the inconsistency of historical buildings with modern requirements. In new areas, artificiality is embedded in the very design logic: urban infrastructure does not take into account the needs of the elderly.

Keywords: urban environment; urban infrastructure; elderly; primary health care; St. Petersburg.

For citation: Galkin K.A. Appeals of elderly for primary health care in the context of the artificiality of the urban environment (on the example of St. Petersburg) // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 3. – P. 198–209.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.03.13

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Научный журнал

№ 3 (20) / 2025

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА И ИХ ИНФРАСТРУКТУРА

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.П. Дормидонова

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>**

**электронный адрес редакции
e-mail: sns-journal@bk.ru**

Подписано в свет – 23/12 – 2025 г.

Формат 60×90/8 Уч.-изд.л. 13,9